

ЖУРНАЛ 2023

'1(104)

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Алексей Данильченко
(председатель)
Сергей Балашенко
Елена Давыденко
Елена Довгань
Елена Достанко
Руслан Есин
Пауль Калиниченко
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Олег Старовойтов
Александр Шарапов
Наталья Юрова

**Редактор английского
текста:**
Полина Чернопинская

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Юридический адрес:
Беларусь, 220004, Минск,
ул. Короля, 3, пом. 8
Почтовый адрес:
Беларусь, 220050, Минск, а/я 245
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»
тел.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
http://www.beljournal.evolutio.info/

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

НАХОДИТЕ НАС:



Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследова-
тельским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Регулирование участия эксперта в междуна-
родном третейском производстве: сравнитель-
ный анализ документов международных инсти-
тутов и национальных источников *Е. П. Хаткевич* 3

международные отношения

Роль инициативы «Один пояс, один путь» в со-
трудничестве Китая и стран АСЕАН в сфере
реализации инфраструктурных проектов *Ван Лэпин* 1 0

Польша во внешней политике администрации
Д. Трампа (2017—2021 г.) *Т. В. Свентецкая* 1 7

Працэс аптацыі польскага грамадзянства на
тэрыторыі БССР у 1921—1923 г. *В. М. Бароўская* 2 5

Основные направления внешнеполитической
деятельности архиепископа Макариоса во гла-
ве Кипрской церкви и Республики Кипр *Н. О. Пашков* 3 1

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Айчынная гістарыяграфія міжнародных адносін
і знешняй палітыкі: прыклад сістэмнага навуко-
вага аналізу *В. М. Мацэль* 3 5

международные экономические отношения

Международные потоки капитала в современ-
ных условиях: вызовы и возможности *Н. В. Годес* 3 9

Гостиничный сектор Республики Куба: страно-
вая специфика развития *В. М. Дедок* 4 8

Оценка социально-экономической эффектив-
ности инвестиций в сфере транспорта (на
примере проекта государственно-частного
партнерства по реконструкции участка автомо-
бильной дороги М-10) *Л. Е. Филиппова* 5 6

Методологический подход к измерению емкости
мирового рынка цифровых ресурсов: альтерна-
тивные показатели цифрового развития стран *И. А. Зубрицкая* 6 4

Сравнительный анализ интенсивности внеш-
ней торговли Китая со странами «Большой се-
мерки» и АСЕАН *Ши Чжичао* 7 3

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Участие в интеграционных процессах — при-
оритет внешнеэкономической деятельности
Беларуси на современном этапе *В. А. Румянцев* 7 9

JOURNAL 2023

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

'1(104)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editing Board:
Alexey Danilchenko
(chairman)
Sergey Balashenko
Alena Dastanka
Elena Davydenko
Alena Douhan
Ruslan Esin
Paul Kalinichenko
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo
Natalia Yurova

English Text Editor:
Polina Chernopinskaya

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
Legal address:
3, Korolya str., room 8,
Minsk, 220004, Belarus
Postal address:
PO Box 245,
Minsk, 220050, Belarus
tel.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

FIND US:



The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

The Regulation of Expert's Participation in
International Arbitration: Comparative Analysis of
International Institutions' Documents and National
Sources *Elena Khatkevich* **3**

INTERNATIONAL RELATIONS

The Role of the Belt and Road Initiative in
Relations between China and ASEAN Countries
in the Implementation of Infrastructure Projects *Wang Leping* **1** 0

Poland in the Foreign Policy of the Trump
Administration (2017—2021) *Tatsiana Sviantsetskaya* **1** 7

The Process of Opting for Polish Citizenship on
the Territory of the BSSR in 1921—1923 *Volga Borovskaya* **2** 5

The Main Directions of the Foreign Policy Activities
of Archbishop Makarios at the Head of the Church
of Cyprus and the Republic of Cyprus *Nikodim Pashkov* **3** 1

BOOKSHELF

Domestic Historiography of International Relations
and Foreign Policy: an Example of Systematic
Scientific Analysis *Valeriy Matsej* **3** 5

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

International Capital Flows in Modern Conditions:
Challenges and Opportunities *Nadzeya Hodzes* **3** 9

The Hotel Sector of the Republic of Cuba: Country-
specific Development *Victoria Dedok* **4** 8

Assessment of the Socio-economic Efficiency
of Investments in Transport (Based on the
Example of a Public-Private Partnership Project
for the Reconstruction of the M-10 Highway
Section) *Liudmila Filipava* **5** 6

Methodological Approach to Measuring the Capa-
city of the Global Digital Resources Market: Alterna-
tive Indicators of Digital Development of Countries *Inessa Zubritskaya* **6** 4

Comparative Analysis of the Intensity of China's
Foreign Trade with Group of Seven Countries and
ASEAN *Shi Zhichao* **7** 3

CONFERENCE MATERIALS

Participation in Integration Processes is a Priority
of Foreign Economic Activities of Belarus at the
Present Stage *Vyacheslav Rumyantsev* **7** 9

РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ЭКСПЕРТА В МЕЖДУНАРОДНОМ ТРЕТЕЙСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Елена Хаткевич

Регулирование участия экспертов в международном третейском производстве в документах международных институтов охватывает следующие блоки вопросов: цель привлечения эксперта, требования к нему, его выбор, предложение, назначение и порядок отвода, права и обязанности, форма и содержание заключения эксперта, его исследование и оценка, освобождение эксперта от ответственности. В изученных источниках регламентировано участие эксперта, назначенного составом арбитража, а также эксперта, назначенного стороной, либо (в зависимости от традиции той или иной правовой системы) свидетеля-эксперта.

Белорусское национальное законодательство, регулирующее участие экспертов в международном третейском производстве, основано на Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1985 г. и во многом повторяет содержание его норм об экспертах. Однако нормы о свидетелях-экспертах в Закон Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» не вошли. Нет в нем упоминания и экспертов, назначенных стороной. По моему мнению, имеет место пробел в праве, препятствующий реализации принципов диспозитивности и состязательности арбитражного процесса.

Устранение данного пробела будет соответствовать международным традициям и принципам коммерческого арбитража, способствовать более эффективной оценке заключения и показаний эксперта и формированию единообразия в практике.

Ключевые слова: заключение эксперта; международное третейское производство; показания эксперта; свидетель-эксперт; эксперт.

«The Regulation of Expert's Participation in International Arbitration: Comparative Analysis of International Institutions' Documents and National Sources» (Elena Khatkevich)

Regulation of experts' participation in international arbitration in international institutions' documents covers the following units of matters: the aim of an expert's involvement, requirements for them, selection, proposal, appointment of them and challenge procedure, expert's rights and duties, form and content of expert report, examination and assessment of it, exclusion of expert's liability. The sources studied regulate the participation of a tribunal-appointed expert and party-appointed expert or, depending on the tradition of a particular legal system, expert witness.

Belarusian national legislation regulating the participation of experts in international arbitration is based on UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration of 1985 and largely follows the content of its rules about experts. However, the rules about expert witnesses have not been included in the Law of the Republic of Belarus «About International Court of Arbitration». There is no mention about party-appointed experts in it either. From our perspective, there is a gap in law obstructing the realisation of principles of dispositiveness and competitiveness of arbitration procedure.

Filling the gap will correspond the international traditions and principles of commercial arbitration, facilitate the effectiveness of an expert report and testimony assessment and formation of uniformity in practice.

Keywords: expert; expert report; expert testimony; expert witness; international arbitration.

В международном третейском производстве (МТП) с участием экспертов рассматривается абсолютное большинство споров, и с течением времени эта тенденция только

усиливается, поскольку характер рассматриваемых в коммерческом арбитраже споров усложняется, вовлекая в него все новые сферы специальных знаний.

Автор:

Хаткевич Елена Петровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: chuprina81@inbox.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Khatkevich Elena — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: chuprina81@inbox.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Экспертиза в МТП имеет много общего с судебной экспертизой, но к ней не относится и представляет собой самостоятельную область для исследований теоретико-правового характера. В зарубежной доктрине она изучалась многими авторами с разных сторон.

Так, А. Й. Белоглавок и Р. Хотова, наряду с изложением процессуальных основ участия экспертов в уголовном и гражданском судопроизводстве на международном уровне, а также в инвестиционных разбирательствах, охарактеризовали особенности проведения экспертизы в МТП по сравнению с государственными судами, проанализировали содержание основных источников регулирования данного вопроса и практику их применения в различных зарубежных странах и международных институтах [5]. А. В. Гребельский и К. Н. Пильков изучали вопросы участия экспертов в международном коммерческом арбитраже в рамках диссертационных исследований, посвященных доказательствам и средствам доказывания в данном виде производства в России и Украине [6; 14]. Б. Эхле [18], Ч. Годдард и И. Годдард [20] особое внимание уделили практическим аспектам использования экспертных доказательств в арбитраже, их доказательственной ценности. Этическим аспектам деятельности эксперта, назначенного стороной, посвящена работа М. Кантора [21]. С. Несси подробно исследовал вопросы независимости эксперта [23]. К. Сакс представил в своей работе «синтетический» подход к назначению экспертов [25]. Дж. Вайнцимер [27] представил преимущества привлечения эксперта, назначенного арбитром, и т. д. В работах белорусских исследователей, учитывающих особенности национального законодательства, данная тема пока не получила должного освещения, хотя на практике возникает ряд вопросов относительно допуска в процесс эксперта стороны, статуса представленного им заключения и его доказательственной ценности и т. д.

Цель настоящей статьи — на основе результатов сравнительно-правового анализа регулирования участия эксперта в МТП на международном и национальном уровнях обозначить пути совершенствования белорусского законодательства в данной сфере.

К числу основных источников регулирования вопросов участия эксперта в МТП на международном уровне можно отнести ряд типовых документов и источников рекомендательного характера: арбитражные регламенты (Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма (SCC) [2], ЮНСИТРАЛ [4], Лондонского международного арбитражного суда (LCIA) [22] и др.), Кодекс лучших арбитражных практик Испанского арбитражного клуба (Кодекс CEA) [7], Типовой закон ЮНСИТРАЛ (ТЗ ЮНСИТРАЛ) [16], Правила Международной ассоциации юристов по полу-

чению доказательств в международном арбитраже (Правила IBA) [15], Правила эксперта Международной торговой палаты (ICC) [19], Протокол Королевского института арбитров об использовании эксперта-свидетеля, назначенного стороной, в международном коммерческом арбитраже (Протокол CI Arb) [24], Комментарии ЮНСИТРАЛ по организации арбитражного разбирательства (Комментарии ЮНСИТРАЛ) [26]. К экспертам в МТП могут применяться также Принципы трансграничного гражданского процесса УНИДРУА (Принципы ALI/UNIDROIT) [17].

На национальном уровне в Республике Беларусь основным источником правового регулирования участия эксперта в МТП является Закон «О международном арбитражном (третейском) суде» (Закон о МАС) [8], который был разработан на основе ТЗ ЮНСИТРАЛ и во многом повторяет содержание его норм об экспертах.

Согласно статье 5 Закона о МАС, деятельность международного арбитражного (третейского) суда и, соответственно, участие экспертов в МТП в Республике Беларусь регламентируются названным Законом, иными национальными нормативными правовыми актами, международными договорами, а также арбитражными регламентами. Участие экспертов в данном виде производства не регулируется Законом «О третейских судах» [13] в силу указания в преамбуле к нему, а также Законом «О судебной-экспертной деятельности» [12], так как Закон о МАС не охватывается понятием «процессуальное законодательство».

По указанной причине экспертиза, назначаемая международным арбитражным (третейским) судом, не считается судебной. Отметим, что термина «экспертиза» вообще нет в Законе о МАС, в отличие от Арбитражного регламента Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» (Регламент МАС ПА) (п. 2 ст. 27) [3]. Вместо термина «экспертиза» Закон о МАС оперирует понятием «эксперт».

Рассмотрим подробнее содержание норм, регулирующих участие эксперта в МТП на международном и национальном уровнях.

Цель привлечения эксперта в оригинальных англоязычных текстах документов международных институтов сформулирована как «*to report on specific issues*». При этом на русский язык эту фразу переводят двояко: для представления заключения либо «по специальным вопросам» (ст. 6 Правил IBA) [15], либо «по конкретным вопросам» (ст. 26 ТЗ ЮНСИТРАЛ) [16]. Возникает закономерный вопрос: ограничен круг экспертных задач специальными знаниями эксперта или он гораздо шире?

Правоприменительная практика свидетельствует в пользу последнего варианта. Так, опираясь на собственный опыт арбитра, адво-

ката и судебного эксперта, А. Й. Белоглаvek и Р. Хотова пишут: «гамма экспертных задач колеблется от распознавания и оценки наличия и причин предполагаемых дефектов вплоть до ряда вопросов, связанных с вынесением решений по самому фактическому существу дела и оценке доказательств» [5, с. 150]. Кроме того, заключение эксперта возможно по спорным вопросам иностранного права (п. 22.4 Принципов *ALI/UNIDROIT*) [17].

Следует отметить, что широкий подход к переводу и пониманию цели эксперта нашел отражение в национальном законодательстве о международном коммерческом арбитраже многих стран, включая Беларусь, Украину, Россию (ст. 34 Закона о МАС, ст. 26 законов «О международном коммерческом арбитраже» Российской Федерации и Украины) [8; 10; 11]. Это отличает арбитраж от производства в государственных судах. Белорусский законодатель также особо оговаривает такую цель привлечения эксперта, как «установление содержания норм иностранного права» (ч. 3 ст. 37 Закона о МАС) [8].

Согласно источникам международного уровня, экспертом, привлекаемым к участию в МТП, может быть как физическое лицо, так и организация, обладающие квалификацией, беспристрастностью и независимостью от сторон, их юридических консультантов и состава арбитража, — это следует, например, из ряда норм и раздела «Определения» Правил *IWA* [15]. (По поводу обладания квалификацией стоит заметить, что ее минимальные стандарты не установлены.)

Назначить эксперта может как арбитражный суд, так и стороны. При этом каждая сторона может назначить своего эксперта, стороны могут назначить общего эксперта либо обратиться к суду, чтобы он сделал это за них (преамбула к Протоколу *CIArb*, Комментарий 92 ЮНСИТРАЛ) [24; 26]. Арбитражный суд вправе по своей инициативе назначить эксперта (экспертов) после консультаций со сторонами, т. е. стороны в любом случае участвуют в выборе эксперта и до момента его назначения могут сообщить суду свои возражения относительно квалификации, беспристрастности или независимости данного лица.

Поскольку поиск и выбор подходящего эксперта — это достаточно непростая задача для сторон и состава арбитража, не обладающих соответствующими специальными знаниями, некоторые международные институты предлагают свои услуги по ее решению. Так, Международный центр альтернативного разрешения споров при *ICC* организовал три сервиса: предложение экспертов, их назначение и управление экспертной процедурой [19]. В запросе на предложение и назначение экспертов можно прописать, по сути, любые дополнительные требования к потенциальному эксперту (описание сферы его деятельности, образование,

квалификацию, владение языками, опыт и т. д.), а также любые нежелательные качества и действия эксперта.

Требования, предъявляемые к эксперту, закономерно связаны с основаниями для его отвода. При этом порядок отвода регламентирован только в отношении эксперта, назначенного арбитражным судом. Согласно, статьям 20 и 23 Венских правил, эксперту, назначенному составом арбитража, может быть заявлен отвод после его назначения при обстоятельствах, которые вызывают обоснованные сомнения в его беспристрастности или независимости, или при несоответствии согласованным сторонами требованиям [1]. Согласно статье 29 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ, пункту 2 статьи 6 Правил *IWA*, после назначения эксперта арбитражным судом сторона может представить возражение относительно его квалификации, беспристрастности или независимости только в том случае, если это возражение обусловлено причинами, которые стали известны стороне уже после назначения эксперта [4; 15].

Некоторые источники, например Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, кроме эксперта, назначенного арбитражным судом, и (вероятно) вместо эксперта, назначенного стороной, предусматривают свидетеля-эксперта, который по своему правовому положению приравнивается к свидетелю. Никаких особых требований к этому субъекту не предъявляется: «свидетелями-экспертами, представляемыми сторонами для дачи показаний в арбитражном суде по любому вопросу факта или экспертизы, могут выступать любые лица, независимо от того, является ли такое лицо стороной арбитражного разбирательства и связано ли оно с какой-либо из сторон каким бы то ни было образом» (п. 2 ст. 27 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ) [4].

Что касается законодательного регулирования рассматриваемых вопросов в Республике Беларусь, то в Законе о МАС требования к эксперту, назначаемому составом международного арбитражного суда, прямо не указаны, но они вытекают из оснований для его отвода (ст. 18) и сводятся, как и в документах международных институтов, к беспристрастности, независимости и компетентности. Закон о МАС не предусматривает возможность назначения эксперта сторонами, нет в нем упоминания и такого субъекта, как свидетель-эксперт — в отличие, например, от Закона Украины «О международном коммерческом арбитраже» (п. 2 ст. 26) [11]. Заметим, что свидетель-эксперт все же упоминается в Регламенте МАС ПА, однако каких-либо требований к нему не предъявляется.

Правовое положение эксперта в МТП характеризуют его права и обязанности, которые представлены в документах международных институтов часто опосредованно — через права и обязанности других субъектов (состава арбитража и сторон).

В большинстве случаев обозначены две основные обязанности эксперта: представить заключение по конкретным вопросам; принять участие в слушании (по инициативе суда или стороны) и ответить на заданные ему вопросы [16]. Отдельные источники дополнительно оговаривают обязанность эксперта сохранять конфиденциальность информации (ст. 30 Арбитражного регламента *LCIA* [22], ст. 152 Кодекса *CEA* [7]); предоставить возможность каждой стороне комментировать любую информацию или документы, представленные эксперту другой стороной (ст. 11 Правил эксперта *ICC* (управление экспертной процедурой) [19]); по распоряжению состава арбитража провести осмотр объектов, который он считает целесообразным (ст. 7 Правил *IBA*); для экспертов сторон, представляющих заключение по одинаковому или связанному вопросам, — по распоряжению состава арбитража обсудить эти вопросы, попытаться достичь согласия и письменно зафиксировать позиции, по которым они пришли к соглашению, а также разногласия и их причины (п. 4 ст. 5 Правил *IBA*) [15].

В статьях 139—145 Кодекса *CEA* особое внимание уделяется обязанности эксперта по раскрытию информации — любых обстоятельств, которые могут вызвать обоснованные сомнения в его объективности и независимости. Кодекс *CEA* подробно раскрывает содержание данной обязанности и приводит ряд вопросов (о связях эксперта со сторонами, связях эксперта со спором, связях эксперта с назначившими адвокатами, связях эксперта с другими лицами, причастными к арбитражному разбирательству), которые позволяют контролировать ее выполнение [7].

В качестве прав эксперта можно выделить следующие: получать относящуюся к делу информацию, доступ для осмотра любых относящихся к делу документов, товаров или другого имущества, а также вознаграждение и возмещение расходов [4; 16; 26].

Эксперт в арбитраже не наделяется правом экспертной инициативы, т. е. правом по своей инициативе ответить на вопросы, которые ему не были поставлены. Изученные источники не содержат прямого запрета на такие действия эксперта, однако это следует из формулировки его обязанностей: представить заключение по конкретным вопросам, которые определяются арбитражным судом (для эксперта, назначенного арбитражным судом) [16], включить в заключение описание инструкций, в соответствии с которыми он представляет свои мнения и выводы (для эксперта, назначенного стороной) [15]. Об ограничении эксперта данным ему поручением можно сделать косвенный вывод также из содержания Комментария 106 ЮНСИТРАЛ [26].

В Правилах эксперта *ICC* есть норма, которая регулирует близкий к экспертной инициативе вопрос — о модификации экспертного

задания. Так, согласно пункту 3 статьи 11 Правил (управление экспертной процедурой), модификация экспертного задания может быть осуществлена экспертом в письменном виде только после консультаций со сторонами [19].

Правовой анализ показал, что перечень основных обязанностей и прав эксперта в МТП на национальном уровне в Республике Беларусь, так же как в России и Украине [8; 10; 11], не имеет существенных отличий от международного. Это минимальный перечень обязанностей и прав, без дополнений и детализации, как в некоторых указанных выше источниках.

К вопросу о форме заключения эксперта нет единого подхода ни на международном, ни на национальном уровне регулирования. Среди документов международных институтов одни упоминают два альтернативных варианта: устную или письменную форму (п. 2 ст. 26 ТЗ ЮНСИТРАЛ), другие — только письменную (Правила *IBA*, ст. 21 Арбитражного регламента *LCIA*), третьи вообще не регулируют этот вопрос (Венские правила). Национальное законодательство Беларуси предусматривает только письменную форму заключения эксперта (ч. 2 ст. 34 Закона о МАС), Молдовы, России, Украины — устную или письменную (п. 2 ст. 26 законов указанных стран «О международном коммерческом арбитраже») [9—11].

Содержание заключения эксперта подробно регламентировано в Правилах *IBA* и Кодексе *CEA*. Согласно пункту 4 статьи 6 Правил *IBA*, заключение эксперта, назначенного составом арбитража, должно содержать следующие сведения: полное имя и адрес эксперта, описание его образования, квалификации, подготовки и опыта; изложение фактов, на которых основано заключение; экспертные мнения и выводы, включая описание методов, доказательств и информации, использованных для получения выводов; если заключение эксперта представлено в переводе — указание языка исходного варианта и языка, на котором эксперт предполагает давать показания на слушании; подтверждение искренней убежденности в изложенных мнениях; подпись эксперта, дату и место подписания; если заключение было подписано несколькими лицами — кто является автором документа в целом и его отдельных частей [15].

Требования к содержанию заключения эксперта, назначенного стороной, закреплены в пункте 2 статьи 5 Правил *IBA* и в целом повторяют вышеперечисленные, а также дополнительно включают: сведения о нынешних и прежних отношениях эксперта с любой из сторон, их юридическими консультантами и арбитражным судом; заявление о независимости эксперта от указанных лиц; описание инструкций, в соответствии с которыми он представляет свои мнения и выводы [15].

Особое требование к содержанию заключения отражено в статье 146 Кодекса *CEA*: если выводы эксперта противоречат его мнению,

ранее высказанному в других случаях, то он должен подробно обосновать изменение своего мнения [7].

Правила *IBA* в пункте 3 статьи 5 устанавливают возможность внесения изменений и дополнений в заключение эксперта, назначенного стороной. В частности, любая сторона может в пределах установленного состава арбитража срока представить ему и другим сторонам изменения или дополнения к заключениям экспертов, в том числе заключения или заявления лиц, ранее не идентифицированных в качестве экспертов стороны, при условии, что эти изменения или дополнения отвечают на: а) вопросы, содержащиеся в свидетельских показаниях, заключениях экспертов или других заявлениях второй стороны, ранее не представленных в арбитражном разбирательстве, или б) новые события, которые не могли быть отражены в предыдущем заключении эксперта [15].

Законодательством Беларуси, России, Украины о МТП [8; 10; 11] требования к содержанию заключения эксперта, порядок внесения в него изменений и дополнений не определены.

Подготовленное экспертом заключение подлежит всестороннему исследованию и оценке. В этом процессе активно участвуют и арбитражный суд, и стороны, которые наделяются соответствующими полномочиями, закрепленными в ряде документов международных институтов.

Так, согласно пункту 4 статьи 29 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ и пункту 5 статьи 6, пункту 11 статьи 3 Правил *IBA*, после получения копии заключения эксперта, назначенного составом арбитража, каждая сторона вправе ознакомиться с любой информацией, документами, товарами, образцами, имуществом, оборудованием, системами, процессами или площадкой для осмотра, которые изучал эксперт и на которые он ссылается в своем заключении, а также с любой перепиской между составом арбитража и назначенным им экспертом. Стороны вправе письменно выразить свое мнение по представленному заключению в заявлении или посредством свидетельских показаний или заключения эксперта, назначенного стороной (право на письменные комментарии сторон по этому поводу предусмотрены также п. 2 ст. 34 Арбитражного регламента *SCC* [2]). Кроме того, в пределах срока, установленного составом арбитража, стороны могут представить составу арбитража и другим сторонам дополнительные документы, которые, по их мнению, относятся к делу и существенны для его разрешения в силу вопросов, поднятых в экспертном заключении [4; 15].

Согласно Комментарию 96 ЮНСИТРАЛ, если эксперты, назначенные сторонами, выражают противоречивые мнения, трибунал может запросить дополнительные или ответные заключения экспертов по спорным вопросам [26].

Во всех документах международного уровня, регулирующих вопросы участия эксперта в МТП, закреплена возможность арбитражного суда (по своей инициативе или ходатайству сторон) вызвать эксперта, представившего заключение, на слушание и допросить по вопросам, касающимся составленного им заключения. При этом, учитывая распространение содержания статьи 8 Правил *IBA* не только на свидетелей, но и на экспертов, допрос эксперта может быть организован в форме дистанционного слушания с соблюдением всех установленных для такого слушания правил.

Наиболее подробно порядок допроса эксперта изложен в Правилах *IBA* (п. 4 ст. 8). Показания эксперта, назначенного стороной, слушаются, как правило, после показаний свидетелей обеих сторон. Сначала истец представляет показания своих экспертов, затем ответчик — своих. Сторона, первоначально представлявшая назначенного ею эксперта, имеет впоследствии возможность задавать дополнительные вопросы по обстоятельствам, которые обсуждались в ходе допроса, проводимого другими сторонами. Затем эксперт, назначенный составом арбитража, может быть опрошен составом арбитража, сторонами, а также любым экспертом, назначенным стороной, по вопросам, поднятым в заключении эксперта, назначенного составом арбитража, заявлениях сторон и заключениях экспертов сторон. Правила *IBA* допускают очную ставку между свидетелями (надо полагать, что она возможна также между экспертами и между экспертом и свидетелем). Состав арбитража осуществляет полный контроль над слушанием по доказательствам, включая показания экспертов. Поэтому он вправе ограничить или исключить любой вопрос, адресованный эксперту (свидетелю-эксперту), или его ответ, не обоснованно наводящие вопросы [15].

В источниках, прямо не предусматривающих возможность назначения экспертов сторонами, последние наделяются правом представлять свидетелей-экспертов для дачи показаний по спорным вопросам (п. 5 ст. 29 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ, п. 2 ст. 26 ТЗ ЮНСИТРАЛ и п. 21.4 ст. 21 Арбитражного регламента *LCIA*) [4; 16; 22]. Это право создает условия для эффективной оценки заключения эксперта, которая очень сложна для неспециалиста, и способствует реализации принципов диспозитивности и состязательности арбитражного процесса.

Арбитражные регламенты не упоминают каких-либо преимуществ собственно оценки заключения эксперта перед другими средствами доказывания. Как и другие доказательства, заключение эксперта оценивается с точки зрения допустимости, относимости, существенности и веса (ст. 9 Правил *IBA*) [15].

В Правилах *IBA* обозначены некоторые особенности, касающиеся оценки заключения эксперта в зависимости от того, кем он был на-

значен: заключение эксперта, назначенного составом арбитража, оценивается с должным учетом всех обстоятельств дела (п. 7 ст. 6); заключение эксперта, назначенного стороной, не принимается во внимание, если эксперт без уважительной причины не является для дачи показаний на слушание, куда его присутствие было затребовано (п. 5 ст. 5) [15].

Согласно пункту 7.4 Протокола *CIArb*, если арбитражный суд удостоверится в том, что заключение эксперта, назначенного стороной, не соответствует декларации о независимости и беспристрастности, оно не принимается во внимание полностью или в соответствующей части [24]. Полагаем, что данная норма в полной мере компенсирует отсутствие регламентации порядка отвода для экспертов, назначенных сторонами.

В Законе Республики Беларусь о МАС регулирование вопросов исследования и оценки заключения эксперта представлено лишь нормой о его участии в слушании (если сторона просит или если международный арбитражный суд считает это необходимым), где сторонам предоставляется возможность задать эксперту вопросы. Регламент МАС ПА значительно расширяет круг прав сторон и арбитров в этой части, дополняя его следующими правами: выразить в письменном виде свое мнение по заключению эксперта и ознакомиться с любым документом, на который ссылается эксперт; стороны также имеют возможность представить свидетелей-экспертов для дачи показаний по спорным вопросам (пп. 5 и 6 ст. 29) [3]. Последнее из перечисленных прав предоставлено сторонам также в Законе Украины «О международном коммерческом арбитраже» (п. 2 ст. 26) [11]. Похожая норма есть и в одноименных законах Молдовы и Российской Федерации (п. 2 ст. 26), однако термин «свидетели-эксперты» в них заменен термином «специалисты» [9; 10]. Полагаем, это неравноценная и поэтому не совсем удачная замена, однако законодатели указанных стран все же обратили внимание на целесообразность уча-

стия еще одного лица, обладающего специальными знаниями, в данной ситуации.

Документы международных институтов содержат нормы об иммунитете эксперта в связи с его участием в МТП. Так, эксперт, назначенный арбитром, не несет ответственности перед любой из сторон спора за любое действие или бездействие, связанное с арбитражным разбирательством, если только такое действие или бездействие не является результатом умысла или грубой неосторожности (ст. 52 Арбитражного регламента *SCC*, ст. 31 Арбитражного регламента *LCIA*) [2; 22]. Для рассмотренных выше национальных законов эта норма не является характерной.

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1) регулирование участия эксперта в МТП в документах международных институтов является достаточно подробным, соответствующим основополагающим принципам МТП. Его развитие осуществляется в направлении усиления гарантий независимости и беспристрастности эксперта, повышения стандартов его поведения;

2) в изученных источниках наднационального характера прослеживается дуализм используемой терминологии и определения правового статуса эксперта, назначенного стороной, и свидетеля-эксперта, которые, по сути, обозначают одного и того же субъекта. Участие свидетеля-эксперта регулируется в тех источниках, где, как правило, нет эксперта стороны;

3) Законом о МАС не предусмотрено участие эксперта, назначенного стороной, а равно и свидетеля-эксперта, что препятствует реализации принципов диспозитивности и состязательности МТП, поэтому целесообразным представляется введение данного субъекта. Законодательная регламентация его участия (порядка вступления в процесс, прав и обязанностей) будет соответствовать международным традициям, способствовать эффективной оценке заключения эксперта и формированию единообразия в практике.

Список использованных источников

1. Арбитражный и медиативный регламент: Венские правила и Венские правила медиации 2021. — Вена, 2021. — 70 с. [Электронный ресурс] // Vienna International Arbitral Centre. — Режим доступа: <https://www.viac.eu/images/documents/vienna_rules/211810-Wiener_Regeln_2021_Brosch%C3%BCre_Russisch-NP-Final.pdf>. — Дата доступа: 13.10.2022.
2. Арбитражный регламент Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма: принят Торговой палатой г. Стокгольма, вступил в силу с 1 янв. 2023 г. — Stockholm: SCC Skiljedomsinstitut, 2023 [Электронный ресурс] // SCC Skiljedomsinstitut. — Режим доступа: <https://sccarbitrationinstitute.se/sites/default/files/2023-03/1.-scc_arbitration_rules_2023_ryska.pdf>. — Дата доступа: 27.03.2023.
3. Арбитражный регламент Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов»: утв. решением Президиума Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» 28.12.2020 г. [Электронный ресурс] // Международный арбитражный (третейский) суд «Палата арбитров при союзе юристов». — Режим доступа: <<https://arbchamber.by/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82>>. — Дата доступа: 27.03.2023.
4. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (с пунктом 4 статьи 1, принятым в 2013 году, и пунктом 5 статьи 1, принятым в 2021 году). Правила ускоренного арбитража ЮНСИТРАЛ. Правила ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров. — Вена: ООН, 2021. — 79 с. [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf>. — Дата доступа: 14.09.2022.

5. Белоглавец, А. Й. Эксперты в международных условиях (в гражданских и уголовных судебных процессах, арбитражных и инвестиционных разбирательствах) / А. Й. Белоглавец, Р. Хотова. — Киев: Таксон, 2011. — 475 с.
6. Гребельский, А. В. Доказательства в международном коммерческом арбитраже: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / А. В. Гребельский. — М., 2017. — 259 л.
7. Кодекс лучших арбитражных практик Испанского арбитражного клуба, 2019 [Электронный ресурс] // Club Español del Arbitraje. — Режим доступа: <<https://www.clubarbitraje.com/wp-content/uploads/2019/01/КОДЕКС-ЛУЧШИХ-АРБИТРАЖНЫХ-ПРАКТИК-ИСПАНСКОГО-АРБИТРАЖНОГО-КЛУБА.pdf>>. — Дата доступа: 13.10.2022.
8. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
9. О международном коммерческом арбитраже: Закон Респ. Молдова от 22 февр. 2008 г. № 24-XVI [Электронный ресурс] // Registrul de Stat: al Actelor Juridice al Republicii Moldova. — Режим доступа: <<http://lex.justice.md/ru/327885>>. — Дата доступа: 14.09.2022.
10. О международном коммерческом арбитраже: Закон Рос. Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. — Режим доступа: <<https://base.garant.ru/10101354/?ysclid=l81sbh10mj778940302>>. — Дата доступа: 14.09.2022.
11. О международном коммерческом арбитраже: Закон Украины от 24 февр. 1994 г. № 4002-XII [Электронный ресурс] // Urst.com.ua. — Режим доступа: <https://urst.com.ua/ru/act/o_mezhdunarodnom_kommercheskom_arbitrazhe>. — Дата доступа: 14.09.2022.
12. О судебно-экспертной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 281-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
13. О третейских судах: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З [Электронный ресурс] // Там же.
14. Пильков, К. Н. Доказательства и доказывание в международном коммерческом арбитраже: науч.-практ. пособие / К. Н. Пильков. — Киев, 2016. — 610 с.
15. Правила Международной ассоциации юристов (МАЮ) по получению доказательств в международном арбитраже: [приняты решением Совета МАЮ 17 дек. 2020 г.] [Электронный ресурс] // International Bar Association. — Режим доступа: <<https://www.ibanet.org/document?id=Rules-on-the-Taking-of-Evidence-in-International-Arbitration-2020-Russian>>. — Дата доступа: 14.09.2022.
16. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, 1985 год. С изменениями, принятыми в 2006 году. — Вена: ООН, 2008. — 40 с. [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf>. — Дата доступа: 14.09.2022.
17. ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure: the text of the Principles and the accompanying commentary were adopted by the American Law Institute (ALI) in May 2004 and by the International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT) in April 2004. In addition, the ALI adopted an accompanying text, the Rules of Transnational Civil Procedure [Electronic resource] // The International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT). — Mode of access: <<https://www.unidroit.org/instruments/civil-procedure/ali-unidroit-principles>>. — Date of access: 27.12.2022.
18. Ehle, B. Practical Aspects of Using Expert Evidence in International Arbitration / B. Ehle // Yearbook on International Arbitration. — 2012. — Vol. 2. — P. 75–84.
19. Expert Rules: in force as from 1 February 2015. Proposal of Experts and Neutrals Appointment of Experts and Neutrals Administration of Expert Proceedings. — Paris, 2022. — 52 p. [Electronic resource] // International Chamber of Commerce. — Mode of access: <<https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2015/01/2015-ICC-Expert-Rules-ENGLISH-version-1.pdf>>. — Date of access: 13.10.2022.
20. Goddard, Ch. Experts and Expert Evidence in International Arbitration / Ch. Goddard, I. Goddard // Kutafin Law Review. — 2017. — Vol. 4, N 1. — P. 50–63. (<https://doi.org/10.17803/2313-5395.2017.1.7.050-063>)
21. Kantor, M. A Code of Conduct for Party-Appointed Experts in International Arbitration — Can One be Found? / M. Kantor // Arbitration International. — 2010. — Vol. 26, N 3. — P. 323–380. (<https://doi.org/10.1093/arbitration/26.3.323>)
22. LCIA Arbitration Rules: effective 1 Oct. 2020 [Electronic resource] // London Court of International Arbitration. — Mode of access: <https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx>. — Date of access: 14.09.2022.
23. Nessi, S. Expert Witness: Role and Independence / S. Nessi // New Developments in International Commercial Arbitration / ed by C. Müller, S. Besson, A. Rigozzi. — Zurich: Schulthess Verlag, 2016. — P. 71–106.
24. Protocol for the Use Party-appointed Expert Witnesses in International Arbitration [Electronic resource] // The Chartered Institute of Arbitrators. — Mode of access: <<https://www.ciarb.org/media/4200/guideline-7-party-appointed-and-tribunal-appointed-expert-witnesses-in-international-arbitration-2015.pdf>>. — Date of access: 14.09.2022.
25. Sachs, K. Protocol on Expert Teaming: a New Approach to Expert Evidence / K. Sachs, N. Schmidt-Ahrendts // Arbitration Advocacy in Changing Times / ed. by A. J. van den Berg. — The Hague: Wolters Kluwer, 2011. — P. 135–148.
26. UNCITRAL Notes on Organizing Arbitral Proceedings 2016. — New York: United Nations, 2016. — 40 p. [Electronic resource] // United Nations Commission on International Trade Law. — Mode of access: <<https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/arb-notes-2016-e.pdf>>. — Date of access: 27.12.2022.
27. Waincymer, J. Procedure and Evidence in International Arbitration / J. Waincymer. — The Hague: Wolters Kluwer, 2012. — 1363 p.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2022 г., доработана в марте 2023 г.

РОЛЬ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В СОТРУДНИЧЕСТВЕ КИТАЯ И СТРАН АСЕАН В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Ван Лэпин

В статье рассматривается роль инициативы «Один пояс, один путь» в отношениях КНР и стран АСЕАН. Страны Юго-Восточной Азии являются важными участниками данной инициативы. Китай и страны АСЕАН осуществили много проектов в рамках сотрудничества в различных областях, подписали ряд документов. При этом, несмотря на различие мнений о развитии инициативы, китайское правительство содействует укреплению политического взаимного доверия между странами АСЕАН. Китай, уважая интересы других стран, постоянно ищет возможности для расширения сотрудничества.

Ключевые слова: АСЕАН; инициатива «Один пояс, один путь»; инфраструктурные проекты; Китай; Морской Шелковый путь; сотрудничество Китая и АСЕАН.

«The Role of the Belt and Road Initiative in Relations between China and ASEAN Countries in the Implementation of Infrastructure Projects» (Wang Leping)

The article discusses the role of the Belt and Road initiative in relations between China and the ASEAN countries. Southeast Asian countries are important participants in the initiative. China and ASEAN countries have carried out many cooperation projects in various fields and signed a number of documents. Despite the difference of opinion on the development of the initiative, the Chinese government reinforces political mutual trust among the ASEAN countries. With respect to other countries China is always seeking opportunities to develop cooperation.

Keywords: ASEAN; Belt and Road initiative; China; cooperation between China and ASEAN; infrastructure projects; Maritime Silk Road.

С момента установления официальных отношений между Китаем и АСЕАН в 1991 г. сотрудничество между сторонами стало активно расширяться и углубляться, особенно в торгово-экономической сфере. Запуск инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. ознаменовал собой новый этап сотрудничества между Китаем и странами Юго-Восточной Азии.

Цель данной статьи — раскрыть роль инициативы «Один пояс, один путь» в сотрудничестве Китая и стран АСЕАН в сфере реализации инфраструктурных проектов, проанализировать подходы стран АСЕАН к инициативе и обозначить результаты сотрудничества Китая и стран — членов АСЕАН. При подготовке данной статьи была проанализирована литература на китайском, русском и английском языках. Согласно исследованию российского эксперта С. В. Михневича, китайская инициатива укрепляется в качестве базового комплекса механизмов и инструментов экономической дипломатии Китая и содействует решению задач национального развития [14, с. 242]. Эк-

перт из Сингапура Дж. Панг отмечает, что Китай стал крупнейшим торговым партнером АСЕАН. По его мнению, инициатива «Один пояс, один путь» является незаменимым проектом экономической трансформации и играет важную роль в «мирном подъеме» Китая [37]. Сотрудничеству между странами — членами АСЕАН и Китаем в контексте выдвижения инициативы посвящены научные работы российского исследователя Л. М. Ефимовой [4] и китайских экспертов Би Шихун, Цю Цзе [1], Лу Хоэи [10], Ма Бо [12], Пань Юэ [15], Чжан Фань [23]. Важными источниками послужили официальные сайты КНР [2; 6; 11; 16—18; 20—22; 24—36], а также новостная информация [3; 5; 7—9; 13; 19].

Страны АСЕАН разделяют мнение о том, что сотрудничество с другими государствами необходимо для содействия реализации интеграции и ускорению построения Сообщества. Темпы строительства инфраструктурных проектов в Юго-Восточной Азии значительно отстают от социально-экономического раз-

Автор:

Ван Лэпин — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: wangleping96@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Wang Leping — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: wangleping96@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

вития стран. Подобная ситуация обусловлена несколькими причинами: трудностями с финансированием и нехваткой технических и кадровых резервов. Реализация инфраструктурных проектов требует больших инвестиций и имеет медленную окупаемость, поэтому некоторым странам Юго-Восточной Азии сложно начать соответствующее строительство без внешней поддержки. Государства АСЕАН признают большие дополнительные возможности развития, которые открывает перед ними инициатива «Один пояс, один путь», поэтому большинство стран поддерживает китайский проект.

В октябре 2013 г. во время визита в страны Юго-Восточной Азии председатель КНР Си Цзиньпин выступил в Индонезии с важной речью на тему «Совместное построение сообщества общей судьбы Китай — АСЕАН». Его выступление определило направление развития отношений между Китаем и АСЕАН. Си Цзиньпин всесторонне изложил политику Китая по развитию добрососедства и дружбы с Индонезией и АСЕАН, а также предложил концепцию совместного построения сообщества общей судьбы Китай — АСЕАН и Морского Шелкового пути XXI в. [16].

Китай рассматривает сотрудничество со странами АСЕАН как важное направление своей политики, поскольку без стран Юго-Восточной Азии КНР не удастся реализовать в полной мере проект Морского Шелкового пути XXI в. Китай является важным экономическим партнером стран АСЕАН, играет значительную роль в укреплении инфраструктурного строительства. Кроме того, реализация проекта будет способствовать дальнейшему развитию зоны свободной торговли Китай — АСЕАН.

В 2021 г. исполнилось 30 лет с момента установления отношений между Китаем и АСЕАН. В этой связи профессор Международного университета *BELTEI* в Пномпене Дж. Мэтьюз заявил, что за последние три десятилетия отношения между Китаем и АСЕАН стали более тесными и крепкими [5]. 22 ноября 2021 г. на «саммите тридцатилетия» отношений Китай — АСЕАН председатель КНР Си Цзиньпин официально объявил об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между сторонами [20].

По состоянию на 23 марта 2022 г., Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» со 149 странами и 32 международными организациями. По мере реализации инициативы были успешно завершены такие крупные инфраструктурные проекты, как железная дорога Китай — Лаос и новый порт в Хайфе (Израиль). Последовательно осуществляются строительство и эксплуатация Китайско-пакистанского экономического коридора, высокоскоростной железной дороги Джакарта — Бандунг и Будапешт — Белград [6].

Правительства большинства стран АСЕАН хорошо понимают и поддерживают инициативу «Один пояс, один путь». Их отношения с КНР характеризуются взаимным доверием в политической сфере, экономической выгодой и в целом взаимовыгодным сотрудничеством. Строительство объектов инфраструктуры и беспрепятственная торговля являются основными направлениями участия стран АСЕАН в строительстве инициативы «Один пояс, один путь». Представляется важным, что китайская инициатива может быть соотнесена с их собственными национальными стратегиями развития. К странам АСЕАН, которые поощряют реализацию проекта Морского Шелкового пути XXI в., относятся Лаос, Камбоджа, Бруней, Сингапур. В таких странах, как Индонезия, Филиппины, Таиланд, Мьянма, Вьетнам, строительство новых инфраструктурных объектов с участием Китая столкнулось с рядом проблем. При этом Малайзия относилась к инициативе достаточно сдержанно [1, с. 44]. В целом, несмотря на поддержку китайского проекта на правительственном уровне в государствах — членах АСЕАН, научная общественность и средства массовой информации в странах Юго-Восточной Азии настороженно относятся к инициативе «Один пояс, один путь», а население имеет ограниченное ее понимание [10, с. 161].

Рассмотрим подробнее позиции стран АСЕАН в отношении совместной реализации проекта Морского Шелкового пути XXI в., который является частью инициативы «Один пояс, один путь». Выявление особенностей сотрудничества Китая со странами АСЕАН позволит продемонстрировать результаты взаимодействия сторон и вклад Китая в создание и совершенствование инфраструктурных проектов в контексте реализации инициативы.

Лаос является важным партнером Китая среди стран АСЕАН. Лаос — единственная не имеющая выхода к морю страна в Юго-Восточной Азии, граничащая с Вьетнамом, Камбоджей, Таиландом, Мьянмой и Китаем, с кратчайшим сухопутным сообщением между Китаем и странами АСЕАН. Китай и Лаос установили дипломатические отношения 25 апреля 1961 г. В декабре 2011 г. Китайская Азиатско-Тихоокеанская корпорация и Министерство почты и телекоммуникаций Лаоса подписали контракт на разработку проекта спутника связи «Лаос-1». Работа над проектом началась 1 декабря 2012 г., и спутник был успешно запущен в Центре Сичан в Китае в ноябре 2015 г. [3]. Завершение проекта имеет историческое и стратегическое значение в лаосско-китайских отношениях, поскольку является одним из успешных примеров совместного строительства инициативы «Один пояс, один путь». 13 ноября 2015 г. правительства Китая и Лаоса подписали в Пекине Соглашение о сотрудничестве в области развития железнодорожной

инфраструктуры и китайско-лаосского железнодорожного проекта [26]. Это событие ознаменовало официальный запуск проекта Китайско-Лаосской железной дороги. 8 сентября 2016 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, находившийся с официальным визитом в Лаосе, провел переговоры с премьер-министром Лаоса Тхонглуном Сисулитом. В ходе переговоров Государственный комитет по развитию и реформам КНР и представители правительства Лаоса подписали Меморандум о взаимопонимании между Китайской Народной Республикой и Лаосской Народно-Демократической Республикой в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [25]. Этот меморандум стал первым подобным межправительственным документом, подписанным между Китаем и страной китайско-индокитайского экономического коридора. Стороны договорились выстраивать взаимовыгодные отношения в контексте реализации инициативы, расширять диверсифицированное и многоуровневое взаимодействие в областях, представляющих взаимный интерес, а также постоянно обновлять механизмы, модели и содержание сотрудничества. Стороны также договорились расширять взаимодействие в сфере строительства объектов инфраструктуры, в области сельского хозяйства, промышленности, культурного туризма, финансов.

Китай также активно сотрудничает с Таиландом. В декабре 2014 г. Китай и Таиланд подписали Меморандум о взаимопонимании по железнодорожному сотрудничеству. В 2015 г. Совместный комитет по китайско-тайландскому железнодорожному сотрудничеству провел девять заседаний, и 3 декабря 2015 г. был подписан межправительственный рамочный документ [27]. После вступления в должность премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча начал работу по формулированию 20-летнего плана национальной стратегии (2018—2037 гг.), который, в частности, включает планирование национальной безопасности, повышение конкурентоспособности национальной экономики, реформирование структуры образования и совершенствование системы государственного управления. В 2017 г. Таиланд представил стратегию «Таиланд 4.0», направленную на достижение устойчивого экономического развития за счет технологических инноваций. Китайско-тайландское сотрудничество имеет широкие перспективы в связи с заинтересованностью Таиланда привлекать инвестиции в передовое производство, высокотехнологичные отрасли, туризм и другие области. Реализация проектов сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» способна оказать содействие экономической трансформации Таиланда и создать в стране сбалансированную экономическую структуру. В сентябре 2017 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Прави-

тельством КНР и Правительством Королевства Таиланд о совместном развитии инициативы [24]. В ноябре 2019 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян прибыл в Таиланд с официальным визитом. Стороны подтвердили прогресс в реализации Меморандума о взаимопонимании и выразили надежду на дальнейшее углубление сотрудничества [32].

Международный железнодорожный интермодальный поезд Китай — Лаос — Таиланд впервые отправился от южного железнодорожного вокзала Вьентьяна (Лаос) 16 марта 2022 г. Завершение строительства железной дороги является крупным достижением в стратегическом согласовании инициативы «Один пояс, один путь», позволяя Китаю иметь новые удобные наземные транспортные связи с Лаосом, Таиландом, Камбоджей и другими странами [9].

Активно продвигается взаимодействие Китая и Камбоджи. Восстановление и модернизация объектов инфраструктуры является важной частью китайско-камбоджийского сотрудничества. Китай активно продвигает сочетание камбоджийской стратегии развития и китайской инициативы. Китай и Камбоджа создали специальный механизм развития политического диалога между двумя странами, учредив в январе 2014 г. Китайско-камбоджийский межправительственный координационный комитет [33]. В ноябре 2014 г. премьер-министр Камбоджи Хун Сен прибыл в Китай для участия в диалоге, посвященном укреплению партнерства. В ходе переговоров Хун Сен выразил надежду на то, что участие в инициативе будет способствовать строительству объектов инфраструктуры и экономическому развитию Камбоджи [19]. Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Камбоджу в октябре 2016 г. две страны подписали 31 документ о сотрудничестве, включая Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению плана сотрудничества по строительству инициативы «Один пояс, один путь» [22]. Во время визита премьер-министра Хун Сена в Китай в мае 2017 г. стороны высоко оценили достижения в торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве, а также договорились ускорить согласование стратегий развития [30]. Китай оказал огромную поддержку и помощь в улучшении инфраструктуры Камбоджи. Лидер Камбоджи Хун Сен высоко оценил достижения сотрудничества двух стран в рамках инициативы и отметил, что последняя открыла новые возможности для стран со слабой экономической базой, стремящихся к получению инвестиций [8]. 18 марта 2022 г. председатель КНР Си Цзиньпин провел телефонный разговор с премьер-министром Камбоджи Хун Сенем. Он отметил, что обе стороны должны совместно развивать инициативы «Один пояс, один путь», ускорить возведение круп-

ных сооружений, таких как автомагистрали, аэропорты, а также создание особых экономических зон. В то же время обе стороны должны содействовать реализации соглашения о создании Всестороннего регионального экономического партнерства и Соглашения о свободной торговле между Китаем и Камбоджей, чтобы вывести двустороннюю торговлю на новый уровень [17]. Кроме того, строительство Китаем дорог и мостов в Камбодже способствовало совершенствованию транспортно-логистической системы страны в целом.

Важным партнером для Китая является Бруней. Правительство Брунея в целом позитивно относится к совместному осуществлению инициативы «Один пояс, один путь». В апреле 2013 г. султан Брунея посетил Азиатский форум в Боао, в ходе которого была подписана Совместная декларация, в которой стороны заявили о намерении повышать уровень двустороннего торгово-экономического сотрудничества и тесно взаимодействовать в области транспорта, связи, развития инфраструктуры и финансов [31]. Подписанное в 2014 г. соглашение об экономическом коридоре Бруней — Гуанси стало отправной точкой дальнейшего углубления китайско-брунейских отношений. 18 ноября 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин прибыл в Бруней с государственным визитом. Стороны договорились о дальнейшем углублении экономического и торгово-инвестиционного сотрудничества, а также о сотрудничестве в области морских нефтегазовых ресурсов [28]. В основе торгово-экономических отношений между Китаем и Брунеем лежит сотрудничество в области разработки нефти и газа и строительства объектов инфраструктуры для нефтегазовой отрасли. У двух стран имеются широкие перспективы сотрудничества в области науки и техники, сельского хозяйства и промышленности [12, с. 67].

Сингапур является наиболее развитой экономикой в АСЕАН: его экономическое влияние распространяется на весь регион Юго-Восточной Азии и оказывает решающее воздействие на развитие всего региона. Сингапур откликнулся на инициативу «Один пояс, один путь» в 2014 г., и благодаря активно развивавшемуся китайско-сингапурскому сотрудничеству многие страны присоединились к китайскому проекту. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян посетил Сингапур с официальным визитом 12—16 ноября 2018 г. В ходе визита две страны подписали 11 документов о двустороннем сотрудничестве и по итогам визита опубликовали совместное заявление правительств. В документе стороны подчеркнули стратегическое значение развития нового Международного сухопутно-морского торгового коридора [29]. В апреле 2019 г. Китайский фонд Шелкового пути и Сингапурская группа «Сурбана Джуронг» подписали в Пекине рамочной договор о создании Совместной китайско-сингапурской

инвестиционной платформы для инвестирования в инфраструктурные проекты в Юго-Восточной Азии и других регионах [21].

Реализация проекта превращения Индонезии в «Морскую ось мира» требует выполнения гигантского объема работ и колоссальных затрат. Китай демонстрирует заинтересованность в активизации сотрудничества в секторе морской индустрии с этой страной в Юго-Восточной Азии [4, с. 199]. В декабре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин на Центральной экономической рабочей конференции по вопросам экономики подчеркнул важность улучшения морского сообщения [36]. Индонезийская доктрина «Морская ось мира», одобренная президентом Индонезии Дж. Видодо, сопрягается с китайской инициативой Морского Шелкового пути XXI в., что способствует развитию сотрудничества между двумя странами в области экономики, торговли, строительства, инфраструктуры, а также расширения культурных обменов. Высокоскоростная железная дорога Джакарта — Бандунг является важным проектом сотрудничества между Китаем и Индонезией. В январе 2022 г. президент Индонезии Дж. Видодо прибыл на строительную площадку туннеля высокоскоростной железной дороги № 2 Джакарта — Бандунг, чтобы проинспектировать ход строительства. Индонезийский лидер выразил уверенность в том, что все участники строительства приложат большие усилия для преодоления таких трудностей, как сложная геология и эпидемическая ситуация, и, соответственно, успешно реализуют транспортный проект [7].

Однако не все планы Китая по строительству инфраструктуры в Индонезии были успешно реализованы. Индонезийская общественность считает, что в процессе двустороннего сотрудничества именно Индонезия является стороной, экономические интересы которой ущемляются. Инициатива «Один пояс, один путь» способствовала росту китайских инвестиций в Индонезию, что привело к увеличению числа рабочих из КНР в этой стране. Определенное число индонезийцев в социальных сетях требовало, чтобы правительство ограничило приток иностранных рабочих в их страну. В конце августа 2015 г. в Джакарте, Бандунге и Семаранге прошли демонстрации рабочих: профсоюзы оказывали давление на правительство, требуя запретить въезд в Индонезию китайским рабочим без профессиональных навыков [15, с. 125]. Для решения данных проблем Китай продемонстрировал решимость укреплять диалог с населением с тем, чтобы способствовать формированию положительного образа Китая среди индонезийской общественности.

Отношения Китая и Филиппин осложнил территориальный спор по поводу острова Хуанъянь. В апреле 2012 г. Филиппины арестовали восемь китайских рыбацких лодок на

острове, что усугубило конфликт между Китаем и Филиппинами и негативно повлияло на экономическую и торговую деятельность двух стран. Кроме того, этот инцидент понизил готовность обеих сторон к сотрудничеству. Соответственно, когда Китай предложил инициативу «Один пояс, один путь», Филиппины не отреагировали на нее. Напряженность в отношениях между двумя странами не была снята до момента посещения президентом Филиппин Р. Дутертом Китая с государственным визитом в октябре 2016 г. После переговоров две страны подписали в общей сложности 13 двусторонних документов о сотрудничестве в области экономики и торговли, инвестиций, сельского хозяйства, контроля качества, туризма, финансов и строительства инфраструктуры, что вывело двустороннее сотрудничество на новый уровень [2]. Филиппинское деловое сообщество рассматривало инициативу «Один пояс, один путь» как важную перспективу развития бизнеса и оценил ее как хорошую возможность укрепления отношений между двумя странами в экономической сфере.

Торговые маршруты между Китаем и Мьянмой в разной степени были нарушены из-за конфликта на севере страны, вызванного внутренним этническим конфликтом. В настоящее время завершённые и строящиеся инфраструктурные объекты между странами включают нефте- и газопровод Китай — Мьянма, Бирманскую дорогу, водный путь Ланканг — Меконг и т. д. Эти важные международные пути проходят через север страны и их задача — соединить Китай и Мьянму [11]. Конфликт на севере Мьянмы может помешать продвижению инициативы в этой стране, вынуждая инвесторов опасаться вкладывать деньги и технологии в кооперацию.

Проект «Два экономических коридора, один пояс» был впервые предложен бывшим премьер-министром Вьетнама Фан Ван Хи во время его государственного визита в Китай в 2004 г. [35]. Эта инициатива была поддержана китайским правительством и предусматривала сотрудничество 10 прибрежных районов Китая и Вьетнама. Предполагалось, что сопряжение китайской инициативы «Один пояс, один путь» со стратегией развития Вьетнама «Два экономических коридора, один пояс», предусмотренное меморандумом 2017 г., позволит расширить и углубить приграничные торгово-экономические связи между странами [34]. Однако проблема принадлежности архипелага Спратли и Парасельских островов в

Южно-Китайском море негативно отразилась на восприятии Вьетнамом расширения экономического сотрудничества с Китаем, затронув китайско-вьетнамское экономическое и торговое сотрудничество в рамках инициативы [23, с. 37].

Внутриполитические факторы в Малайзии осложнили реализацию проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Премьер-министр Малайзии Н. Разак был приглашен на Форум международного сотрудничества инициативы «Один пояс, один путь» в мае 2017 г. В ходе встречи он высказал мнение, что Малайзия и Китай не только соседи, но и друзья и подчеркнул большое значение инициативы как для региона, так и для мира в целом [18]. Визит малайзийского премьера в Китай значительно повысил внимание различных кругов Малайзии к инициативе. М. Мохаммад, вступивший в должность премьер-министра в 2018 г., заявил, что пересмотрит ряд финансируемых Китаем проектов, которые, по его мнению, могут привести к увеличению государственного долга Малайзии [13]. Вместе с тем новое правительство Малайзии во главе с премьер-министром А. З. Хамиди, приступившее к работе в декабре 2022 г., демонстрирует большую заинтересованность в активизации сотрудничества с Китаем в реализации совместных проектов.

Страны АСЕАН являются важными партнерами Китая в продвижении инициативы «Один пояс, один путь». Китай предоставляет финансовую и техническую помощь для создания и совершенствования объектов инфраструктуры в Юго-Восточной Азии. Проекты инициативы способствуют притоку китайских инвестиций и созданию новых возможностей для развития бизнеса в Юго-Восточной Азии. Реализация инфраструктурных объектов является гарантией дальнейшего углубления сотрудничества между Китаем и АСЕАН в торгово-экономической сфере. Кроме того, Китай является важнейшим экономическим партнером стран Юго-Восточной Азии.

Однако сотрудничество Китая со странами АСЕАН в рамках инициативы «Один пояс, один путь» сталкивается с определенными сложностями. Проблемами сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН являются недостаток взаимного доверия, опасения роста государственного долга, что затрудняет реализацию многих взаимовыгодных планов и проектов. Китай намерен укреплять связь со странами — членами АСЕАН, чтобы развеять их сомнения и работать вместе для общего развития.

Список использованных источников

1. Би Шихун. Дунмэн гоцзя дуй «И дай и лу» чан и дэ жэньчжи цзи ци индуй танси = Восприятие и контрмеры стран АСЕАН в отношении инициативы «Один пояс, один путь» / Би Шихун, Цю Цзе // Тайпинян сюэбао = Тихоокеан. журн. — 2021. — № 4. — С. 39–52 (на кит. яз.).
2. Вай цзяо бу цзяо фэй луй бинь цзун тун ду тэ эр тэ чжэн цзай дуй чжун го цзинь син го ши фан вэнь дэнь вэнь да = Президент Филиппин Дутерте находится с государственным визитом в Китае — ответы на вопросы МИД [Элек-

- тронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 20.10.2016. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2016-10/20/content_5122356.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
3. Вого чэнго фа шэ лао во и хао вэйсин = Китай успешно запустил спутник связи «Лаос-1» [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 21.11.2015. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/21/content_5014991.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
4. Ефимова, Л. М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской Шелковый путь XXI века» / Л. М. Ефимова // Вестн. МГИМО. — 2015. — № 6 (45). — С. 196—204. (<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-196-204>)
5. За 30 лет отношения между Китаем и АСЕАН стали только крепче [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 08.06.2021. — Режим доступа: <http://russian.news.cn/2021-06/08/c_139994586.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022.
6. «И дай и лу» цзяньшэ цзе шого: хой цзи шицзе дэ чжунго фан ан = Инициатива «Один пояс, один путь» — китайское решение, приносящее пользу миру [Электронный ресурс] // И дай и лу ван = Портал «Один пояс, один путь». — 29.03.2022. — Режим доступа: <<https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/hwxw/231397.htm>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
7. Инъни цзунтин цзюкэ шица явань гаоте цзяньшэ цинкуан = Президент Индонезии Джоко Видодо инспектирует ход строительства высокоскоростной железной дороги Джакарта — Бандунг [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэн ван = Новости Китая. — 17.01.2022. — Режим доступа: <<http://www.chinanews.com.cn/gj/2022/01-17/9654559.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
8. Ли Кэцян цзай цзяньпучжай чжулю мэйти фабаю шумин вэньчжан: вэй ланьмэй хэцзо юй чжунцзянь юхао цзя цяо пу лу = Ли Кэцян опубликовал подписанную статью в камбоджийских СМИ: прокладывая путь для сотрудничества Ланьдана и Меконга и моста дружбы между Китаем и Камбоджей [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэн ван = Новости Китая. — 09.01.2018. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/m/gn/2018/01-09/8419789.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
9. Лухай син тундао чжунлао-лаотай гоцзи телу лян юнь баньле шоу фа = Запущен международный железнодорожный интермодальный поезд Китай — Лаос и Лаос — Таиланд нового сухопутно-морского коридора [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэн ван = Новости Китая. — 17.03.2022. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/cj/2022/03-17/9704315.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
10. Лу Хэюй. «И дай и лу» куанцзя ся дэ чжунго юй дунмэн хэцзо яньцэю вэньсянь цзуншу = Обзор литературы о сотрудничестве Китая и АСЕАН в рамках «Один пояс, один путь» / Лу Хэюй, Ли Чжисон, Ли Фуцзянь // Чжунго — Дунмэн яньцэю = Исследования Китая и АСЕАН. — 2020. — № 3. — С. 159—179 (на кит. яз.).
11. Люда цзинцизи цзоулан цзяньшэ мяньмяньгуань = Аспекты строительства шести экономических коридоров [Электронный ресурс] // И дай и лу ван = Портал «Один пояс, один путь». — 26.04.2019. — Режим доступа: <<https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/87694.htm>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
12. Ма Бо. Вэнь лай 2035 хун юань юй и дай и лу дэ чжань люе дуй цзе = Стратегическое согласование концепции Брунея до 2035 г. с «Поясом и путем» / Ма Бо // Наньян вэньти яньцэю = Исследование проблем Южных морей. — 2017. — № 1. — С. 62—73 (на кит. яз.).
13. Ма ха ди эр цзин чжун го тун цзин ма цай цзэе вэнь ти чжун шэнь дуй хуа ю хао чжэн цэ бу хой бянь хуа = Махатхир попросил Китай «посочувствовать» финансовым проблемам Малайзии и повторил, что дружественная политика в отношении Китая не изменится [Электронный ресурс] // Хуань цюй ван = Глобал Таймс. — 20.08.2018. — Режим доступа: <<https://m.huanciu.com/article/9CaKrnKbCio>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
14. Михневич, С. В. «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии / С. В. Михневич // Вестн. междунар. организаций. — 2018. — Т. 13, № 4. — С. 237—255. (<http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-11>)
15. Пань Юэ. «И дай и лу» бэй цзин ся инь ни дэ чжун го лао гун вэнь ти = Китайские трудовые проблемы в Индонезии на фоне инициативы «Один пояс, один путь» / Пань Юэ // Дун нань я янь цэю = Исследования Юго-Восточной Азии. — 2017. — № 3. — С. 123—137, 157—158 (на кит. яз.).
16. Се шоу гуньцзянь чжунго дунмэн мин юнь гунтун ти = Сообщество общей судьбы Китай — АСЕАН [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 12.10.2013. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzq/2013-10/12/content_2504960.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
17. Си Цзиньпин тун цзяньпучжай шоусян Хунсэнъ тун дянъхуа = Си Цзиньпин провел телефонные переговоры с премьер-министром Камбоджи Хун Сеном [Электронный ресурс] // Вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 18.03.2022. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202203/t20220318_10653098.shtml>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
18. Си Цзиньпин хой цзянь ма лай си я цзун ли на цзи бу = Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Малайзии Наджибом Разаком [Электронный ресурс] // Вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 13.05.2017. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676716/xgxw_676722/201705/t20170513_7985309.shtml>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
19. Си Цзиньпин хой цзянь Хунсэнъ = Си Цзиньпин встречается с Хун Сеном [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэн ван = Новости Китая. — 07.11.2014. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/gn/2014/11-07/6761784.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
20. Си Цзиньпин цзай чжун го-дун мэн цзян ли дуй хуа гуан си сан ши чжоу нянь йзи нянь фэн хой шан дэ цзян хуа = Выступление Си Цзиньпина на саммите, посвященном 30-летию установления отношений диалога между Китаем и АСЕАН [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 22.11.2021. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2021-11/22/content_5652461.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
21. Сы лу цзи цзинь юй синь цзя по шэн юй цзи туань чэн ли гун тунтоу цзы пин тай = Фонд «Шелковый путь» и Сурбана Джуронг групп создали совместную инвестиционную платформу [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го шан у бу = Министерство торговли КНР. — 30.04.2019. — Режим доступа: <<http://sg.mofcom.gov.cn/article/dtxx/201904/20190402859211.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
22. Хунсэнъ: «И дай и лу» дуй чжунцзянь гунтун фачжань ю чжун го ий = Хун Сен: Инициатива «Один пояс, один путь» важна для совместного развития Камбоджи и Китая [Электронный ресурс] // Го у юань синьвэн баньгун ши = Государственный совет Китайской Народной Республики. — 15.05.2017. — Режим доступа: <<http://www.scio.gov.cn/sp/31773/35507/35515/35523/Document/1552135/1552135.htm>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
23. Чжан Фань. Чжэнчжи цзинцизи лии цзюэ чжун дэ чжунго «И дай и лу» цзинмао хэцзо = Китайско-вьетнамское торгово-экономическое сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» на фоне споров о политических и экономических интересах / Чжан Фань, Ю Цзяньчуань // Тайпинян сюэбао = Тихоокеан. журн. — 2017. — № 2. — С. 37—48 (на кит. яз.).
24. Чжунго тун тайго дэ гуаньси = Отношения Китая с Таиландом [Электронный ресурс] // Вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 06.2022. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676932/sbgx_676936/>. — Дата доступа: 23.07.2022 (на кит. яз.).
25. Чжунго юй Лаово цзян шу гунцзан «и дай и лу» хэ цзо вэн цзянь = Китай и Лаос подписали Меморандум о взаимопонимании в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Го цзя фа гай вэй = Государ-

- ственный комитет по развитию и реформам КНР. — 09.09.2016. — Режим доступа: <https://www.ndrc.gov.cn/fzggw/wld/hlf/lddt/201609/t20160909_1166812.html>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
26. Чжунлао телу сяньму чжэнши лоди = Китайско-лаосский железнодорожный проект официально запущен [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 15.11.2015. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/15/content_5012746.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
27. Чжун тай те лу хэцзо сяньму чжэнши цидун = Официально начат проект китайско-тайландского железнодорожного сотрудничества [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 19.12.2015. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-12/19/content_5025872.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
28. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ вэньлай далусаланьго лянхэ шэнмин = Совместное заявление Китайской Народной Республики и Брунея-Даруссалама [Электронный ресурс] // Вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 19.11.2018. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201811/t20181119_345452.shtml>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
29. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ синцзяпо гунхэго чжэнфу лянхэ шэнмин = Совместное заявление правительства Китайской Народной Республики и Республики Сингапур [Электронный ресурс] // Го у юань синвэн баньгун ши = Государственный совет Китайской Народной Республики. — 15.11.2018. — Режим доступа: <<http://www.scio.gov.cn/31773/35507/htws35512/Document/1641464/1641464.htm>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
30. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ цзяньпучжай ванго лянхэ синвэнь гунбао = Совместный пресс-релиз Китайской Народной Республики и Королевства Камбоджа [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 17.05.2017. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/17/content_5194722.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
31. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжэнфу хэ вэньлай далусаланьго лянхэ шэнмин = Совместное заявление Китайской Народной Республики и Брунея-Даруссалама [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 06.04.2013. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzg/2013-04/06/content_2370903.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
32. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжэнфу хэ тайванго чжэнфу лянхэ синвэн шэнмин = Совместное заявление правительства Китайской Народной Республики и правительства Королевства Таиланд [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 05.11.2019. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2019-11/05/content_5448938.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
33. Чжун цзянь чжэн фу цзянь се тяо вэй юань хой шу цы хой и 2 жи цзай бэй цзин цзю син = 2 января в Пекине состоялось первое заседание Китайско-камбоджийского межправительственного координационного комитета [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 02.01.2014. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/ldhd/2014-01/02/content_2559059.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
34. Чжун юе лянхэ шэнмин = Китайско-вьетнамское совместное заявление [Электронный ресурс] // Вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 13.11.2017. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201711/t20171113_8523605.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
35. Чжун юе фабяо лянхэ гунбао = Китай и Вьетнам выпустили совместное коммюнике [Электронный ресурс] // Вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 08.10.2004. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200410/t20041008_9867231.shtml>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
36. Чжун ян цзин цзи гун цзоу хой и цзюй син Си Цзиньпин Ли Кэцян цзоу чжун ян цзян хуа = Состоялась Центральная экономическая рабочая конференция, Си Цзиньпин и Ли Кэцян выступили с важными речами [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 13.12.2013. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/ldhd/2013-12/13/content_2547546.htm>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
37. Pang, J. ASEAN still matters for global change / J. Pang [Electronic resource] // Eastasiaforum. — 03.12.2015. — Mode of access: <<http://www.eastasiaforum.org/2015/12/03/asean-still-matters-for-global-change/>>. — Date of access: 23.04.2022.

Статья поступила в редакцию 10 августа 2022 г., доработана в феврале 2023 г.

ПОЛЬША ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА (2017—2021 гг.)

Татьяна Свентецкая

В статье проводится анализ польского вектора американской внешней политики в период президентства Д. Трампа. Автор выделяет три основные составляющие данной политики: публичная дипломатия, вопросы безопасности и сотрудничество в области энергоресурсов. Членство Польши в Европейском союзе обуславливает особенности американо-польских отношений, которые находятся под неизбежным влиянием общеевропейской конъюнктуры. Особенно это проявляется в вопросах безопасности и сотрудничества в рамках НАТО. Тем не менее, политика Д. Трампа «Америка прежде всего» определила подход к внешней политике в целом и к Польше в частности. В результате наиболее амбициозные планы Польши по размещению американского военного контингента не были реализованы, а сама Польша осталась рычагом американской внешней политики, а не полноправным объектом американо-польских отношений.

Ключевые слова: американо-польские отношения; внешняя политика США; дипломатия; Европейский союз; международные отношения; НАТО; Польша; Соединенные Штаты Америки.

«Poland in the Foreign Policy of the Trump Administration (2017—2021)» (Tatsiana Sviantsetsckaya)

The article provides an analysis of the Polish vector of American foreign policy during Donald Trump's presidency. The author identifies three main components of this policy: public diplomacy, security issues and cooperation in the field of energy resources. Poland's membership in the European Union determines the peculiarities of US-Polish relations, which are under the inevitable influence of the pan-European conjuncture. This specifically occurs in the matters of security and cooperation within NATO. Nevertheless, D. Trump's «America First» policy determined the approach to foreign policy in general, and to Poland in particular. As a result, Poland's most ambitious plans to deploy an American military contingent were not realised, and Poland itself remained a replaceable lever of American foreign policy, and not a full-fledged object of US-Polish relations.

Keywords: diplomacy; European Union; international relations; NATO; Poland; United States of America; US foreign policy; US-Polish relations.

Внешняя политика США является ключевой составляющей в архитектуре мирового порядка, в том числе и в обеспечении его устойчивости. Несмотря на стабильность американских государственных институтов и ценностных ориентиров, смена политического руководства может привести к трансформации политического видения и публичной дипломатии. С разной степенью контрастности это происходит при переходе президентского кресла к новому главе Белого дома с партийной принадлежностью, отличной от его предшественника.

Ярким примером такого политического сдвига является президентство Д. Трампа. Еще в период президентской кампании кандидат открыто выражал скептицизм относительно эффективности международных организаций

и кооперации для достижения совместных целей. Именно глобализацию Д. Трамп считал главной причиной экономических проблем внутри Соединенных Штатов. Отталкиваясь от этой позиции, 45-й президент США выстраивал американскую внешнюю политику, как в целом, так и в отношении отдельных акторов.

Поскольку президентский срок Д. Трампа — период исторически достаточно неудачный, то фундаментальных работ по внешней политике, а уж тем более по конкретному направлению, еще не написано. Однако процесс критического осмысления, накопления знания и анализа идет, что можно увидеть на примерах научных статей отдельных авторов и работ аналитических центров.

Неизбежно вопросами внешней политики США занимаются исследователи американ-

Автор:

Свентецкая Татьяна Валерьевна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: sviantsetsckayatv@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Sviantsetsckaya Tatsiana — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: sviantsetsckayatv@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ских институтов и центров. Однако на данный момент работы американских политологов посвящены скорее глобальным геополитическим вопросам, а конкретные сюжеты приведены как пример, а не как предмет исследования.

В русскоязычной историографии наиболее глубоко этой проблематикой занимаются в Институте США и Канады Российской академии наук. В частности, О. В. Приходько исследует европейский вектор политики Д. Трампа, фокусируясь на внутренних противоречиях в Европейском союзе и их использовании Вашингтоном [1].

Закономерно данная тема раскрывается польской историографией. Так, М. Банасик написал ряд статей о роли Польши в архитектуре европейской безопасности [5], основным выводом которых является потеря значения российской угрозы, а соответственно и значения Польши для Североатлантического альянса. Л. Юренчик подготовил несколько монографий о роли Польши в военных кампаниях США в Ираке и Афганистане, а также идее «Форта Трампа» [12]. Следует отметить его концепцию «*offensive bandwagoning*», которой исследователь привносит аспекты психологии в изучение американо-польских отношений. Энергоресурсный аспект американской внешней политики находится в центре исследований О. Стеванович, которая прослеживает его эволюцию при различных администрациях [31].

Особо следует выделить исследователей крупных аналитических центров, таких как парижский Институт международных исследований *SciencesPo*, в рамках которого Д. Кадье изучает внешнюю политику Польши и Чехии, ее зависимость от внутривнутриполитической конъюнктуры [7].

В настоящее время количество исследований представляется недостаточным для фундаментальных выводов по обозначаемой теме. Приведенные выше работы, как и многие другие, тематически охватывают скорее региональный вектор внешней политики, рассматривая страны Центральной Европы и Прибалтики как типологически однородные субъекты. Однако при более глубоком изучении намечаются контуры принципиальных различий между ними.

Именно поэтому необходимо рассмотреть политику США в отношении каждого регионального актора в отдельности, в том числе и в отношении Польши. Такой подход будет способствовать пониманию особенностей польского вектора, что позволит выстраивать и белорусскую внешнюю политику. Таким образом, цель данной статьи — определить место Польши в американской политике в период президентства Д. Трампа в рамках ее общеевропейского вектора.

Концептуальный подход Д. Трампа к внешней политике базируется на восприятии государства-нации в качестве основной единицы

международных отношений, следствием чего является поддержка, как минимум дипломатическая, стран — членов ЕС, противостоящих официальному Брюсселю. Наиболее выразительным проявлением такого подхода является польский вектор американской политики в период администрации Д. Трампа.

Внешняя политика США в отношении Польши реализовывалась в унисон с политическими запросами официальной Варшавы. Во внешней политике Польши с момента окончания «холодной войны» нами выделяются три основных направления, которые не меняются со сменой политического руководства: сближение с Вашингтоном и системой военной безопасности НАТО, противостояние и сдерживание России, интеграция в европейские политические и экономические структуры.

Стремление Д. Трампа к ревизии всех международных соглашений и организаций, в которых принимают участие США, едва не затронуло и столп американской системы безопасности — НАТО. Как подчеркивает исследователь О. В. Приходько, ни один президент до Д. Трампа не подвергал НАТО такой жесткой критике. Ключевой претензией Д. Трампа к союзникам по блоку был вопрос бюджета и военной помощи на Ближнем Востоке [1, с. 34].

«Мотивационной» частью угроз Д. Трампа, которые звучали в кулуарах саммитов НАТО, было намерение США устранить от потенциальной реализации статьи 5 Североатлантического договора до тех пор, пока расходы на оборону стран-членов не составят 2 % от их ВВП [1, с. 35—36]. Стоит отметить, однако, что по договоренностям Уэльского саммита НАТО 2014 г. срок по увеличению военных расходов установлен на 2024 г., соответственно союзники по НАТО не нарушают никаких обязательств, откладывая пересмотр военных бюджетов на будущее [2].

Европейская реакция на риторику Д. Трампа последовала незамедлительно. Лидерами стремления создания самостоятельной европейской системы безопасности являются Франция и Германия. Причем именно Франция в 2017 г. выдвинула идею *PESCO (Permanent Structured Cooperation)*, предполагающую создание собственной системы обороны, которая может носить также интервенционистский характер, т. е. действовать за пределами ЕС [1, с. 38—40].

Такое увеличение оборонного бюджета НАТО в европейских странах Вашингтон не устраивало категорически. Особенно «политический ропот» был слышен в республиканской части Конгресса, которая традиционно аффилирована с американской военной промышленностью. Ведь в случае создания европейской системы обороны часть военных заказов, которые сейчас получают США, перейдет к европейским производителям.

Однако для принятия общеевропейского решения по любому вопросу официальному Брюсселю необходима единогласная поддержка всех стран — членов ЕС. Эту институциональную особенность не единожды использовал Д. Трамп в реализации внешнеполитической повестки, что, в частности, видно на примере Польши в американской внешней политике.

Союзников США в Европе можно разделить на две группы. В первую группу попадают активные многосторонние союзники США: Польша, Литва, Латвия, Эстония, Хорватия. Ко второй группе относятся умеренные союзники, такие как Австрия, Венгрия, Словакия, Словения — своего рода геополитические прагматики.

В Польше союзнические отношения к Вашингтону испытывают не только официальная политическая элита Варшавы, но и граждане в целом. Так, Польша и Венгрия, по данным Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), оказались единственными европейскими странами, в которых на вопрос: «Испытываете ли вы уверенность в политике Д. Трампа?» отрицательный ответ был получен менее чем в 50 % случаев (43 и 42 % соответственно) [15]. Эту поддержку Д. Трамп использовал для реализации своей политики в Европе, в частности в противостоянии с Брюсселем.

Одним из первых знаковых эпизодов польской поддержки можно считать дипломатические контакты во время европейского турне Д. Трампа и саммита «Большой двадцатки» в 2017 г. В Гамбурге, Брюсселе и Лондоне уже были запланированы уличные акции протеста, а европейские политики готовились в ответ на требования Д. Трампа повышать расходы на оборону [10].

В начале июня 2017 г. на сайте Белого дома появилось официальное согласие Д. Трампа на приглашение президента А. Дуды посетить Польшу перед саммитом «Большой двадцатки». В сообщении отмечалось, что этот визит «призван подтвердить непоколебимую приверженность Америки одному из наших ближайших европейских союзников». Кроме того, посещение и поддержка Польши рассматривались наряду с укреплением коллективной обороны НАТО [20]. Соответственно, предполагалось европейское турне начать именно манифестацией польской поддержки США.

Выступление Д. Трампа на варшавской площадке Красинских несколько раз прерывалось овациями и скандированием лозунгов. Президент США повторил все исторические тезисы, которые стали официальной идеологией в Польше, а также заверил поляков в непреложной американской поддержке вопросов безопасности Польши. После этого публичного триумфа Д. Трамп отправился на саммит «Большой двадцатки» [24].

Ключевыми вопросами повестки Д. Трампа во время его участия в первом саммите «Большой

швейцарии» в качестве президента были нормализация взаимоотношений с Российской Федерацией и совместная работа по противодействию ядерной угрозе, исходящей от Северной Кореи. Однако эти и другие вопросы международной повестки шли в фарватере общей идеи администрации Д. Трампа «Америка прежде всего». На сайте Белого дома накануне европейского турне была отмечена позиция США «продемонстрировать американским рабочим стремление к честным и сбалансированным отношениям на международной арене», что буквально означало намерение ревизии большинства международных соглашений [29].

Ответной политической любезностью можно считать содействие, оказанное Д. Трампом Польше в конце 2017 г. в ситуации, когда ей очевидно нужна была авторитетная поддержка. Так, в декабре 2017 г. была проведена реформа, согласно которой правительство получило возможность назначения и снятия с должности судей Верховного суда. Соответственно все рычаги формирования главного органа власти судебной перешли к власти исполнительной. Помимо этого, создавалась специальная Дисциплинарная комиссия, в задачи которой входили инициация и ведение расследований дисциплинарных дел польских судей с последующей возможностью для министерства юстиции принимать кадровые решения в любом суде в отношении как конкретного судьи, так и председателя суда. Естественно, данная реформа вызвала шквал критики со стороны Европейского союза. И дело не столько в суверенном праве и возможности Варшавы самостоятельно решать внутривнутриполитические задачи, сколько в подрыве посредством данной реформы общей судебной системы всего Евросоюза [27].

В этой ситуации отдельные американские политики выражали свою обеспокоенность угрозой польской дипломатии, однако никаких мер, кроме риторических, принято не было. Более того, президент Д. Трамп открыто выражал свою поддержку Польше, подчеркивая, что ее внутренние вопросы не должны решаться в Брюсселе.

В феврале 2018 г. Д. Трамп произвел несколько назначений на ключевые посты, в том числе на пост Чрезвычайного и Полномочного Посла Соединенных Штатов в Республике Польша, который заняла Дж. Мосбахер (республиканский политический деятель, занималась аналитикой экономического и дипломатического трансатлантического сотрудничества) [18]. Еще до своего назначения Дж. Мосбахер негативно высказывалась о польском законе, запрещающем говорить о польских лагерях смерти. Несмотря на это, премьер-министр Польши не противодействовал назначению Дж. Мосбахер в качестве посла. Польский еженедельник «*Wprost*» присвоил Дж. Мосбахер

звание «Человек года 2019» за вклад в отмену визового режима для поляков при посещении США [28].

В октябре 2018 г. на открытии фонда Стефана Батория министр иностранных дел Польши Я. Чапутович отметил, что Д. Трамп изменил правила игры в международных отношениях и Польша должна подстраиваться под них [16].

В унисон с внутривластной ситуацией в Польше в совместном заявлении президентов Д. Трампа и А. Дуды от 24 июня 2020 г. было отмечено: «Мы также объединим усилия по борьбе с дезинформацией, особенно исторической правдой, касающейся Второй мировой войны». Кроме очередных дифирамбов американо-польскому сотрудничеству в рамках НАТО, в заявлении были отмечены и экономические успехи: указывался рост американо-польской торговли более чем на 50 % в 2020 г. по сравнению с 2016 г. Подтверждалась также приверженность совместной Декларации от 2 сентября 2019 г. о сотрудничестве в области технологий [11].

Таким образом, американскую дипломатию администрации Д. Трампа в отношении Польши можно описать фразой: «Польша слишком важный политический актор, чтобы не учитывать ее интересы, но недостаточно важный, чтобы делать это постоянно (*«too big to be small, too small to be big»*)».

Американо-польское сотрудничество по вопросам военной безопасности. Европейские страны в вопросах трансатлантических отношений достаточно четко разделяются на два блока. С одной стороны, страны «старой» Европы, которые стояли у основания Европейского союза и прошли долгий путь по оформлению отношений друг с другом, в том числе и в вопросах безопасности, а с другой — страны, которые были членами Организации Варшавского договора, связывающие свое «освобождение» с дипломатической и военной силой Соединенных Штатов. В результате, несмотря на полное и всестороннее вхождение этих стран в европейские экономические и политические структуры, в отношении вопросов безопасности они неизменно полагаются на Соединенные Штаты и НАТО.

Краеугольным камнем американской политики в отношении западных союзников было выполнение договоренностей Уэльского саммита НАТО. Особенно этот вопрос обострился во время президентства Д. Трампа. В его общую философию внешней политики, основанной на необходимости покончить с несправедливым отношением к США, участием Америки в невыгодных для нее союзах и организациях, органично вписывалось и давление на страны — члены НАТО. Д. Трамп настаивал на выполнении соглашения по увеличению оборонного бюджета стран-членов до 2 % и демонстрировал поддержку тем странам, которые уже выполнили этот показатель [23].

Особенно это касалось Польши. Еще во времена Дж. Буша-мл. Польша была единственной крупной европейской страной, не считая неизменного американского партнера Великобритании, которая поддержала США в интервенции в Ираке. Польская карта американской политики в Европе была разыграна и Д. Трампом. Официальный Вашингтон как на двусторонней основе, так и по линии НАТО всячески демонстрировал на примере Польши американскую поддержку в благодарность за 2 % военного бюджета. Понимая, что такой статус-кво не вечен, Варшава стремилась использовать ситуацию.

С военно-стратегической точки зрения, как показали симуляционные модели российского вторжения в Прибалтику, имеющегося военного контингента, размещенного на территории Германии, недостаточно для сопротивления. Более того, занятие так называемого Сувальского коридора, кратчайшего расстояния от Беларуси до Калининградской области, отсекает возможность логистической связи по суше с прибалтийскими странами. Исходя из такого гипотетического плана Польша настаивала на размещении американского военного контингента на своей территории на постоянной основе. Официальная Варшава настойчиво продвигала этот вопрос уже при американской администрации Дж. Буша-мл. Несмотря на очевидный откат от польско-американских планов по военному сотрудничеству при Б. Обаме, Польша продолжила лоббирование данного вопроса в период администрации Д. Трампа [5, p. 41].

Расширенное передовое присутствие НАТО (*NATO Enhanced Forward Presence*) является одной из составных частей реализуемой Инициативы по обеспечению европейской безопасности (*European Deterrence Initiative*) [32]. Этот комплекс мер по усилению военного контингента НАТО в Европе был согласован на Варшавском саммите после изменения статуса Крыма в 2014 г. и развертывания военного конфликта в Донбассе. Расширенное передовое присутствие НАТО предполагает размещение военного контингента в Польше (Ожиш), Эстонии (Тапа), Латвии (Адажи), Литве (Рукла) [6].

Следует отметить, что взаимоотношения НАТО и Российской Федерации основываются на учредительном акте НАТО — Россия 1997 г. В период подготовки к масштабному расширению НАТО было стратегически важно заверить Россию в отсутствии у Америки агрессивных намерений. Одним из ключевых пунктов было и указание о неразмещении сил НАТО на постоянной основе в новоприсоединенных странах [3, p. 43]. Именно поэтому интернациональный контингент дислоцируется на вышеуказанных базах на ротационной основе.

С точки зрения региональной безопасности Польша считала, что ротационные войска не смогут справиться с потенциальной агрессией

в отношении своей страны. Не удивительно, что А. Дуда во время официального визита в Вашингтон так активно предлагал разместить дополнительный контингент в Польше и создать, как он сам же и назвал в одном из интервью, «форт Трампа» за счет польского бюджета. Так, А. Дуда выразил готовность потратить на американскую военную базу 2 млрд дол. [13, р. 466]. Однако, прежде чем сделать такое предложение, А. Дуда не проводил предварительных консультаций с официальным Брюсселем для согласования общеевропейской позиции.

Вашингтон предпочел усиление существующих баз (Познань, Ожиш, Редзиково) отправкой туда 1000 военнослужащих (к тому моменту в Польше уже было дислоцировано 4000 человек) [8].

Стремление Польши привлечь США и их военное участие — реминисценция дипломатии «холодной войны» и биполярного мира. Исходя из обновленной концепции национальной безопасности США, опубликованной в 2017 г., главной угрозой безопасности Вашингтон видит именно Китай, а не Россию, соответственно общий внешнеполитический прицел сдвинулся в Азиатско-Тихоокеанский регион [14].

На очередной Мюнхенской конференции по безопасности, которая прошла в феврале 2017 г. и стала первым заграничным визитом высшего руководства страны, вице-президент США М. Пенс произнес речь, в которой очерчивались взгляды новой администрации на вопросы безопасности. Ключевым для международной безопасности М. Пенс определил сотрудничество в рамках НАТО. Как следует из его речи, сила Альянса заключается в его способности применить статью 5 Североатлантического договора. В свою очередь своевременная и полномасштабная активация этой статьи может быть обеспечена только статьей 3: обязательными взносами стран — членов НАТО. М. Пенс напомнил о договоренностях, достигнутых на саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г., согласно которым расходы на оборону стран — членов НАТО должны составлять 2 % от ВВП. К моменту Мюнхенской конференции эти обязанности выполняли только четыре страны, среди которых была и Польша. Реверансом стало обещание вице-президента М. Пенса расширить присутствие НАТО в этом регионе [26].

На встрече с главой Совета ЕС Д. Туском тезисы Мюнхенской конференции были продублированы. Д. Туск как руководитель одного из ключевых институтов ЕС и бывший премьер-министр Польши отмечал значение трансатлантической кооперации для обеспечения безопасности Европы. М. Пенс декларировал гарантии продолжения реализации проектов, заложенных в Польше и странах Прибалтики, расширенным передовым присутствием НАТО [25].

В мае 2018 г., накануне встречи Д. Трампа с генеральным секретарем НАТО Й. Столтенбергом, президент США отмечал, что договоренности Уэльского саммита выполняются лишь Польшей, Румынией, Эстонией, Латвией, Литвой, Грецией и Великобританией [22].

Во время самой встречи были подведены итоги 2017 г. В качестве достижения было представлено расширение присутствия НАТО на территории стран Прибалтики и Польши. В частности, там были размещены силы, включающие представителей четырех национальных групп, общей численностью достигающие батальона [19].

Свою идею скорейшего выполнения обязательства Уэльского саммита НАТО Д. Трамп продвигал настойчиво в течение всего президентства. Фактически регулярное напоминание об этом стало неперенным инструментом коммуникации по вопросам международной безопасности. Так, в рамках очередного саммита НАТО в декабре 2019 г. в Хартфордшире состоялся рабочий ланч с представителями стран, которые уже тратят на оборону 2 % ВВП: важно было подчеркнуть первоочередность их позиций. Во время встречи Д. Трамп предложил президенту Польши А. Дуде «сказать что-то, представляя группу» [23]. Таким образом, в очередной раз подчеркивалась роль Польши как основного идейного сторонника США в НАТО и в вопросах безопасности в целом.

В своей короткой ремарке А. Дуда отметил инициативу «НАТО 360 градусов» как важнейшую основу единства стран — членов Североатлантического альянса [23].

Американское военное и экономическое лидерство привлекательно для Польши, как предположил исследователь А. Ланозска, еще и потому, что Соединенные Штаты — «офшорный союзник», соответственно размещение американского контингента на территории Польши не может угрожать устойчивости национального суверенитета [13, р. 459].

В январе 2020 г. Вашингтон и Варшава подписали соглашение о продаже Польше американских истребителей пятого поколения и проведении подготовки польских военных для работы с такой техникой на сумму 4,6 млрд дол. США. Часть польских экспертов, однако, отмечали, что у Польши нет стратегической необходимости приобретения столь дорогостоящей техники и для нужд обороны было бы достаточно истребителей четвертого поколения [12, р. 73].

Продолжилось сотрудничество в области обороны подписанием 15 августа 2020 г. американо-польского соглашения по совместной обороне, по условиям которого американский контингент польского базирования дополнялся еще 2000 солдатами, при этом принцип ротации оставался в силе.

В 2020 г. прошли крупнейшие за последние 25 лет военные учения контингента НАТО в Европе «*Defender Europe 2020*», по сценарию которых основная оборонная функция отводилась Польше, где и разворачивалась значительная часть маневров. Командующий европейскими силами НАТО генерал армии США К. Каволи выразил удовлетворение качеством подготовки польских военных, неоднократно подчеркивая это в своих выступлениях по итогам учений [12, p. 72].

Таким образом, для Польши Соединенные Штаты неизменно остаются приоритетным союзником по вопросам безопасности. Однако Вашингтон продолжает терять заинтересованность в данном регионе, что объясняется сменой вызовов американской безопасностью. И несмотря на активизацию американо-польских отношений при администрации Д. Трампа, общая тенденция остается прежней.

Роль экспорта энергоресурсов в американской политике. Дополнительным аспектом американской политики в отношении Польши являются вопросы энергетической безопасности и торговли энергоресурсами. США начали осваивать энергетический рынок Польши еще в президентство Б. Обамы, но наиболее интенсивно этот процесс происходил при администрации Д. Трампа. Европейский рынок сжиженного природного газа — это арена противостояния с Российской Федерацией. Вашингтон стремился противодействовать завершению строительства магистрального газопровода «Северный поток-2». Так, в мае 2019 г. сенат принял закон «О защите энергетической безопасности Европы», согласно которому предполагалось выделить Госдепартаменту из американского бюджета 580 млн дол. США для стимулирования развития альтернатив на европейском энергетическом рынке. Реализация этого закона возможна на уровне как Европейской комиссии, так и двусторонних отношений со странами — членами ЕС [30].

В своем исследовании американской газовой политики в Центральной Европе О. Стеванович рассматривает вопрос энергетической безопасности Польши с точки зрения теории неореализма. Так, успех реализации политики США в регионе зависит от трех составляющих: благоприятствование объективных возможностей, отсутствие жестких соперников, понимание волатильности ситуации и соответственной необходимости действовать без промедления [31, p. 41].

Действительно, при администрации Д. Трампа США существенно увеличили добычу нефти и газа. Кроме того, для США в Польше, в отличие от соседней Германии, не было крупных конкурентов на страновом энергетическом рынке ввиду острой политической составляющей последнего. А волатильность

заклучалась как раз в том, что после окончания строительства газопровода «Северный поток-2» разница в ценах на энергоресурсы из США и России будет достаточно большой, чтобы ослабить политическую резистентность Польши российскому газу. Поэтому администрация Д. Трампа активно работала в данном направлении.

Терминал «Свиноуйсьце», который принимает поставки сжиженного газа, в том числе из США, являясь механизмом диверсификации, имеет стратегическое значение для европейской энергетической безопасности. Поэтому Брюссель выделил Польше дополнительные 126 млн евро для расширения его мощностей [31, p. 47].

О том, что торговля газом воспринималась администрацией Д. Трампа однозначно как политический вопрос, свидетельствует, во-первых, Стратегия национальной безопасности 2017 г., а во-вторых — дипломатическая риторика официальных лиц, называющих газ «газ свободы», «молекулы свободы» [34].

В связи с этим необходимо рассмотреть отношение США к инициативе «Трех морей». Основанная в 2015 г. как объединение 12 стран Центральной и Восточной Европы для экономического развития, европейской интеграции и трансатлантического сотрудничества, данная инициатива сразу привлекла внимание Белого дома. Реализация инфраструктурных проектов в рамках «Междуморья» создавала нужную логистику для транспортировки американского газа в глубь континента. Поскольку в диверсификации импорта энергоресурсов ЕС не менее заинтересован, то более 50 % финансирования проектов «Междуморья» осуществляется по линиям Европейского союза. Более того, 88 % этого финансирования направляется на энергетические проекты. Соответственно, США получают профинансированную Европейским союзом возможность расширения потенциальных потребителей американского сжиженного газа [31, p. 51]. Именно поэтому Д. Трамп еще во время своего первого визита в Польшу весьма положительно отзывался о «Междуморье» и даже посетил саммит этой инициативы.

По случаю начала экспорта американского газа в Северную и Центральную Европу 8 июня 2017 г. состоялся брифинг пресс-секретаря Белого дома С. Сандерс. В начале встречи она подчеркнула, что прибытие первой партии газа 7 июня в Нидерланды и Польшу — новая веха в американской экономике и политике энергетической безопасности [21].

После визита председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера в Вашингтон в 2018 г. и официального заявления о непрременной диверсификации импорта энергоносителей закупки американского газа Европейским союзом, в том числе и Польшей существенно возросли: если в 2017—2018 гг. объемы импорта амери-

канского сжиженного газа составляли около 3,440 тыс. куб. м, то в 2019 г. — 38,653 тыс. куб. м [31, р. 48].

Д. Трамп выражал уверенность в том, что рынок сжиженного природного газа Европы практически гарантирован: «Нет никаких сомнений в том, что в Восточной Европе есть желание покупать американский газ для диверсификации поставок» [32].

На сайте Белого дома Д. Трампа в графе «Достижения администрации» размещен текст об успехах в энергетике. В рамках общей политической философии в качестве достижения представлен, например, выход из Парижского соглашения по климату. Отмечен также вклад США в обеспечение энергетической безопасности в Европе посредством соглашений с Румынией и Польшей в области гражданской ядерной энергии [9].

В статье министра энергетики США Р. Перри, опубликованной 25 июня 2018 г. в издании *Washington Examiner* и приуроченной к Всемирной газовой конференции, которая проходила в 2018 г. в США, отмечается новая роль США на рынке энергоресурсов. Причем, если при описании экспорта газа в Индию делается акцент на чисто экономическую сторону вопроса, то при рассмотрении американских поставок в Польшу большее внимание уделяется вопросам безопасности. Очевидно, в Министерстве энергетики США понимали, что европейский рынок энергоресурсов может быть доступен только при политической интерпретации экономической конъюнктуры. Наиболее восприимчивой к такой интерпретации является Польша [3; 17].

Польская государственная нефтегазовая компания *PGNiG* в декабре 2018 г. подписала пятилетнее соглашение с США на покупку американского сжиженного природного газа. Политические обозреватели издания *The Wall Street Journal* слишком оптимистично видели в этом соглашении конец эры российской энергетической политики в Европе «*go-freeze*

yourself». Тем не менее, это все же было началом диверсификации европейского импорта энергетических ресурсов [4].

Выводы. Польский вектор американской политики в период администрации Д. Трампа определялся преимущественно его общими теоретическими представлениями. Поскольку Д. Трамп был противником идей глобализма, то любые формы наднационального объединения вызывали у него политическое отчуждение и стремление к ревизии международных коопераций. Отсюда вытекала конфронтация с Европейским союзом, в которой Польша стала своего рода американским «троянским конем». Отчетливее всего это проявилось в рамках Североатлантического альянса и реализации соглашения о 2 %. В вопросах безопасности Польша традиционно опиралась на трансатлантическое партнерство и НАТО.

Аналогичное место в американской внешней политике Польша занимала по газовому вопросу. В отличие от «старой» Европы, Варшава была готова принимать газ из США, поскольку рассматривала вопрос диверсификации рынка энергоресурсов сквозь призму национальной безопасности.

К окончанию президентского срока внешнеполитическая риторика Д. Трампа не стала менее категоричной, даже столкнувшись с институциональными реалиями. Во многом такой подход разделялся польской политической элитой, в частности свой первый визит в Польшу президент Дж. Байден сделал на фоне протрамповских высказываний о сфальсифицированных выборах в США на официальных польских телеканалах.

Таким образом, Соединенные Штаты во время президентства Д. Трампа реализовывали политику под лозунгом «Америка прежде всего». Именно в рамках этой политики определялось место остальных акторов, в том числе Польши. Особенно тесные американско-польские взаимоотношения в рассматриваемый период объясняются ситуационным совпадением целей и идеалов Вашингтона и Варшавы.

Список использованных источников

1. Приходько, О. В. Конфликтующие интересы европейской политики Д. Трампа и коллизии во взаимоотношениях союзников / О. В. Приходько // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2020. — Т. 50, № 1. — С. 32–54. (<https://doi.org/10.31857/S268667300008055-0>)
2. Финансирование НАТО [Электронный ресурс] // НАТО. — 19.12.2022. — Режим доступа: <https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_67655.htm>. — Дата доступа: 20.12.2022.
3. American Natural Gas is Fueling the World's Future [Electronic resource] // The White House. — 25.06.2018. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/american-natural-gas-fueling-worlds-future/>>. — Date of access: 17.04.2022.
4. America's New Energy Diplomacy [Electronic resource] // Wall Street Journal. — 27.11.2017. — Mode of access: <<https://www.wsj.com/articles/americas-new-energy-diplomacy-1511827872>>. — Date of access: 17.04.2022.
5. Banasik, M. Fort Trump as a Chance for Security in Europe / M. Banasik // Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego. — 2019. — Vol. 13, N 1. — P. 38–50. (<https://doi.org/10.34862/rbm.2019.1.4>)
6. Buras, P. Divided at the centre: Germany, Poland, and the troubles of the Trump era [Electronic resource] / P. Buras, J. Janning // European Council on Foreign Relations. — 19.12.2018. — Mode of access: <https://ecfr.eu/publication/divided_at_the_centre_germany_poland_and_the_troubles_of_the_trump_era/>. — Date of access: 17.04.2022.
7. Cadier, D. Populist politics of representation and foreign policy: evidence from Poland / D. Cadier // Comparative European Politics. — 2021. — Vol. 19, N 6. — P. 703–721. (<https://doi.org/10.1057/s41295-021-00257-2>)
8. Cohn, G. D. The Trump Vision for America Abroad [Electronic resource] / G. D. Cohn, H. R. McMaster // The New York Times. — 19.12.2018. — Mode of access: <https://www.nytimes.com/2017/07/13/opinion/the-trump-vision-for-america-abroad.html?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=opinion-c-col-right-region®ion=opinion-c-col-right-region&WT.nav=opinion-c-col-right-region&_r=1>. — Date of access: 17.04.2022.

9. Energy & Environment [Electronic resource] // The White House. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/issues/energy-environment/>>. — Date of access: 17.04.2022.
10. Fox, K. Rallies, riots and raves / K. Fox [Electronic resource] // CNN. — 18.08.2017. — Mode of access: <<https://edition.cnn.com/2017/07/08/europe/g20-protests/index.html>>. — Date of access: 17.04.2022.
11. Joint Statement by President Donald J. Trump and President Andrzej Duda [Electronic resource] // The White House. — 24.06.2020. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-president-andrzej-duda>>. — Date of access: 17.04.2022.
12. Jureńczyk, L. Polish-American alliance during the presidency of Donald Trump in the perspective of offensive bandwagoning / L. Jureńczyk // *Torun International Studies*. — 2022. — Vol. 1, N 15. — P. 63–76. (<https://doi.org/10.12775/TIS.2022.004>)
13. Lanoszka, A. Poland in a time of geopolitical flux / A. Lanoszka // *Contemporary Politics*. — 2020. — Vol. 26, N 4. — P. 458–474. (<https://doi.org/10.1080/13569775.2020.1777042>)
14. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Electronic resource] // The White House. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>>. — Date of access: 12.03.2022.
15. No confidence in Donald Trump [Electronic resource] // Pew Research Center. — 27.06.2016. — Mode of access: <https://www.pewresearch.org/global/2016/06/29/2-obamas-international-image-remains-strong-in-europe-and-asia/ga_2016-06-29_balanceofpower-1-09/>. — Date of access: 17.04.2022.
16. Pankowska, M. Bezpieczeństwo Polski ważniejsze niż Unia. Czaputowicz fantazjuje jak Beck w 1939 roku [Electronic resource] // M. Pankowska // OKO Press. — Mode of access: <<https://oko.press/bezpieczenstwo-polski-jest-wazniejsze-niz-unia-europejska-minister-czaputowicz-w-swiecie-politycznej-fantazji/>>. — Date of access: 17.04.2022.
17. Perry, R. American natural gas is fueling the world's future [Electronic resource] // R. Perry // *Washington Examiner*. — 25.06.2018. — Mode of access: <<https://www.washingtonexaminer.com/opinion/op-eds/american-natural-gas-is-fueling-the-worlds-future/>>. — Date of access: 17.04.2022.
18. President Donald J. Trump Announces Intent to Nominate Personnel to Key Administration Posts [Electronic resource] // The White House. — 13.02.2018. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/president-donald-j-trump-announces-intent-nominate-personnel-key-administration-posts-36/>>. — Date of access: 17.04.2022.
19. President Donald J. Trump Hosts NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the White House [Electronic resource] // The White House. — 17.05.2018. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-hosts-nato-secretary-general-jens-stoltenberg-white-house/>>. — Date of access: 17.04.2022.
20. President Trump Reaffirms America's Commitment to its Allies on His Second Trip Abroad [Electronic resource] // The White House. — 06.07.2017. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-reaffirms-america-s-commitment-allies-second-trip-abroad/>>. — Date of access: 17.04.2022.
21. Press Gaggle by Principal Deputy Press Secretary Sarah Sanders [Electronic resource] // The White House. — 08.06.2017. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/press-gaggle-principal-deputy-press-secretary-sarah-sanders-060817/>>. — Date of access: 17.04.2022.
22. Remarks by President Trump and NATO Secretary General Stoltenberg Before Expanded Bilateral Meeting [Electronic resource] // The White House. — 17.05.2018. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-nato-secretary-general-stoltenberg-expanded-bilateral-meeting/>>. — Date of access: 17.04.2022.
23. Remarks by President Trump in a Working Lunch with 2 Percenters [Electronic resource] // The White House. — 04.12.2019. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-working-lunch-2-percenters/>>. — Date of access: 17.04.2022.
24. Remarks by President Trump to the People of Poland [Electronic resource] // The White House. — 06.07.2017. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-people-poland/>>. — Date of access: 14.04.2022.
25. Remarks by the Vice President and European Council President Tusk [Electronic resource] // The White House. — 20.02.2017. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-european-council-president-tusk/>>. — Date of access: 17.04.2022.
26. Remarks by the Vice President at the Munich Security Conference [Electronic resource] // The White House. — 18.02.2017. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-munich-security-conference/>>. — Date of access: 17.04.2022.
27. Rule of Law: European Commission acts to defend judicial independence in Poland [Electronic resource] // European Commission. — 18.02.2017. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_5367/>. — Date of access: 17.04.2022.
28. Rzewińska, N. Georgette Mosbacher. Człowiek Roku «Wprost» [Electronic resource] // N. Rzewińska // *Wprost*. — 15.03.2020. — Mode of access: <<https://www.wprost.pl/tygodnik/10306658/georgette-mosbacher-czlowiek-roku-wprost.html>>. — Date of access: 17.04.2022.
29. Statement by the Press Secretary on President Donald J. Trump's Upcoming Foreign Travel [Electronic resource] // The White House. — 09.06.2017. — Mode of access: <<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-press-secretary-president-donald-j-trumps-upcoming-foreign-travel/>>. — Date of access: 17.04.2022.
30. Stecker, T. House Passes Energy Legislation as Counter to Russian Influence [Electronic resource] // *Bloomberg Law*. — 18.08.2017. — Mode of access: <<https://news.bloomberglaw.com/environment-and-energy/house-passes-energy-legislation-as-counter-to-russian-influence/>>. — Date of access: 17.04.2022.
31. Stevanović, O. The Trump Administration's Approach to Energy Security in Poland and the Baltic States / O. Stevanović // *Polityka nacionalne bezbednosti*. — 2020. — Vol. 18, N 1. — С. 33–67. (<https://doi.org/10.22182/pnb.1812020.2>)
32. The European Deterrence Initiative: a Budgetary Overview: 1 July 2021 [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — Mode of access: <<https://sgp.fas.org/crs/natsec/IF10946.pdf>>. — Date of access: 17.04.2022.
33. Trump looks to lift LNG exports in US trade shift [Electronic resource] // *Financial Times*. — 22.06.2017. — Mode of access: <<https://www.ft.com/content/c5c1958c-5761-11e7-80b6-9bfa4c1f83d2?mhq5j=e3>>. — Date of access: 17.04.2022.
34. US energy department rebrands gas exports 'molecules of freedom' [Electronic resource] // *BBC*. — 30.05.2019. — Mode of access: <<https://www.bbc.com/news/world-us-canada-48454674>>. — Date of access: 17.04.2022.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2022 г., доработана в феврале 2023 г.

ПРАЦЭС АПТАЦЫІ ПОЛЬСКАГА ГРАМАДЗЯНСТВА НА ТЭРЫТОРЫІ БССР У 1921—1923 ГГ.

Вольга Бароўская

Разгледжана праблема аптацыі польскага грамадзянства на тэрыторыі Беларусі ў 1921—1923 гг. Пытанне аптацыі паўстала яшчэ падчас працы Рызскай мірнай канферэнцыі. Распрацоўка палажэнняў і правілаў аптацыі адбывалася ў рамках юрыдычна-прававой камісіі ў студзені—лютым 1921 г. Ацціраваць польскае грамадзянства можна было па факту нараджэння і рэгістрацыі на тэрыторыі Царства Польскага. Працэс аптацыі польскага грамадзянства на тэрыторыі Беларусі суправаджаўся праблемамі з пошукамі неабходных дакументальных доказаў сваёй прыналежнасці да польскай нацыянальнасці. За часы ваенных ліхалеццяў значная частка крыніц была пашкоджана, або зусім знікла.

Ключавыя словы: аптацыя; грамадзянства; Змешаная камісія па рэпатрыяцыі; пашпарт; Рызскі мір.

«The Process of Opting for Polish Citizenship on the Territory of the BSSR in 1921—1923» (Volga Borovskaya)

The problem of the option of Polish citizenship in 1921—1923 on the territory of Belarus is considered. The question of option arose during the Riga Peace Conference. The development of the provisions and rules of option took place within the framework of the legal commission in January—February 1921. It was possible to opt for Polish citizenship by the fact of birth and registration in the territory of the Kingdom of Poland. The process of opting for Polish citizenship on the territory of Belarus was accompanied by problems in finding the necessary documentary evidence of their belonging to the Polish nationality. During the years of war hard times, a significant part of the sources was damaged or completely disappeared.

Keywords: citizenship; Mixed Repatriation Commission; option; passport; Riga Treaty.

Гістарыяграфія савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду пачалася яшчэ ў 1920-я гг., калі з'явіліся першыя працы па гэтай праблеме [4; 8]. У 1960-я гг. былі ўведзены ў навуковы ўжытак новыя крыніцы па гісторыі польска-савецкай вайны 1919—1920 гг. П. Н. Альшанскі, паважаючы ацэнкі 1950-х гг., прывёў раней неведомыя матэрыялы аб ваенных дзеяннях і палітычным баку савецка-польскіх адносін 1918—1921 гг., а таксама аб пазіцыі краін Антанты, якія ўлічвалі пры вырашэнні пытання ўсходняй польскай мяжы этнаграфічныя і эканоміка-геаграфічныя фактары [6]. Менавіта гэтым аўтарам была ўпершыню даследавана праблема аптацыі польскага грамадзянства.

Польскія гісторыкі, якія працавалі ў часы існавання Польскай Народнай Рэспублікі, у сваіх ацэнках развіцця савецка-польскіх адносін паўтаралі высновы савецкай гістарыяграфіі. Такія даследчыкі, як В. Гастынская [10], Е. Куманецкі [11], В. Матэрскі [12], пісалі аб

характары савецка-польскіх адносін пасля стварэння Польскай дзяржавы, аб выніках польска-савецкай вайны 1919—1920 гг., тэрытарыяльных праблемах, якія ўзніклі і па віне польскага боку. Польскія гісторыкі неаднаразова звярталі ўвагу на негатыўныя моманты аптацыі: адсутнасць дакументальных доказаў і прымусовасць савецкіх уладаў [11; 12].

З сучасных даследаванняў варта ўзгадаць працы А. М. Бабкова [1], Е. А. Кірылавай [3], Л. К. Астроўскага [7]. Аднак гістарыяграфічны агляд паказвае недастатковую вывучанасць пытання, неабходнасць увядзення ў навуковы зварот новых архіўных матэрыялаў, раней недаступных даследчыкам. Мэта артыкула — выявіць асаблівасці працэсу аптацыі польскага грамадзянства на тэрыторыі БССР у 1921—1923 гг.

Даследаванне ажыццяўлялася пры выкарыстанні спецыяльных гістарычных метадаў, прыняццяў гістарызму і аб'ектыўнасці. Упершыню ўводзяцца ў навуковы ўжытак нарма-

Аўтар:

Бароўская Вольга Мікалаеўна — кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ўсеагульнай гісторыі, міжнародных адносін і геапалітыкі Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, e-mail: borovskaya-olga@mail.ru

Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Адрас: 1, вул. Акадэмічная, 1, Мінск, 220072, БЕЛАРУСЬ

Author:

Borovskaya Volga — Candidate of History, Senior Researches of the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, e-mail: borovskaya-olga@mail.ru

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Address: 1, Akademicheskaya str., Minsk, 220072, BELARUS

тыўныя прававыя дакументы Народнага камісарыята ўнутраных спраў БССР (ССРБ), якія ўстанаўлівалі правілы і механізмы ажыццяўлення аптацыі польскага грамадзянства. Рэканструкцыя працэсу адбываецца пры выкарыстанні архіўных і апублікаваных крыніц.

Праблема аптацыі польскага грамадзянства паўстала яшчэ падчас працы Рыжскай мірнай канферэнцыі ў верасні 1920 г. — сакавіку 1921 г. Распрацоўка палажэнняў і правілаў аптацыі адбывалася ў рамках юрыдычна-прававой камісіі ў студзені—лютым 1921 г. Было праведзена абмеркаванне праблемы прадстаўлення права аптацыі насельніцтву, якое апынулася на тэрыторыі БССР (ССРБ), УССР і РСФСР і лічыла сябе палякамі па нацыянальнасці. Праблемным момантам стаў працэс вызначэння той катэгорыі асоб, якой будзе дазволена выкарыстаць азначанае права. За кропку адліку быў прыняты 1914 г.: мясцовае насельніцтва, якое пастаянна пражывала на тэрыторыі былога Царства Польскага, мела права выбраць для пастаяннага месцажыхарства тэрыторыю Польшчы. Польская частка камісіі настойвала на распаўсюджванні права аптацыі на насельніцтва з так званым «польскім паходжаннем», якое ў першым пакаленні па бацькавай або мацярынскай лініі лічыла сябе палякамі [9, Zespol 1741. Akta R. Knolla, Sygn. 2, s. 79—82].

13 студзеня 1921 г. на пасяджэнні юрыдычна-прававой камісіі Р. Кноль узяў праблему вызначэння ўкраінскага, беларускага, расійскага грамадзянства і пытанне тэрытарыяльнага размежавання паміж украінскімі, беларускімі і расійскімі землямі. Польскі прадстаўнік разглядаў дэфініцыю грамадзянства як устойлівую палітыка-прававую сувязь чалавека і дзяржавы, якая выражаецца ў іх узаемных правах і абавязках і з’яўляецца тэрытарыяльнай характарыстыкай. Узнятыя пытанні былі расцэнены расійска-ўкраінскай дэлегацыяй як спроба замарудзіць ход працы камісіі. Савецкія прадстаўнікі (І. І. Лоранц, Я. С. Ганецкі) не маглі даць дакладных адказаў на пытанні, адводзілі ўсе польскія прэтэнзіі «рашэннямі беларускага з’езду Саветаў» (II Усебеларускі з’езд Саветаў рабочых, сялянскіх, батрацкіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў 13—17 снежня 1920 г.), які афіцыйна пацвердзіў перадачу беларускіх паўнамоцтваў на вядзенне перагавораў з Польскай дзяржавай РСФСР і дакладна вызначыў дзяржаўную тэрыторыю БССР (ССРБ). Пытанне тэрытарыяльнага размежавання паміж расійскай, украінскай і беларускай тэрыторыямі было перададзена для больш грунтоўнага вывучэння да тэрытарыяльнай камісіі мірнай канферэнцыі [9, Zespol 322. Ministerstwo spraw zagranicznych. Sygn. 6738a, s. 146—152]. Складанасці, якія з’явіліся падчас пасяджэнняў юрыдычна-прававой камісіі, вынікалі з апеляцый членаў польскай дэлегацыі да артыкула I Прэлімінарнага

мірнага дагавора, які прызнаваў незалежнасць Беларусі і ўводзіў яе ў склад юрыдычна-прававых суб’ектаў. У сваю чаргу расійска-ўкраінскі бок не збіраўся ісці далей простага афіцыйнага і юрыдычнага прызнання незалежнасці, якое было хутчэй геаграфічным, чым дзяржаўна-палітычным.

Канчаткова справа аптацыі была вырашана на пасяджэнні 16 лютага 1921 г., пры непасрэдным удзеле старшыні расійска-ўкраінскай дэлегацыі А. А. Іофе. У выніку права аптацыі распаўсюджвалася на асоб, якія пастаянна пражывалі на тэрыторыі былога Царства Польскага і былі запісаны ў тыповыя рэгістрацыйныя кнігі [9, Zespol 322. Ministerstwo spraw zagranicznych. Sygn. 6738a, s. 160—163].

Атаясамленне катэгорыі «беларускі» і «расійскі» прыводзіла да знікнення дэфініцыі «беларускае грамадзянства» (арт. VI Рыжскага мірнага дагавора), фактычна забараняла асобам польскай нацыянальнасці, якія пражывалі на тэрыторыі Беларусі, карыстацца правам аптацыі. Польскі праект вызначэння катэгорыі асоб, якія мелі магчымасць аптавацца («асобы польскага паходжання, якія мелі аднаго з продкаў па мацярынскай або бацькаўскай лініі, што пастаянна пражывалі на тэрыторыі былога Царства Польскага»), быў пазбаўлены канкрэтызацыі і дазваляў уключыць у гэты спіс асоб, якія пражывалі на беларускіх землях [2, с. 624].

Рыжскі мірны дагавор ад 18 сакавіка 1921 г. паміж РСФСР і УССР, з аднаго боку, і Польшчай — з другога, урэгуляваў пытанне аб аптантах паміж гэтымі краінамі. Апціраваць польскае грамадзянства можна было па факту нараджэння і рэгістрацыі на тэрыторыі Царства Польскага (асобы, «якія прыпісаны ці маюць права быць прыпісанымі да кнігі сталага народанасельніцтва былога Царства Польскага, а таксама тыя, якія прыпісаны да адной з гарадскіх, сельскіх ці саслоўных грамад на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, якая адыходзіла ў склад Польшчы»), а таксама нашчадкам, не далей трэцяга пакалення, тых, хто пастаянна пражываў на яго тэрыторыі. Пры гэтым неабходна было даказаць, «што яны самі сваёй дзейнасцю, выкарыстаннем польскай мовы як размоўнай, выхаваннем сваіх нашчадкаў ясна засведчылі сваю прыхільнасць да польскай нацыі». Так у дагаворы з Польшчай падкрэслівалася важнасць пры аптацыі менавіта нацыянальнай прыкметы [2, с. 625].

Дагавор замацаваў права жонкі і дзяцей накіроўвацца за аптантам. Асобна агаворвалася права аптантаў бесперашкодна выехаць у краіны, у якія яны апціравалі. Акрамя таго, урадам Польшчы, РСФСР і УССР давалася права патрабаваць выезда аптантаў, якія павінны былі ў такім выпадку выехаць на працягу шасці месяцаў пасля таго, як ім пра гэта паведамілі [2, с. 626].

Парадак выканання дагавора ўсталёўваўся пастановамі і інструкцыямі народных камісарыятаў замежных спраў (НКЗС) і ўнутраных спраў (НКУС) БССР (ССРБ), якія вызначалі, што заявы аб аптацыі падаюцца адначасова ў Аддзел упраўлення гарадскіх Саветаў і ў прадстаўніцтва краіны аптацыі на тэрыторыі рэспублікі. Да заявы аб аптацыі неабходна было прыкласці дакументы, якія даказвалі права на аптацыю (від на жыхарства, пашпарт ці метрыка), а таксама звесткі пра сябе і членаў сям'і (узрост, род заняткаў, месца службы і жыхарства) [5, ф. 7, воп. 1, спр. 2, арк. 9]. Аддзел упраўлення павінен быў накіраваць матэрыялы ў НКУС. А той, узгадніўшы пытанне з НКЗС і атрымаўшы згоду з прадстаўніцтва краіны аптацыі аб прыняцці ўказанай асобы ў сваё грамадзянства, дасылаў у аддзел упраўлення аптацыйнае пасведчанне, па якому аптант прызнаваўся грамадзянінам іншай краіны [5, ф. 34, воп. 1, спр. 25, арк. 17].

Асобы, якія выбралі грамадзянства іншай краіны і атрымалі аптацыйныя пасведчанні (від на жыхарства для замежных грамадзян), павінны былі выехаць у сваю краіну на працягу года. Дэкрэт СНК РСФСР ад 29 жніўня 1921 г. «Аб парадку высылкі іншаземцаў з РСФСР» ўстанавіў, што «асобы, якія ў сілу міжнародных дагавораў апціравалі іназемнае грамадзянства і абавязаныя ў пэўны тэрмін выехаць па-за межы рэспублікі», маглі «застацца на працягу тэрміну не іначай, як пры асаблівым дазvole НКУС» [5, ф. 6, воп. 1, спр. 1, арк. 67]. Асобы, якія не выехалі, не падалі хадайніцтва аб такім дазvole і не распачалі справу аб прыняцці іх у савецкае грамадзянства, падлягалі высылцы. Дэкрэтам аптанты былі прыроўнены да іншаземцаў, «спосаб жыцця, дзейнасць і паводзіны» якіх маглі быць «прызнаны несумеснымі з прынцыпамі і ўкладам жыцця рабоча-сялянскай дзяржавы» і якіх на гэтай аснове можна было выслаць па-за межы БССР (ССРБ). Асноўная хваля выезда аптантаў прыходзіцца на 1921—1922 гг. Ад'язджалі не толькі палякі, але і беларусы, рускія, яўрэі і немцы. Аднак не ўсе аптаваныя выехалі: многія заставаліся і зноў прымалі савецкае грамадзянства, асабліва калі ад ужо ад'ехаўшых сталі паступаць паведамленні аб нялёгкім жыцці на «новай старай» радзіме. Да 1923 г. у настройах аптантаў адбыўся пералом: ад'язджаць ужо не жадалі, многія пачалі вяртацца [5, ф. 7, воп. 1, спр. 62, арк. 34].

Палітыку савецкай улады ў адносінах да аптантаў раскрываюць цыркуляры і распараджэнні, якія выдаваліся адміністрацыйным аддзелам (аддзелам упраўлення) Мінскага губвыканкама. Аддзел упраўлення знаходзіўся ў падпарадкаванні НКУС БССР (ССРБ), з'яўляўся выканаўчым апаратам Прэзідыума выканкама па правядзенні ў жыццё адміністрацыйных мерапрыемстваў органаў улады. У абавязкі аддзела ўпраўлення таксама ўваходзілі улік

насельніцтва, рэгістрацыя замежных грамадзян, ізаляцыя «варожых элементаў», арганізацыя прымусовых прац для асоб. У яго склад былі ўключаны аддзелы ЗАГС і замежнае аддзяленне, у якім былі зарэгістраваныя аптанты, якія атрымалі замежнае грамадзянства [5, ф. 34, воп. 1, спр. 35, арк. 78].

У канцы 1922 г. палітыка савецкай улады ў адносінах да аптантаў стала больш жорсткай. Аптантаў часта сталі падазраваць у варожых дзеяннях на карысць польскай дзяржавы. Быў узяты курс на абавязковы і хуткі выезд іх па-за межы БССР (ССРБ). Раней аптанты накіроўваліся на радзіму разам з бежанцамі, якім па міжнародных дагаворах адводзілі эшалоны для выезду пасля папярэдняга запісу [5, ф. 39, воп. 1, спр. 345, арк. 16].

Цяпер для паскарэння адпраўкі аптантаў улады распачалі іх прымусовае высяленне. 4 кастрычніка 1922 г. на аснове Дэкрэта СНК ад 29 жніўня 1921 г. была прынята абавязковая пастанова «Аб высяленні аптантаў па-за межы ССРБ» [5, ф. 6, воп. 1, спр. 1, арк. 78]. Было вырашана абавязаць грамадзян, якія аптавалі польскае грамадзянства, выехаць па-за межы рэспублікі ў месячны тэрмін, г. зн. да 15 лістапада 1922 г. Таксама прызнавалася неабходным абавязваць аптантаў, якія не атрымалі аптацыйных пасведчанняў, з'явіцца за іх атрыманнем да 10 лістапада ў аддзел упраўлення. Тэрмін знаходжання 1,5 гады для палякаў адлічваўся для аптантаў, якія не атрымалі своечасова аптацыйных пасведчанняў, з моманту задавальнення хадайніцтва аддзелам упраўлення [5, ф. 34, воп. 1, спр. 134, арк. 14].

Прэзідыум губвыканкама 4 мая 1923 г. выдаў распараджэнне аб недапушчальнасці пакідання на працы ў дзяржаўных установах аптантаў. Аднак многія ўпраўленні знаходзілі розныя шляхі, каб адцягнуць звальненне. Было ўсталявана, што большасць хадайніцтваў аб адтэрміноўках складаюцца ў дзяржаўных установах у асабістых інтарэсах аптантаў [5, ф. 6, воп. 1, спр. 1, арк. 54].

Па распараджэнні НКЗС РСФСР консульскі аддзел пры пасольстве Польшчы першачаткова мог толькі прымаць заявы аб аптацыі, але не меў права ажыццяўляць аптацыю ці разглядаць аптацыйныя справы на месцы. Самастойная аптацыя была дазволена тэлеграмай намесніка НКУС. Пытанне аб дэцэнтралізацыі аптацыі канчаткова было вырашана да 16 лютага 1922 г. [5, ф. 34, воп. 1, спр. 30, арк. 13]. Аддзелы ўпраўлення гарадскіх і павятовых выканкамаў і валасныя выканкамы павінны былі «безагаворачна» прымаць заявы і дакументы асоб, якія аптуюцца ў польскае грамадзянства, не ўваходзячы ў абмеркаванне пытання аб дастатковасці асноў для аптацыі. Прынятыя заявы ў трохдзённы тэрмін накіроўваліся ў аддзел упраўлення.

Права на выбар польскага грамадзянства мелі былыя грамадзяне Расійскай імперыі, якія дасягнулі 18 гадоў, былі запісаны ў кнігі сталага народанасельніцтва Царства Польскага ці запісаны ў мясцовай гміне ці вёсцы, якія ў той час уваходзілі ў склад Польшчы (на 30 красавіка 1921 г.); асобы, якія дасягнулі 18 год, знаходзяцца на тэрыторыі Расіі ці Украіны, могуць даказаць сваё паходжанне ад удзельнікаў барацьбы за незалежнасць Польшчы ў 1830—1865 гг. ці з'яўляюцца нашчадкамі асоб, якія не далей як у трэцім пакаленні пражывалі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай у дзевяці прывіслінскіх (Варшаўская, Калішская, Келецкая, Ломжынская, Люблінская, Петракоўская, Плоцкая, Радамская, Сувалкская), Кіеўскай, Валынскай, Падольскай, Курляндскай, Віленскай, Гродзенскай, Ковенскай, Віцебскай губернях [5, ф. 40, воп. 1, спр. 217, арк. 19].

Неабходна было даказаць, што чалавек, які прэтэндуе на грамадзянства Польшчы, быў членам польскага грамадства, навучаўся ў польскай навуковай установе, сваёй дзейнасцю, ужываннем польскай мовы як размоўнай і выхаваннем сваіх нашчадкаў мог «засведчыць сваю прыхільнасць да польскай нацыі». У доказ сваёй прыналежнасці да польскай нацыі неабходна было прадставіць аптацыйнаму адзелу, акрамя дакументаў, якія вызначаюць паходжанне, таксама падпіску трох сведкаў-палякаў аб тым, што заяўнік сапраўды адпавядае ўсім патрабаванням. Ад прадстаўлення такой падпіскі вызваліліся асобы, якія маглі даказаць сваю дзейнасць у польскіх грамадскіх арганізацыях. У такіх паручальніцтвах падкрэслівалася благанадзейнасць кандыдата, яна часта пацвярджалася непартыйнасцю чалавека, у ёй указвалася на выкананне кандыдатам «польскіх звычаяў». Часта пасведчанні аб прыналежнасці чалавека да польскай нацыянальнасці выдаваў настаяцель касцёлу [5, ф. 34, воп. 1, спр. 56, арк. 68].

У інструкцыі аб парадку ажыццяўлення аптацыі грамадзянства Польшчы адзначалася, што «бясспрэчнымі дакументамі», якія даюць права на аптацыю, лічуцца дакументы, выданыя да рэвалюцыі 1917 г. Наадварот, «недастатковымі для доказу права аптацыі» лічыліся дакументы, выданыя пасля рэвалюцыі. Гэтыя абставіны тлумачыліся тым, што да рэвалюцыі «не было магчымасці думаць аб узнікненні на той ці іншай тэрыторыі Расійскай імперыі асобнай дзяржавы» [5, ф. 34, воп. 1, спр. 56, арк. 3]. «Прыхільнасць да польскай нацыі» патрабавалася даказаць дакументальна. Сярод дакументаў, якія даказвалі пражыванне на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай, маглі быць саслоўныя граматы, пашпарты, пасведчанні аб вайскавай павіннасці, пасведчанні навучальных устаноў, гандлёвыя дакументы [5, ф. 34, воп. 1, спр. 56, арк. 5].

Асобы, якія жадалі апціраваць польскае грамадзянства, падавалі заяву з дадаткам дакументаў аб выбары польскага грамадзянства консулу Польшчы на працягу года, пачынаючы з 30 красавіка 1921 г. Для асоб, якія жылі на Каўказе і ў Азіяцкай частцы Расіі, гэты тэрмін быў падоўжаны да 15 месяцаў. Такую ж заяву падавалі адначасова ў аддзел упраўлення па месцы жыхарства [5, ф. 34, воп. 1, спр. 96, арк. 123].

Дакументамі, якія даказвалі права на аптацыю, з'яўляліся пашпарт, метрычная выписка аб нараджэнні, а ў выпадку іх адсутнасці — пасведчанне аб праходжанні вайскавай павіннасці, адукацыі, фармулярны спіс. Да заявы аптанты павінны былі прыкласці анкету ў двух экзэмплярах, складзеную па вызначанай форме, дзве фотакарткі заяўніка, членаў сям'і, у тым ліку дзяцей узростам старэйшых за 14 год.

Матэрыялы жадаючых апціраваць польскае грамадзянства прымалі мясцовыя органы ўлады, затым яны паступалі ў аптацыйны аддзел польскага прадстаўніцтва, якое выдавала адпаведныя пасведчанні. Аднак пасведчанні польскага прадстаўніцтва аб прызнанні таго або іншага чалавека грамадзянінам Польшчы не азначалі канца аптацыі да прад'яўлення НКУС [5, ф. 34, воп. 1, спр. 56, арк. 23].

У адзеле ўправлення выканкама справа аптанта разглядалася загадчыкам аддзела, які прымаў канчатковае рашэнне аб дастатковасці ці недастатковасці дакументаў для прызнання за заяўнікам правоў да аптацыі польскага грамадзянства. Затым заява з дакументамі ў трохдзённы тэрмін паступала ў аддзел агульных спраў НКУС, які ў месячны тэрмін са дня паступлення паведамлення польскага прадстаўніцтва аб прыняцці той або іншай асобы ў польскае грамадзянства абавязаны быў разгледзець заяву аб аптацыі і паведаміць НКЗС аб прынятым рашэнні [5, ф. 34, воп. 1, спр. 81, арк. 12].

Затым дакументы паступалі ў аддзел упраўлення выканкама, які прымаў канчатковае рашэнне па пытанні аб выездзе ў Польшчу той або іншай асобы, прынятай у польскае грамадзянства. Калі савецкі бок быў згодны, то прадстаўнік польскай дэлегацыі выдаваў аптанту пасведчанне аддзела ўпраўлення выканкама аб атрыманні польскага грамадзянства, якое давала права на атрыманне польскага пашпарта. У выпадку станоўчага рашэння грамадзянін быў абавязаны ў шасцімесячны тэрмін са дня выдачы аптацыйнага пасведчання пакінуць межы БССР (ССРБ). У выпадку адмоўнага рашэння дакументы аптанта вярталіся ў НКЗС з заключэннем аб прычынах адмовы [5, ф. 34, воп. 1, спр. 56, арк. 25].

Многія з аптантаў звярталіся за дапамогай да польскай дэлегацыі ў Змешанай камісіі па рэпатрыяцыі, так як на працягу двух тыдняў, якія ім давалі на зборы мясцовыя ўлады, аптанты не маглі ліквідаваць сваю маёмасць і не мелі сродкаў на выезд. У сваім звароце да аптантаў 16 лютага 1922 г. старшыня поль-

скай камісіі папярэджваў, каб яны заўчасна не ліквідавалі маёмасць, бо Савецкая дзяржава мае цяжкія ў транспарце і падрыхтоўка ад'езду ў Польшчу займе пэўны час [5, ф. 34, воп. 1, спр. 27, арк. 11]. Да канца 1921 г. была рэпатрыявана на радзіму асноўная маса польскіх бежанцаў. У далейшым разам з бежанцамі вялася рэпатрыяцыя аптантаў, якая працягвалася да восені 1923 г.

3 сакавіка 1923 г. прадстаўнік Польшчы па справах аптацыі звярнуўся да старшыні выканкама з лістом [5, ф. 34, воп. 1, спр. 27, арк. 44—47]. У шэрагу пісьмовых і вусных заяў, якія паступалі ў польскае прадстаўніцтва, указвалася, што мясцовыя ўлады на аснове рашэння НКУС РСФСР ад 23 снежня 1922 г. з польскіх рэпатрыянтаў і аптантаў бралі падпіску. Польскія грамадзяне гэтым дакументам бралі на сябе адказнасць выехаць за межы БССР (ССРБ) на працягу двух тыдняў. У некаторых выпадках палякам пагражалі прымуовай высылкай з канфіскацыяй маёмасці [5, ф. 34, воп. 1, спр. 184, арк. 84].

Старшыня выканкама ў сваім лісце ад 13 сакавіка 1923 г. на імя ўпаўнаважанага Польскай рэспублікі па справах аптацыі і рэпатрыяцыі паведамляў, што распараджэннямі ўлады не прадугледжваліся высяленне рэпатрыянтаў, а таксама канфіскацыя маёмасці аптантаў, якія не выедуць у 6-месячны тэрмін са дня выдачы аптацыйнага пасведчання. Адносна аптантаў, якія за гэты час не змаглі выехаць, указвалася, што яны могуць падаць заявы аб пераходзе ў падданства БССР (ССРБ) або павінны на працягу двух тыдняў са дня сканчэння 6-месячнага тэрміну выехаць за межы рэспублікі. 25 мая 1923 г. прадстаўнік Польшчы па справах аптацыі ў лісце, накіраваным у выканкам, указваў на неабходнасць усталявання дакладнага тэрміну, на працягу якога выканкамы павінны былі выдаваць візы аптантам, якія падалі заявы аб выездзе. Польскі бок звяртаў увагу на тое, што трохдзённы тэрмін для атрымання візы быў бы пажаданым для аптантаў, якія ліквідавалі маёмасць і былі зацікаўлены ў хуткім ад'ездзе [5, ф. 15, воп. 1, спр. 124, арк. 56].

У ходзе працэсу аптацыі польскага грамадзянства сур'ёзныя перашкоды ўзніклі ў малых людзей прызыўнага ўзросту. На аснове загада Рэвалюцыйнага ваеннага савета Рэспублікі і НКУС ад 13 лістапада 1921 г. выхадцы з мясцінаў, якія адыходзілі па Рыжскім мірным дагавору да Польшчы, жадаючыя выехаць на радзіму, павінны быць звольнены з ваеннай службы ў парадку аптацыі па прадстаўленні неабходных дакументаў (арт. IV Дамовы аб рэпатрыяцыі) На практыцы гэтае права рэпатрыянтаў часта парушалася. У Дамове аб рэпатрыяцыі, якая была падпісана 24 лютага 1921 г. паміж Расіяй і Украінай, з аднаго боку, і Польшчай — з другога, указвалася аб спыненні судовага, адміністрацыйнага, дысцыплінарнага пераследу грамадзянскіх па-

лонных, інтэрнаваных, закладнікаў, бежанцаў, эмігрантаў і ваеннапалонных. Рэпатрыяцыя з'яўлялася добраахвотнай. Для выканання дамовы былі створаны дзве змешаныя камісіі: у Маскве і ў Варшаве. Кожная змешаная камісія складалася з двух дэлегацый: старшыні, двух намеснікаў і трох членаў дэлегацый. У кампетэнцыю камісіі ўваходзілі выяўленне асоб, якія падлягалі рэпатрыяцыі, назіранне за іх рэгістрацыяй, аказанне матэрыяльнай дапамогі. Змешаныя камісіі павінны былі прад'явіць у адпаведныя цэнтральныя ўстановы спісы асоб, якія падлягалі рэпатрыяцыі. Дамова прадугледжвала, што ў ліку першых павінны былі вяртацца на радзіму грамадзянскія палонныя, інтэрнаваныя і закладнікі [2, с. 626].

У ліпені 1921 г. Беларускае ўпраўленне па эвакуацыі, яго павятовыя і раённыя органы адкрылі рэгістрацыю бежанцаў і аптантаў з заходніх губерняў, якія адыходзілі да Польшчы. Рэгістрацыя была адкрыта: 1) для бежанцаў, якія жадалі эвакуіравацца на радзіму; 2) грамадзян, якія паходзілі з Варшаўскай, Калішскай, Келецкай, Люблінскай, Ломжынскай, Плоцкай, Петракоўскай, Радамскай, Сядлецкай, Холмскай, Сувалцкай (Сувалцкі і Аўгустоўскі паветы), Гродзенскай (акрамя г. Гродна і Гродзенскага павета), Мінскай (Пінскі і Навагрудскі паветы), Валынскай (Уладзіміра-Валынскі, Ковельскі, Дубенскі, Роўненскі, Крамянецкі, Луцкі і Астрожскі паветы) губерняў; 3) грамадзян, якія маюць дакументальныя доказы таго, што яны да 1 жніўня 1914 г. пастаянна пражывалі ў адной з пералічаных вышэй мясцовасцей і падчас Першай сусветнай, Грамадзянскай і польска-савецкай войнаў самі выехалі з названых тэрыторый ці былі выселены распараджэннем грамадзянскіх ці ваенных улад. Да бежанцаў прыраўноўвалі і былых ваеннапалонных Першай сусветнай вайны [5, ф. 39, воп. 2, спр. 17, арк. 18].

Працэс аптацыі польскага грамадзянства на тэрыторыі Беларусі ў 1921—1923 гг. суправаджаўся праблемамі з пошукамі неабходных дакументальных доказаў свай прыватнасці да польскай нацыянальнасці: за час ваеннага ліхалецця значная частка крыніц была пашкоджана ці зусім знікла. Прадстаўнікі НКЗС і НКУС БССР (ССРБ) часта звярталіся па дадатковыя тлумачэнні ў цэнтральныя органы ў Маскве. Дадала вастрыні сітуацыі слабое матэрыяльнае забеспячэнне аптантаў, якія не мелі сродкаў ажыццявіць транспарціроўку свай сям'і і маёмасці. Асноўная хваля выезду аптантаў прыходзіцца на 1921—1922 гг. Выязджалі не толькі палякі, але і беларусы, рускія, яўрэі і немцы. У канцы 1922 г. палітыка савецкай улады ў адносінах да аптантаў стала больш жорсткай. Аптантаў пачалі падазраваць у варожых дзеяннях на карысць польскай дзяржавы. Быў узяты курс на іх абавязковы і хуткі выезд за межы БССР (ССРБ).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бабков, А. М. Деятельность Белорусского управления по эвакуации населения (январь—август 1921 г.) / А. М. Бабков // Изв. Гомел. гос. ун-та имени Ф. Скорины. Сер. «Гуманитарные науки». — 2011. — № 5 (68). — С. 9—16.
2. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 3: 1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г. / редкол.: Г. А. Белов [и др.]. — М., 1959. — 723 с.
3. Кириллова, Е. А. «Всех уволить немедленно»: оптанты на советской службе (из истории коммунального хозяйства Петрограда начала 1920-х гг.) / Е. А. Кириллова // Новый ист. вестн. — 2012. — № 4 (34). — С. 19—37.
4. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. — М.: Госполитиздат, 1921. — 42 с.
5. Нац. архіў Рэсп. Беларусь.
6. Ольшанский, П. Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.) / П. Н. Ольшанский. — М.: Наука, 1969. — 260 с.
7. Островский, Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX — первой четверти XX века / Л. К. Островский. — Новосибирск: НГАСУ, 2016. — 808 с.
8. Радек, К. Третий год борьбы Советской республики против мирового капитала / К. Радек. — М.: Госполитиздат, 1921. — 26 с.
9. Archiwum aktów nowych.
10. Gostyńska, W. Stosunki polsko-radzieckie. 1918— 1919 / W. Gostyńska. — Warszawa, 1981. — 397 s.
11. Kumaniecki, J. Po traktacie ryskim / J. Kumaniecki. — Warszawa: Książka i wiedza, 1971. — 282 s.
12. Materski, W. Polska a ZSSR. 1923—1924 / W. Materski. — Wrocław, 1981. — 380 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 24 кастрычніка 2022 г., дапрацаваны ў сакавіку 2023 г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИЕПИСКОПА МАКАРИОСА ВО ГЛАВЕ КИПРСКОЙ ЦЕРКВИ И РЕСПУБЛИКИ КИПР

Никодим Пашков

В статье исследуются важнейшие внешнеполитические шаги архиепископа Макариоса Мускоса в качестве неформального лидера кипрского народа в период английской оккупации острова и после получения Кипром независимости. Особый акцент делается на дипломатических маневрах главы Кипрского государства. Подчеркивается тот факт, что установлению прочных дипломатических отношений между СССР и Кипром предшествовали контакты двух стран на уровне православных церквей. В целом следует отметить прагматичность деятельности Макариоса во внешнеполитическом направлении, что позволило получить и сохранить независимость государства.

Ключевые слова: антиколониальная борьба; архиепископ Макариос; внутренние конфликты; Кипрская православная церковь; освободительное движение; политическое урегулирование.

«The Main Directions of the Foreign Policy Activities of Archbishop Makarios at the Head of the Church of Cyprus and the Republic of Cyprus» (Nikodim Pashkov)

The article examines the most important foreign policy steps of Archbishop Makarios Muskos as an informal leader of the Cypriot people during the period of the British occupation of the island and after the independence of Cyprus. Particular emphasis is placed on the diplomatic manoeuvres of the head of the Cypriot state. The article highlights the fact that the establishment of strong diplomatic contacts between the USSR and Cyprus was preceded by contacts between the two countries at the level of Orthodox. In general, it should be noted the pragmatism of Makarios' activities in the foreign policy direction of the state, which made it possible to obtain and maintain its independence.

Keywords: anti-colonial struggle; Archbishop Macarios; Cypriot Orthodox Church; internal conflicts; liberation movement; political settlement.

Личность архиепископа Макариоса и его роль в истории Кипра, смелость его политических шагов на международной арене по-прежнему привлекают исследователей всего мира. По этой причине полагаем, что тема данной статьи всегда будет оставаться актуальной.

В современной историографии существует ряд трудов, исследующих деятельность главы Кипрской церкви на посту президента республики. Среди них можно выделить работы О. Н. Бредихина [1], Н. М. Жуковой [4], А. Та-суласа [11], посвященные преимущественно истории возникновения «кипрского вопроса» и его влиянию на международные отношения. Частично личность архиепископа как церковного лидера рассматривалась в статье В. Гончаренко [2] и дипломной работе студента Минской духовной семинарии Д. Погребенко [10].

Целью статьи является характеристика основных направлений международной деятельности архиепископа Макариоса во главе

Кипрской церкви и влияния Русской православной церкви (РПЦ) как дипломатического канала СССР на межгосударственные отношения.

Будущий лидер Кипрского государства родился 13 августа 1913 г. После окончания школы он в 1926 г. поступил послушником в монастырь, в 1938 г. принял монашеский постриг с именем Макариос, а 13 июля 1948 г. стал архиепископом. Постепенно начала развиваться духовная карьера молодого харизматичного архиерея. Макариос активно выступал сначала за автономию Кипра, а затем и его объединение с Грецией — за так называемый «энозис» [13, р. 41].

В 1950 г. архиепископ был избран главой церкви всего Кипра и одновременно главой нации — этнархом. Возглавив Кипрскую церковь, он развернул еще более активную деятельность за освобождение Кипра [14, р. 2]. Макариос привнес в практику борьбы киприотов новый элемент — он апеллировал к обще-

Автор:

Пашков Никодим Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: nikodimkrysko@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Pashkov Nikodim — Candidate of History, Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: nikodimkrysko@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ственным мнению стран мира. Например, в 1952 г., во время визита на Кипр заместителя министра колоний Великобритании Т. Ллойда, архиепископ заявил о праве народа Кипра на самоопределение в соответствии с международными правовыми актами [14, р. 2]. В сентябре 1952 г. он направил послание в ООН, в котором напомнил о том, что греческий народ, составляющий около 80 % населения Кипра, стремится к реализации своего права на самоопределение [12, р. 105].

В 1954 г. по инициативе Макариоса вопрос о независимости острова вновь был поднят в ООН [1, л. 43]. В 1957 г., после неудачных переговоров с английской администрацией острова, архиепископ Макариос отправился в ссылку в отдаленную колонию Великобритании — на Сейшельские острова, но в 1958 г. под влиянием общественного мнения острова и выступлений греческой диаспоры в США был освобожден с обязательством переехать в Грецию [17, р. 25].

При этом ситуация на Кипре продолжала накаляться. Великобритания была вынуждена пойти на уступки и принять решение о скорейшей эвакуации с Кипра. Реагируя на это решение, в феврале 1959 г. Макариос принял участие в лондонском совещании по вопросу кипрского урегулирования. Итогом совещания стало согласование плана предоставления острову независимости. В 1959 г. архиепископ вернулся на Кипр, победил на президентских выборах, и 16 августа 1960 г. остров был провозглашен независимым государством. Великобритания, тем не менее, сохранила военную базу на территории республики [см.: 17].

Таким образом, первая политическая цель — свержение колониального правления Великобритании, которую ставил перед собой архиепископ Макариос, была достигнута благодаря поддержке со стороны общественного мнения острова и мирового общественного мнения. Однако киприоты теперь требовали от своего лидера следующего шага — энзосиса [15, р. 11]. При этом сам Макариос начал сложную дипломатическую игру, стремясь проводить многовекторную политику в целях сохранения суверенитета Кипра [13, р. 42]. Отметим, что в первые годы независимости власть Кипра столкнулась с неразрешимыми проблемами, главной из которых, как нам представляется, стал национальный вопрос. Турки составляли около 20 % населения Кипра, проживая преимущественно на севере острова [1, л. 59]. Согласно кипрской Конституции 1960 г. пост президента республики должен был занимать этнический грек, а должность вице-президента — этнический турок [1, л. 60].

Постепенно конфликты между национальными общинами острова приобрели все большую интенсивность. В декабре 1963 г. в Никосии начались столкновения между греками-киприотами и турками-киприотами.

Великобритания на правах гаранта суверенитета Кипра предложила план разделения острова по аналогии со своим же, осуществленным ранее, планом раздела Индии. Однако Макариос отверг этот план и в очередной раз поднял кипрский вопрос на Совете Безопасности ООН, заявив о готовящемся турецком вторжении на Кипр [3, с. 27–28]. В результате в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 186 от 4 марта 1964 г. на остров были введены международные миротворческие силы [1, л. 77], вмешательство которых, как показало дальнейшие события, лишь отсрочили обострение кипрского конфликта.

Отметим, что независимость острова в начале 1960-х гг. была крайне неустойчивой. Один из ее гарантов — Турция стремилась оккупировать если не весь Кипр, то его часть. Другой гарант — Греция настаивала на «энзосисе», от которого Макариос официально не отказывался, но который он всеми возможными способами откладывал, ожидая изменения внешнеполитической обстановки. Третий гарант — Великобритания предлагала план раздела Кипра, что не устраивало ни лично президента Макариоса, ни кипрскую элиту, состоявшую из этнических греков [4, л. 41].

Кроме того, важнейший политический «игрок» в регионе — США поддержали один из вариантов британского плана урегулирования на острове. Так, в 1964 г. государственный секретарь Соединенных Штатов Д. Ачесон во время своего визита в Никосию предложил осуществить энзосис, однако с условием передачи Турции военной базы на территории республики и расположенного к северу от Кипра и принадлежавшего ему острова Кастеллоризо. Но Греция приняла крайне недальновидное решение, отказавшись от этого плана. Отказался от данного плана и Кипр.

В это же время в регионе усилилось влияние СССР, союзником которого являлся Египет, а позже и Сирия. Руководство Кипра в этих условиях приняло решение о диверсификации своей внешней политики. 9 августа 1964 г. правительство острова объявило о своем решении обратиться за помощью к СССР и Египту. В октябре того же года в ходе визита в Москву кипрской делегации было достигнуто соглашение «О практических мерах помощи СССР Кипру для сохранения его свободы и территориального единства» [2, с. 83].

При этом отметим, что государственные контакты двух стран предварялись контактами на уровне церквей. Широкий контекст межцерковных связей РПЦ в православном мире стал тем фактором, который позволил советской дипломатии установить отношения с Кипром. Большое значение имел тот факт, что во главе островной республики находился глава «государствообразующей» церкви. Это позволило сблизить позиции СССР и Кипра по ряду международных вопросов в максимально сжатые сроки.

Кипрско-московский церковный диалог начался еще до достижения островом независимости — в 1950-е гг., в вопросах признания автокефалий, дарованных Московским патриархатом. Одним из поводов к его началу стал факт присоединения к РПЦ православной церкви Чешских земель и Словакии: Московский патриарх Алексей I известил кипрского архиепископа Макариоса о данном факте [5, л. 2—3], а также о решении вопроса с автокефалией Польской православной церкви [8, л. 6]. РПЦ подчеркивала исключительное уважение Кипрской церкви через извещение о вопросах, которые напрямую Кипрской архиепископии не касались. В свою очередь официальные документы Кипрской церкви свидетельствуют об осторожности, но вместе с тем и о сдержанном оптимизме, с которым встречали в среде островных первоиерархов дипломатические инициативы РПЦ Московского патриархата [5, л. 66, 71]. Таким образом, учитывая, что независимый Кипр возглавит его архиепископ, именно РПЦ в 1950-е гг. способствовала укреплению связей СССР с островом.

Московский патриарх попытался привлечь архиепископа Кипра к урегулированию проблемных вопросов на каноническом пространстве собственно Русской церкви. Он известил Макариоса о состоянии Русской православной церкви за границей, именуя синод этой церкви «так называемым» [9, л. 27—28]. Митрополит Крутицкий и Коломенский сообщил архиепископу Кипра о своей встрече с «писателем-вольнодумцем» И. Эренбургом, с которым ранее встречался кипрский первоиерарх [7, л. 63].

Осенью 1952 г. на остров была направлена копия московского послания патриарху Иерусалима [9, л. 27], что также было призвано поднять авторитет Кипрской церкви в православном мире.

Пользуясь успехами «церковного фронта», советский посол в Афинах М. Г. Сергеев дал Макариосу гарантии поддержки СССР в вопросе самоопределения и соответствующего представления в ООН. 18 декабря 1954 г. в письме послу СССР в США архиепископ Макариос официально поблагодарил Советский Союз за поддержку самоопределения Кипра в ходе обсуждения этого вопроса на Генеральной Ассамблее [6, л. 66].

В 1963 г. на торжествах по случаю 50-летия патриаршества Алексея Симанского присутствовали представители Кипрской церкви. В связи с возникновением напряженности между греками и турками патриарх РПЦ 24 февраля направил телеграмму архиепископу Макариосу со словами поддержки. В сентябре 1964 г. Алексей Симанский встретился с архиепископом Макариосом в Афинах [2, с. 83]. С конца 1960-х гг. особенно заметно изменение характера кипрско-московской церковной переписки по сравне-

нию с более ранним периодом. «Братски общаю», «возлюбленное Блаженство» — так обращался московский патриарх к кипрскому коллеге, что контрастирует с его же более ранней перепиской, наполненной официальной титулатурой в византийской средневековой традиции.

Ярким свидетельством успеха дипломатии, и в первую очередь РПЦ Московского патриархата, стал отказ в 1964 г. президента-архиепископа Кипра от предложения вступления острова в НАТО. Данный шаг стал маркером и итогом усилий дипломатии как СССР, так и РПЦ.

Таким образом, с момента избрания архиепископа Макариоса президентом Кипра стали активно развиваться как межцерковные, так и межгосударственные связи островной республики и СССР. Вступая в переговоры с Советским Союзом, архиепископ Макариос активировал новое, уже сложившееся к тому времени на основе межцерковных связей, направление кипрской политики. СССР на короткое время занял почти столь же почетное место союзника Кипра, как и Греция. Однако вся поддержка Советского Союза свелась, по сути, к дипломатическому инструментарию, как это и показали последующие события.

В целом первое десятилетие правления архиепископа Макариоса на Кипре проходило в череде непрерывных кризисов и социальных движений, которые начиная с конца 1960-х гг. носили все более ожесточенный характер. Эти процессы достигли кульминации в 1974 г. Турция ввела войска на остров, оккупировав 14—16 августа 1974 г. до 40 % его территории. В том же году произошло свержение архиепископа с поста президента; через английскую военную базу он был доставлен на Мальту, а затем в Нью-Йорк [2, с. 85].

Турция обосновывала свои агрессивные действия Договором о гарантиях независимости Кипра 1960 г., согласно которому она наряду с Грецией и Великобританией выступила гарантом независимости. 20 июля 1974 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 353, в которой требовал прекращения интервенции, безотлагательного вывода всех иностранных войск с кипрской территории и восстановления конституционного порядка. В резолюции 367 выражалось также сожаление по поводу односторонних действий турок-киприотов, содержался призыв ко всем странам уважать суверенитет и территориальную целостность Республики Кипр и указывалось на недопустимость раздела острова [2, с. 85].

В соответствии с данной резолюцией в 1975—1978 гг. было проведено несколько раундов переговоров под эгидой ООН. Однако параллельно этому Турция закреплялась на севере Кипра. Так, 20 июня 1976 г. в турецкой части острова прошли выборы президента и парламента [2, с. 86].

При этом архиепископ Макариос, возвратившийся вскоре после событий 1974 г. на Кипр, сохранил свои позиции в общественной жизни острова. У него осталось множество сторонников среди киприотов. Экс-лидер пытался урегулировать этнический конфликт в стране, сохранив хотя бы видимость ее единства.

Кипрские события 1974 г. в значительной степени спровоцировали падение режима «черных полковников» в Греции. СССР после смерти Макариоса в 1977 г. сократил свое дипломатическое присутствие в регионе, а Турция в значительной степени усилилась.

Политика многовекторности, которую проводил архиепископ Макариос, потерпела неудачу. Полусилы, на который он пытался опереться — СССР, не имел реальных механизмов влияния на ситуацию в регионе. Советский Союз не мог оказать ни экономическую, ни военную помощь острову без поддержки Турции, контролировавшей проливы Босфор и Дарданеллы. Турция же сама стремилась играть ведущую роль в регионе северо-восточного Средиземноморья, чему содействовала оккупация ей части Кипра в 1974 г.

По сути, со стороны Москвы на Кипре могли быть задействованы лишь ресурсы церковной дипломатии. В условиях военных действий и процессов самоопределения наций апелляция к религиозной традиции оказалось недоста-

точно для выстраивания прочных региональных политических балансов.

Таким образом, архиепископ Макариос, возглавляя Кипрскую архиепископию, а затем и Республику Кипр, в 1950—1960-е гг. активно «играл» на противоречиях стран, так или иначе присутствующих в регионе. С идеями присоединения острова к Греции, а также его разделения выступали в разное время Великобритания, США, Турция и Греция. Однако Кипр, тем не менее, сохранил свою независимость.

Отношения СССР и Кипра в период правления архиепископа Макариоса можно охарактеризовать как прагматичные. Кипр стремился к деколонизации и независимости, а Советский Союз — как минимум к внеблоковому статусу острова, что создавало точки соприкосновения в отношениях двух стран.

Формированию прочных дипломатических отношений между СССР и Кипром предшествовало установление связей между РПЦ Московского патриархата и Кипрской церковью еще в колониальный период истории острова. Данный факт объяснялся тесным переплетением интересов церкви и общества на Кипре, а позже — церкви и государства. Возможности РПЦ широко использовались советским государством для укрепления контактов с Кипрской церковью, а затем и с руководством островной республики.

Список использованных источников

1. Бредихин, О. Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития: дис. канд. ... ист. наук: 07.00.15 / О. Н. Бредихин. — М., 2006. — 172 л.
2. Гончаренко, В. Архиепископ Макариос: первый президент независимой Республики Кипр и Предстоятель Автокефальной Кипрской Церкви / В. Гончаренко // Актуальные вопросы церковной науки. — 2019. — № 2. — С. 79—87.
3. Друсиотис М. Идея малой хунты / М. Друсиотис. — Никосия: Альфади, 2010. — 448 с. (на греч. яз.)
4. Жукова, Н. М. Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Н. М. Жукова. — М., 2011. — 177 л.
5. Письмо патриарха Московского Алексия к архиепископу Кипрскому Макарию от 18.12.1951 г. // Архив Кипрской Архиепископии. Фонд архиепископа Макария. Переписка с РПЦ. — Т. 1.
6. Письмо патриарха Московского и всея Руси архиепископу Макарию от 28.01.1958 г. // Там же.
7. Письмо председателя ОВЦС РПЦ к архиепископу Кипрскому Макарию от 18.07.1957 г. // Там же.
8. Письмо председателя ОВЦС РПЦ к архиепископу Кипрскому Макарию от 28.01.1952 г. // Там же.
9. Письмо председателя ОВЦС РПЦ к архиепископу Кипрскому Макарию от 24.10.1952 г. // Там же.
10. Погребенко, Д. Жизнь и деятельность Архиепископа Новой Юстинианы и всего Кипра Макариоса, первого Президента Республики Кипр: диплом. работа / Д. Погребенко. — Жировичи, 1999. — 83 с.
11. Тасулас, А. Кипрский вопрос во внешней политике СССР (1953—1974 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / А. Тасулас. — М., 2021. — 160 л.
12. Fouskas, V. Reflections on the Cyprus Issue and the Turkish Invasions of 1974 / V. Fouskas // Mediterranean Quarterly. — 2001. — Vol. 12, N 3. — P. 98—127. (<https://doi.org/10.1215/10474552-12-3-98>)
13. Katsourides, Y. Anti-Colonial Struggle in Cyprus: Actors, Conceptualisations, Methods and Motives / Y. Katsourides // Journal of Mediterranean Studies. — 2014. — Vol. 23, N 1. — P. 31—64.
14. Katsourides, Y. Nationalism and Decolonisation in the Mediterranean: Cyprus and Malta Compared, 1918—1964 / Y. Katsourides, A. Heraclidou // Ibid. — P. 1—7.
15. Mayes, S. Makarios: a Biography / S. Mayes. — New York: Palgrave Macmillan, 1981. — 351 p.
16. Newsom, D. The Imperial Mantle: the United States, Decolonization, and the Third World / D. Newsom. — Indiana: Indiana University Press, 2001. — 256 p.
17. Xydis, S. Cyprus: Conflict and Conciliation, 1954—1958 / S. Xydis. — Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1967. — xviii, 704 p.

Статья поступила в редакцию 13 июля 2022 г., доработана в марте 2023 г.

АЙЧЫННАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН І ЗНЕСНЯЯ ПАЛІТЫКІ: ПРЫКЛАД СІСТЭМНАГА НАВУКОВАГА АНАЛІЗУ

Валерый Мацэль

У 2022 г. выйшла з друку змястоўная манаграфія Аляксандра Валер’евіча Гурына «Даследаванне гісторыі міжнародных адносін у Беларусі (1980—2005 гг.)» (Мінск: Беларус. навука, 2022. — 163 с.), аўтар якой ужо каля 20 год займаецца справай, карыснай і запатрабаванай для беларускай навукі аб міжнародных адносінах — аналізам тэндэнцый яе развіцця, дасягненняў і праблем. Манаграфія А. В. Гурына з’яўляецца пэўным падсумаваннем яго навуковай працы ў галіне вывучэння айчынай гістарыяграфіі міжнародных адносін апошняга савецкага перыяду і перыяду незалежнай Беларусі.

Сучасныя патрабаванні да развіцця айчынай гістарычнай навукі грунтуюцца на новых метадалагічных падыходах, актыўным і творчым успрыманні дасягненняў і вопыту даследаванняў замежных краін, шырокім выкарыстанні новых крыніц і дакументаў, неабходнасці пераасэнсавання і далейшага вывучэння гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін і Беларусі. Зразумела, што гэта немагчыма без вывучэння стану міжнародных даследаванняў у нашай краіне.

Між тым, у айчынай гістарыяграфіі, за выключэннем навуковых прац аўтара манаграфіі, фактычна адсутнічаюць спецыяльныя даследаванні, прысвечаныя аналізу работы беларускіх навукоўцаў у галіне міжнароднай праблематыкі. Усё гэта вызначае тэму працы А. В. Гурына як актуальную і навукова значную.

Узнікае пытанне: чаму аўтар звяртаецца менавіта да перыяду 1980—2005 гг.?

На наш погляд, прычыны прынятай аўтарам перыядызацыі заключаюцца ў наступным. Нягледзячы на тое, што пачатак вывучэння гісторыі міжнародных адносін і знешнепалітычнай гісторыі Беларусі быў закладзены яшчэ ў першыя дзесяцігоддзі XX ст., толькі на рубяжы 1980—1990-х гг. пачаўся якасна новы перыяд у развіцці навукі, што было звязана са станаўленнем незалежнай Рэспублікі Беларусь. Часткай глыбокіх транс-

фармацыйных працэсаў, якія адбываліся ў беларускай навучы, стала фарміраванне нацыянальнай школы міжнародных даследаванняў.

Уласная перыядызацыя аўтара, якая ахоплівае час з 1980 па 2005 г. (1980-я гг. — апошняе дзесяцігоддзе развіцця беларускай савецкай навукі, а 1990-я гг. — першае дзесяцігоддзе XXI ст. — час развіцця навукі незалежнай Рэспублікі Беларусь), дае магчымасць на працягу больш чым дваццацігадовага перыяду прасачыць выразныя працэсы трансфармацыі ў айчынай навучы, якія прывялі да стварэння і развіцця на савецкім падмурку айчынай школы міжнародных даследаванняў.

Неабходна адзначыць, што ў 1980-я гг. у беларускай гістарычнай навучы быў замацаваны падмурак міжнародных даследаванняў, закладзены яшчэ ў 1960—1970-я гг. У выніку павялічылася колькасць і палепшылася якасць даследаванняў, пашырыліся іх храналагічныя і тэматычныя рамкі, было створана першае ў рэспубліцы спецыяльнае навуковае падраздзяленне па вывучэнні знешнепалітычнай праблематыкі — сектар гісторыі еўрапейскіх сацыялістычных краін Інстытута гісторыі АН БССР, які быў пераўтвораны ў 1983 г. у сектар гісторыі замежных сувязей БССР.

Верхняя храналагічная межа даследавання абумоўлена прыпыненнем у 2005 г. дзейнасці спецыялізаваных Саветаў па абароне дысертацый пры Беларускім дзяржаўным універсітэце па спецыяльнасцях «Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі» і «Міжнароднае права. Еўрапейскае права». Гэтая падзея аказала негатыўны ўплыў на падрыхтоўку спецыялістаў-міжнароднікаў вышэйшай кваліфікацыі і выніковасць работы аспірантур у галіне міжнародных адносін.

Разгледзім асноўны змест, аўтарскія падыходы, вартасці і некаторыя недахопы манаграфіі больш падрабязна.

Інстытуцыянальная база міжнародных даследаванняў: характарыстыка на фоне тэндэнцый развіцця. У першай главе

Аўтар:

Мацэль Валерый Міхайлавіч — доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры эканамічнай палітыкі і дзяржаўнага кіравання Інстытута кіраўніцкіх кадраў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, e-mail: vmatsel@inbox.ru

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Адрас: 17, вул. Маскоўская, Мінск, 220007, БЕЛАРУСЬ

Author:

Matsel Valeriy — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Economical Policy and State Management of the Managerial Personnel Institute, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of Republic of Belarus, e-mail: vmatsel@inbox.ru

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus. Address: 17, Moskovskaya str., Minsk, 220007, BELARUS

манаграфіі аўтарам прааналізаваны тэндэнцыі развіцця беларускай навукі аб міжнародных адносінах у 1980—2005 гг. Аўтар разгледзеў асаблівасці развіцця беларускай навукі аб міжнародных адносінах азначанага перыяду на фоне дзяржаўнай гістарычнай палітыкі, а таксама выявіў кола навуковых даследчыцкіх цэнтраў і асноўных вынікаў іх працы.

Аўтар прыходзіць да высновы, што айчынная гістарычная навука на рубяжы 1980—1990-х гг. стала адыходзіць ад састарэлых метадалагічных падыходаў; беларускія вучоныя пачалі ствараць уласную гістарыяграфічную канцэпцыю. Пры гэтым гістарычная навука сутыкнулася з вялікай колькасцю цяжкасцей як аб'ектыўнага, так і суб'ектыўнага кшталту.

У сувязі з агульнымі тэндэнцыямі развіцця беларускай навукі ў першай палове 1980-х гг. назіраўся значны рост колькасці выданных манаграфій і абароненых дысертацый, у першую чаргу кандыдацкіх. У другой палове 1980-х гг. даследаванне гісторыі міжнародных адносін прыкметна запаволілася, што было абумоўлена метадалагічным крызісам савецкай гістарычнай навукі. Быў таксама і шэраг суб'ектыўных прычын, звязаных са зменай пакаленняў у беларускай гістарычнай навучы, скарачэннем фінансавання і г. д.

Незалежнасць Беларусі паспрыяла стварэнню ў рэспубліцы цэлай сеткі даследчыцкіх структур у галіне гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі. Нельга не пагадзіцца з аўтарам манаграфіі, які сцвярджае, што навуковая адзінка, якая можа прэтэндаваць на статус цэнтра міжнародных даследаванняў, павінна адпавядаць наступным крытэрыям: ажыццяўленне самастойнай навуковай дзейнасці; наяўнасць у яе складзе прызнаных вучоных адпаведнай галіны; валоданне выпрацаванай навуковай тэматыкай у межах аднаго ці некалькіх накірункаў; значныя вынікі навуковай працы, якія прызнаны ў навуковым супольніцтве (с. 10). Трэба пагадзіцца з абгрунтаванай высновай аўтара, што асновы дзейнасці як дзяржаўных, так і недзяржаўных устаноў, што працавалі ў галіне міжнародных даследаванняў, былі закладзены ў 1960—1970-я гг., калі ў навуку прыйшло новае пакаленне даследчыкаў, якія ў 1980-я гг. каардынавалі навукова-даследчыцкую дзейнасць ў галіне гісторыі міжнародных адносін.

Самастойнасць, якую набыла беларуская навука ў 1990-я гг., прывяла да мадэрнізацыі навуковых устаноў, якія ажыццяўлялі міжнародныя даследаванні, і стварэння новых дзяржаўных і недзяржаўных даследчыцкіх цэнтраў. Пры гэтым некаторыя накірункі даследаванняў сталі новымі для айчыннай навукі, напрыклад тэорыя, прававое рэгуляванне міжнародных адносін і г. д.

Апошні савецкі перыяд развіцця беларускай навукі аб міжнародных адносінах. Другая глава манаграфіі прысве-

чана аналізу асноўных накірункаў даследавання праблем міжнародных адносін у Беларусі ў 1980-я гг.: вывучэнню знешнепалітычнай дзейнасці БССР, распрацоўцы праблем тэорыі і гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін.

Аўтар выявіў дзве асноўныя тэмы ў галіне гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі ў 1980-я гг.: міжнародныя аспекты дзяржаваўтваральных працэсаў на тэрыторыі Беларусі ў 1917 — пачатку 1920-х гг.; знешнепалітычная дзейнасць і двухбаковыя сувязі і кантакты БССР з замежнымі краінамі і рэгіёнамі свету ў 1944—1980-я гг. Нягледзячы на тое, што тэматыка даследаванняў у галіне знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі была параўнальна сціплай, колькасць распрацовак была досыць вялікай. Зразу мела, што беларускія гісторыкі і правазнаўцы пры вывучэнні знешнепалітычнай дзейнасці БССР не выходзілі за рамкі традыцыйных падыходаў, якія панавалі ў савецкай гісторыка-дыпламатычнай літаратуры. Большасць гістарычных перыядаў апынуліся паза полем зроку беларускіх вучоных. Так, напрыклад, не даследаваліся месца беларускіх земляў у міждзяржаўных адносінах перыяду старажытнасці, знешнепалітычная дзейнасць Вялікага княства Літоўскага і г. д. Аднак і па больш сучаснай праблематыцы не вывучаўся цэлы шэраг значных знешнепалітычных праблем.

Вядучым цэнтрам у галіне знешнепалітычных даследаванняў у рэспубліцы з'яўляўся сектар гісторыі замежных сувязей БССР Інстытута гісторыі АН БССР, на базе якога сфарміравалася айчынная школа даследчыкаў знешнепалітычнай дзейнасці і замежных сувязей Беларусі. Разам з украінскай школай беларускія гісторыкі і правазнаўцы займалі вядучыя пазіцыі ў СССР па вывучэнні гістарычных і міжнародна-прававых аспектаў знешнепалітычнай дзейнасці саюзных рэспублік.

Акрамя асноўных накірункаў вывучэння знешнепалітычнай дзейнасці БССР, аўтар выявіў напрамкі распрацоўкі праблем тэорыі і гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін, такія як міжнародныя адносіны на мяжы Сярэднявекі і Новага часу, міжнародныя адносіны ў Еўропе ў апошняй трэці XIX ст., міжваенны перыяд (1919—1939 гг.) і пасля 1945 г., а таксама знешняя палітыка СССР, ГДР і ФРГ. Вывучэнне іншых перыядаў, краін і рэгіёнаў свету з пункту гледжання знешнепалітычнай тэматыкі мела эпізадычны характар.

У параўнанні з даследаваннямі ў галіне знешнепалітычнай дзейнасці БССР, якія ў 1980-я гг. шырока развіваліся і перажывалі своеасаблівы росквіт, вывучэнне гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін не ішло так шпарка і дынамічна. Наадварот, у канцы 1980-х гг. у гэтай галіне

назіраліся праявы крызісу, што асабліва выявілася ў кадравым забеспячэнні і змене пакаленняў даследчыкаў.

Вядучым цэнтрам у галіне даследавання гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін з'яўляўся гістарычны факультэт БДУ, на якім у 1992 г. была створана кафедра міжнародных адносін.

Фарміраванне і станаўленне айчынных міжнародных даследаванняў у незалежнай Беларусі. У трэцяй главе аўтар прааналізаваў міжнародныя даследаванні ў Беларусі ў 1991—2005 гг.: вывучэнне знешнепалітычнай гісторыі Беларусі, даследаванні ў галіне тэорыі і гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін, міжнародна-прававыя і міжнародна-палітычныя даследаванні.

Тэматыка даследаванняў гісторыі знешняй палітыкі Беларусі ў 1990—2005 гг. істотна змянілася. Акрамя накірункаў, якія сфарміраваліся раней, такіх як знешнепалітычная дзейнасць БССР пасля 1944 г., з'явіліся новыя даследчыцкія накірункі — знешняя палітыка старажытнабеларускіх дзяржаў, Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, знешнепалітычная дзейнасць БНР і БССР у 1918—1920-я гг., а таксама ў міжваенны перыяд, знешняя палітыка незалежнай Беларусі, і інш.

Вядучым цэнтрам у галіне знешнепалітычных даследаванняў у рэспубліцы стала кафедра міжнародных адносін гістарычнага факультэта БДУ, на базе якой фарміравалася айчынная школа даследчыкаў знешняй палітыкі і замежных сувязей Беларусі (адаптэчныя структурныя адзінкі Інстытута гісторыі НАН Беларусі ў другой палове 1990-х гг. змянілі накірункі навуковых даследаванняў).

Важным для далейшага развіцця і каардынацыі даследаванняў у азначанай галіне стала вывучэнне ў 1990-я гг. новай навуковай і вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі». Яе выкладанне пачалося ў першай палове 1990-х гг. у БДУ, а потым і ў іншых ВНУ. Важкі ўклад у фарміраванне навуковых асноў гэтай дысцыпліны ўнёс прафесар У. Е. Снапкоўскі, які вызначыў прадмет і аб'ект, асноўныя накірункі дысцыпліны, распрацаваў вучэбныя праграмы. У 1990-я гг. упершыню ў беларускай гістарычнай навуцы пачалося выданне шматтомнага зборніка дакументаў і матэрыялаў па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі (1997 г.), якія адлюстравалі дзяржаўна-прававыя і канцэптуальныя асновы знешняй палітыкі нашай рэспублікі.

У галіне гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін у перыяд 1990—2005 гг. беларускія вучоныя распрацоўвалі наступныя накірункі: міжнародныя адносіны міжваеннага перыяду (1919—1939 гг.); міжнародныя адносіны перыяду «халоднай вайны»; міжнародныя адносіны ў 1990-я гг.; знешняя палітыка краін Азіі і Афрыкі.

Даследаванні ажыццяўляліся ў БДУ (спачатку на гістарычным факультэце, потым на кафедре і факультэце міжнародных адносін), а далей у ВНУ Брэста, Віцебска, Гомеля і некаторых нездзяржаўных цэнтрах. Тэматыка даследаванняў значна пашырылася, але ў асноўным была абумоўлена навуковай спецыялізацыяй вучоных, якая склалася ў 1980-я гг. і нават раней.

Атрыманне Рэспублікай Беларусь незалежнасці падштурхнула да развіцця міжнародна-прававыя даследаванні ў краіне. Нягледзячы на шматлікія цяжкасці, айчыннымі юрыстамі-мжнароднікамі зрабілі шмат для канчатковага афармлення нацыянальнай міжнародна-прававой навукі. Тым не менш, без істотнага рэфармавання гэтай галіны навукі немагчыма прагназаваць далейшыя поспехі яе развіцця. Прыкладна такая ж сітуацыя склалася і ў галіне міжнародна-палітычных навук.

А што ў дадатках? Аб дадатках да манаграфіі А. В. Гурына трэба сказаць асобна: іх матэрыялы могуць быць цікавымі для навуковых работнікаў, выкладчыкаў і навучэнцаў, якія спецыялізуюцца ў галіне міжнародных адносін, айчынай і ўсеагульнай гісторыі. Аўтар упершыню ў айчынай гістарыяграфіі прыводзіць анатаваны спіс дысертацый па міжнароднай праблематыцы, біяграфічныя звесткі аб дактарах навук, якія працавалі ў навуцы аб міжнародных адносінах у 1980—2005 гг., звесткі аб манаграфіях, апублікаваных у азначаны перыяд. В дыяграмах, якія прыводзіць аўтар, наглядна прадэманстраваны асаблівасці развіцця айчынай навукі аб міжнародных адносінах у азначаны перыяд: скарачэнне колькасці абарон дысертацый і публікацыйнай актыўнасці ў першай палове 1990-х гг., дынаміка развіцця даследчых цэнтраў у галіне міжнародных даследаванняў адносна колькасці і спецыяльнасцяў абароненых дысертацый.

Вынікі і высновы. Аўтарам манаграфіі ўпершыню ў айчынай гістарычнай навуцы напісана комплексная навуковая праца, у якой падрабязна даследаваны тэндэнцыі развіцця беларускай навукі аб міжнародных адносінах у 1980—2005 гг., разгледжана даследаванне праблем міжнародных адносін у Беларусі ў 1980-я гг., прааналізаваны стан і вынікі міжнародных даследаванняў у Беларусі з 1991 па 2005 г. Перыядызацыя аўтара дала магчымасць прасачыць працэсы трансфармацыі айчынных міжнародных даследаванняў.

Аўтар манаграфіі на аснове шырокага кола гістарыяграфічных крыніц паказаў значныя дасягненні айчынных даследчыкаў міжнароднай праблематыкі, якія дазваляюць зрабіць абгрунтаваны вывад, што айчынная навука аб міжнародных адносінах у постсавецкі перыяд аформілася як самастойны накірунак навуковых ведаў. У манаграфіі слушна сцвярджаецца, што беларуская на-

вука аб міжнародных адносінах «прайшла перыяд сумбурнага, стыхійнага будавання пачатку 1990-х гг. і стала на рэйкі паступовага і дынамічнага развіцця». У сувязі з гэтым далейшае вывучэнне навуковых традыцый гэтай галіны навукі ўяўляецца наспелым і неабходным для яе функцыянавання і асэнсавання.

Вывучэнне міжнародных даследаванняў у Беларусі мае не толькі вялікае пазнавальнае і навуковае значэнне для разумення сучасных тэндэнцый іх развіцця, але і выхаваўчы сэнс для цяперашняга і будучага пакаленняў як беларускіх даследчыкаў, так і спецыялістаў-практыкаў у галіне міжнародных адносін.

Пры гэтым хацелася б выказаць некаторыя заўвагі, якія не з'яўляюцца вызначальнымі, але, на наш погляд, будуць карыснымі пры напісанні А. В. Гурыным новых навуковых прац. Па-першае, аўтарам вельмі фрагментарна разгледжаны ўплыў дзяржаўнай навуковай палітыкі на станаўленне і развіццё міжнародных даследаванняў у 1980—2005 гг. Між тым, асабліва ў перыяд незалежнай Беларусі фарміраваўся змест дзяржаўнай гістарычнай палітыкі, якая паўплывала, у тым ліку і на вывучэнне праблематыкі міжнародных адносін. Па-другое, у поле зроку аўтара трапілі не ўсе асноўныя манаграфіі, апублікаваныя ў даследаванні перыяд, у першую чаргу, выданыя па-за межамі Мінску.

Па-трэцяе, аўтар засяродзіў сваю ўвагу на дзейнасці асноўных цэнтраў міжнародных даследаванняў у Беларусі: БДУ і Нацыянальнай акадэміі навук. Было б карысна больш падрабязна разгледзець у далейшых працах работу і іншых цэнтраў, ці нават асобных навукоўцаў. Таксама будзе цікава, калі аўтар больш грунтоўна даследуе спецыфіку падрыхтоўкі кадраў найвышэйшай навуковай кваліфікацыі ў галіне міжнародных даследаванняў.

Магчыма не ўсе могуць пагадзіцца з аўтарскімі падыходамі, ацэнкамі і высновамі. Але ў гэтым, на наш погляд, ёсць адна з галоўных мэтаў працы: праінфармаваць навуковую грамадскасць аб значных поспехах і дасягненнях навукі аб міжнародных адносінах у Беларусі. Сапраўды, не ўсе спецыялісты ведаюць аб шматгадовай гісторыі беларускай навукі аб міжнародных адносінах. Што тычыцца шырокіх колаў навукоўцаў, то гэтая праблематыка выходзіць на першы план толькі пры напісанні абавязковых гістарыяграфічных аглядаў пры выкананні кваліфікацыйных навуковых прац.

Манаграфія і матэрыялы дадаткаў да яе ўяўляюць цікавасць для навуковых работнікаў, выкладчыкаў і навучэнцаў, якія спецыялізуюцца ў галіне міжнародных адносін, айчынай і ўсеагульнай гісторыі, і ўсіх зацікаўленых гісторыяй беларускай навукі аб міжнародных адносінах.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 21 снежня 2022 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОТОКИ КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Надежда Годес

В статье рассмотрены изменения международных потоков капитала, которые происходят на современном этапе под влиянием нестабильности мировой экономики. Дана оценка современного состояния системы международных потоков капитала, выделены ее ключевые особенности (возросшее влияние на макроэкономические показатели стран — участниц интеграционных объединений, возврат к протекционизму) и факторы (низкие темпы восстановления мировой экономики и производственно-логистических цепочек, политические и военные конфликты, фрагментация мировой экономики, изменение геополитического веса государств и международных организаций, смещение приоритетов государств в сторону поддержания финансовой устойчивости и социально-политической стабильности). Предложены направления совершенствования мер государственных политик развивающихся стран в сфере управления потоками капитала с учетом выявленных вызовов и возможностей, в частности усиление присутствия в международных финансовых организациях, разделяющих социально-политические приоритеты страны и потенциал экономического сотрудничества, приоритетность макроэкономической стабильности и национальной финансовой безопасности, принятие дальнейших мер по снижению нагрузки по обслуживанию внешней задолженности, прежде всего, внедрение регуляторной базы управления криптоактивами.

Ключевые слова: государственный долг; инвестиции; криптоактивы; потоки капитала.

«International Capital Flows in Modern Conditions: Challenges and Opportunities» (Nadzeya Hodzes)

The article considers changes in international capital flows that occur at the present stage under the influence of the instability of the world economy. The assessment of the current state of the system of international capital flows is given, its key features (increased impact on the macroeconomic indicators of the participating countries, return to protectionism) and factors (low rates of recovery of the world economy and production and logistics chains, political and military conflicts, fragmentation of the world economy, a change in the geopolitical weight of states and international organisations, a shift in the priorities of states towards maintaining financial stability and socio-political stability). Directions for improving the measures of public policies of developing countries in the field of capital flow management are proposed, taking into account the identified challenges and opportunities, in particular, strengthening the presence in international financial organisations that share the socio-political priorities of the country and the potential for economic cooperation, the priority of macroeconomic stability and national financial security, the adoption further measures to reduce the burden of servicing external debt, first of all, the introduction of a regulatory framework for managing crypto assets.

Keywords: capital flows; crypto assets; investments; public debt.

Международные потоки капитала уже долгое время выступают балансиrom мировых финансов. Трансграничное перемещение капитала и функционирование национальных капиталов за рубежом традиционно рассматриваются как основные драйверы транснационализации (за счет содействия международному разделению труда и международной специализации) и глобализации (в частности, роста мировой экономики за счет максимизации

общей полезности при ограниченных ресурсах и производительности). С одной стороны, потоки капитала обуславливают структуру мирохозяйственных связей и развитие мировой экономики, а с другой — конфигурация мировых производственных и торговых связей предопределяет объемы и структуру потоков капитала.

Цель данной статьи — выявить современные особенности и факторы системы международ-

Автор:

Годес Надежда Витальевна — кандидат экономических наук, докторант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: godes_nv@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Hodzes Nadzeya — Candidate of Economy, Doctorant of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: godes_nv@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ных потоков капитала и определить целесообразные направления совершенствования механизмов участия Республики Беларусь в этой системе с точки зрения соблюдения национальных экономических интересов.

Под финансовым капиталом мира в данном контексте понимаются совокупность финансовых активов стран и международных организаций. Финансовый капитал обладает способностью наращиваться в исторически короткие сроки, в отличие от иных основных экономических ресурсов (трудовых и природных), поэтому в развитых странах накоплено больше капитала, в том числе и финансового.

На мировых рынках капитала субъектами выступают частные корпорации, суверенные государства, международные финансовые организации и банки развития. В анализе потоков капитала преобладает подход, основанный на его классификации по источникам происхождения. Выделяют официальный (средства правительств государств и межправительственных организаций, перемещаемые в форме займов и ссуд) и частный (средства корпораций, банков, негосударственных организаций) капитал. Миграция капитала реализуется в форме как непосредственно трансфертов, так и инвестиций (прямых и портфельных) и международного кредита (суверенного финансирования). Выделяют также нелегальные (в обход национального и международного права) и внутрифирменные (между филиалами и дочерними компаниями, принадлежащими одной корпорации и расположенными в разных странах) потоки капитала.

Существует ряд теоретических и эмпирических исследований международных потоков капитала, его факторов, последствий для мировой экономики и для экономик отдельных государств.

Основой системного подхода к анализу международных потоков капитала выступает работа М. Обстфельда и К. Рогоффа, обосновавших значение притока иностранного капитала в страну для обеспечения экономического роста и уровня благосостояния населения, а также более высокого уровня финансовой безопасности государств за счет диверсификации активов и обязательств. В качестве негативных эффектов М. Обстфельд и К. Рогофф выделили возможное инфляционное давление [18, с. 11].

Р. Барро, К. Сала-и-Мартин проанализировали потоки капитала «идеальной» малой открытой экономики с абсолютной мобильностью капитала, в которой падение мировых процентных ставок влечет рост дефицита счета текущих операций платежного баланса [11].

Исследователи группы Всемирного банка обосновали ведущую роль структурных реформ в объеме притока капитала в страну.

Важный вклад в развитие теоретических подходов к анализу потоков капитала (как частного, так и государственного), выявлению и эмпири-

ческому обоснованию его факторов, а также мотивации межгосударственного финансирования внесли П. Монтель и К. Рейнхарт [17].

В работе С. Дробышевского и П. Трунина дана эконометрическая оценка взаимосвязи потоков капитала и макроэкономических показателей, а также сделан вывод о ведущей роли финансов сектора государственного управления в межгосударственных потоках стран постсоветского пространства [3].

Белорусские исследователи Е. Петрушкевич [7] и К. Рудый [9] исследовали различные аспекты участия Республики Беларусь в системе международных потоков капитала.

Отправной точкой в институциональном и функциональном становлении международного рынка капитала можно считать вторую половину XX в. В конце XX — начале XXI в. рост объемов международной торговли сопровождался соответствующим ростом операций на фондовых и валютных биржах, развитием рынка деривативов, международных межбанковских кредитов, межправительственных займов.

Развитие межгосударственного финансирования свидетельствует о том, что государства и наднациональные органы наиболее активно оказывали финансовую поддержку друг другу в периоды кризисов. Торговые и финансовые связи как главный фактор, определяющий потоки суверенной поддержки, обозначаются в 1990-е гг. [2, с. 36—38]. С развитием процессов глобализации и усиления взаимосвязей лейтмотивом антикризисной помощи становится стремление уменьшить причинение ущерба своей собственной экономике. Если негативные побочные эффекты со стороны государства, переживающего кризис, потенциально высоки, например из-за тесных банковских и торговых связей, у кредитора появляется стимул предоставлять правительству государства в кризисе ссуды на спасение, прежде всего, за счет поддержания устойчивости торгового оборота. Анализ, проведенный С. Хорном, К. Рейнхарт и К. Требешем, показал, что увеличение веса реципиента во внешнеэкономических операциях донора на 1 % ведет к росту объема предоставляемой ему помощи на 0,4 % [14, р. 35]. В то же время важным фактором решений о предоставлении финансирования выступает географическая и социально-культурная близость стран — при низком уровне социальной и культурной общности вероятность «спасительного» финансирования существенно снижается. Таким образом, можно констатировать, что предоставление суверенного финансирования в большей степени определяется именно экономическими и политическими интересами кредитора, а не стремлением внести вклад в развитие страны-реципиента.

Если субъекты и формы миграции капитала не изменились, то степень их участия, значение, а также структура межгосударственных потоков капитала и его цели претерпевают су-

ществленную трансформацию в условиях приобретения изменчивостью мировых финансов имманентного характера.

Проведенный анализ существующих исследований позволил выделить основные факторы этих изменений и дать оценку их эффектов.

Фрагментация системы мировых финансов, приводящая к ослаблению контроля над потоками капитала, провоцирующая и усиливающая финансовую неустойчивость на финансовых рынках. Изначально финансовая глобализация и трансграничные потоки капитала рассматривались как несомненное благо для стран-получателей, поскольку влекли за собой ослабление финансовых ограничений, передачи ноу-хау, стимулирование институционального развития и качества управления. Однако ряд современных исследований свидетельствует об отсутствии роста в странах с очень низким начальным уровнем институционального развития, что подчеркивает важность сочетания контроля состояния счета операций с капиталом и структурных и институциональных реформ [15, p. 17, 29].

Однако в условиях геополитического противостояния, фрагментации мировой экономики трансграничный приток капитала в форме прямых инвестиций может нести угрозу национальной финансовой безопасности страны-реципиента из-за возможности влияния на управление предприятием резидентов другой страны. Наибольшую угрозу в данном случае могут представлять трансграничные слияния и поглощения и участие в увеличении доли основного капитала в компании, наименьшую — создание иностранной компанией дочернего предприятия «с нуля» (*Greenfield investment*). Идентифицировать каждую из названных форм прямого инвестирования для оценки возможного риска для национальной безопасности можно по доле владения ценными бумагами в капитале предприятия.

Иностранные портфельные, а также прочие инвестиции (операции по участию в капитале, не имеющие форму ценных бумаг (например, участие в капитале международных компаний)), как правило, высоко гарантированы и не требуют оценки с точки зрения возможного негативного влияния на национальную финансовую безопасность.

Однако высокая волатильность финансовых рынков ограничивает возможности заимствования для большинства компаний, а направления развития международного кредита (финансирования, предоставляемого государствами, международными финансовыми организациями, частными банками и фирмами в процессе международного экономического взаимодействия и сотрудничества) формируются в большей степени под влиянием социально-политических, нежели экономических процессов.

Анализ исследований в области движения потоков капитала свидетельствует о том, что сама модель трансграничного движения капитала переживает существенные трансформации, обусловленные технологическими изменениями (цифровизация, увеличение доли нематериальных активов, рещоринг (возвращение развитыми странами ранее выведенного в развивающиеся страны производства)) и социально-политическими факторами (последствия пандемии, вопросы безопасности и пр.).

«Бегство капитала» и предпосылки долгового кризиса. По данным отчета Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [16], в 2021 г. мировой объем инвестиций в акционерный капитал рос умеренно, отражая тем самым ограниченный рост инвестиций в новые проекты и переход к международному проектному финансированию, которое часто включало большую долю долгового компонента финансирования. Внутрифирменные кредиты оставались отрицательными во многих странах (рис. 1). Устойчивый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) наблюдался только в Азиатском регионе.

Восстановление ПИИ в современных условиях будет неравномерным. Развитые экономики, вероятно, будут стимулировать глобальный рост ПИИ за счет активной трансграничной деятельности по слияниям и поглощениям, а также масштабных мер по поддержке государственных инвестиций.

При этом дефицит инвестиционных ресурсов только усиливает тенденцию неравномерного распределения финансовых потоков. Так, в докладе ЮНКТАД за 2022 г. отмечается, что начиная с 2020 г. общий объем финансовых потоков из развивающихся стран значительно превышает объемы притока капитала в эти страны (в расчет потоков входит помощь, оказываемая в целях развития, ПИИ и статистика торгово-экономических отношений). Кроме этого, острой проблемой развивающихся стран является нелегальный вывод капитала. По оценке аналитического центра *Global Financial Integrity (GFI)*, отток капитала из развивающихся стран с использованием «теневых» схем составляет до 1 трлн дол. США ежегодно. В платежных балансах такой отток (вернее, сальдо притока и оттока) находит отражение в статье «Чистые ошибки и пропуски», т. е. те потоки капитала, происхождение которых регуляторы не могут объяснить [21, p. 3; 22].

Современная ситуация кардинально отличается от мирового финансового кризиса 2008 г. или кризиса периода пандемии *COVID-19*, когда центральные банки большинства стран мира имели возможность проводить мягкую денежно-кредитную политику в ответ на падение совокупного спроса и дефляционное давление. Уровень частного и го-

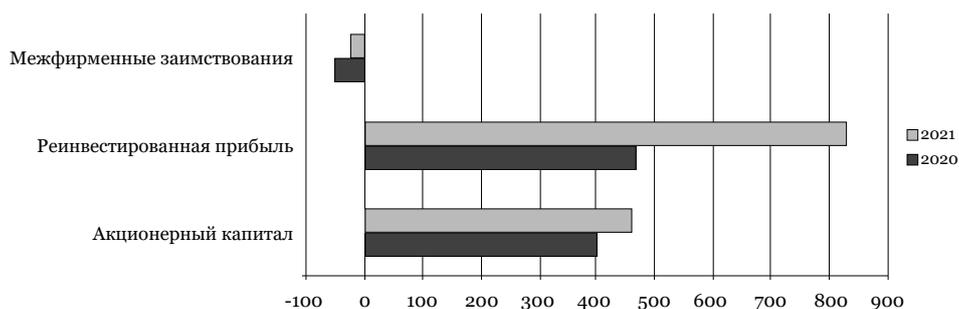


Рис. 1. Мировые потоки ПИИ по компонентам, млрд дол. США

И с т о ч н и к: составлено на основе данных [16].

сударственного долга становится неприемлемо высоким и рост процентных ставок может повлечь череду банкротств и дефолтов [10]. При этом, по оценке, на обслуживание государственного долга в развивающихся странах уже расходуется в среднем около 14 % доходов (рис. 2).

Кроме этого, более высокая инфляция носит глобальный характер, а большинство центральных банков ужесточают денежно-кредитную политику, увеличивая вероятность синхронизированной глобальной рецессии. Ужесточение уже проявляется в виде сжатия рынков государственного и частного капитала. Реальное и финансовое благосостояние падает, а объемы накопленной задолженности и коэффициенты обслуживания долга растут [13, р. 34]. Н. Рубини отмечает высокую вероятность развития долгового кризиса, при этом определяет его как стагфляционный. Подобный кризис в определении Н. Рубини предполагает сочетание стагфляции (имевшей место в 1970-е гг.) и долгового кризиса (по образцу 2008 г.) в условиях шока предложения и роста долговой нагрузки на национальные экономики [20].

В связи с этим меры национальных правительств в сфере регулирования потоков капитала следует ориентировать на обеспечение доступа к ресурсам, необходимым для развития экономики в рамках региональных интеграционных объединений, основанных на реализации технико-технологического сотрудничества и инвестиций, а не за счет долговых инструментов.

Расширение использования криптоактивов. Стремительное развитие цифровизации и сегмента криптовалют стало неотъемлемой частью международных экономических отношений. При этом на современном этапе развития экономической науки отсутствуют однозначное определение понятия криптоактивов и их общепринятая классификация (некоторые регуляторы определяют криптоактивы как ценные бумаги, другие — как товар, третьи — как платежные инструменты).

Для анализа роли криптоактивов в трансформации системы международных потоков капитала целесообразно определить их в ши-

роком смысле — как тип цифровых активов, выпущенных на основе технологии распределенного реестра для ведения их учета и отражения их воспринимаемой стоимости.

Сегмент криптоактивов имеет свою инфраструктуру и организации (биржи, эмитенты валют и поставщики кошельков, майнеры, хранители стейблкоинов), которые формируют экосистему криптоактивов. Криптобиржи играют важную роль в этой экосистеме [5, с. 26]. Большинство крупных криптобирж централизованы. Как интернациональный продукт цифровой экономики криптовалюты отвечают интересам участников системы международных расчетов за счет саморегуляции системы и низких транзакционных издержек. Однако пока преждевременно говорить о возможности полноценного обслуживания системы международного движения капитала.

В связи с тем, что функции, обычно выполняемые органами государственного управления, центральными банками, международными финансовыми центрами (обслуживание инфраструктуры, обеспечение доступа для пользователей, эмиссия, проверка транзакций, управление резервами и т. д.), в сегменте криптоактивов переходят под контроль иных субъектов экосистемы [4, с. 8], криптоизация ограничивает суверенитет денежно-кредитной политики, приводит к выводу капитала за рамки финансового сектора, а также выступает вызовом для глобальной системы противодействия отмыванию доходов/финансированию терроризма, поскольку обеспечить необходимую прозрачность обращения криптовалют невозможно. Особенно это относится к развивающимся странам, где инфляционные и курсовые риски являются высокими, что провоцирует рост популярности использования криптовалют.

Применение криптоактивов создает трудности для использования мер по управлению потоками капитала из-за существующих во многих странах пробелов нормативно-правовой базы. Возможности эффективно отслеживать и регулировать потоки капитала существенно усложняются характеристиками криптоактивов, к которым относят децентрализованность, трансграничность и аноним-

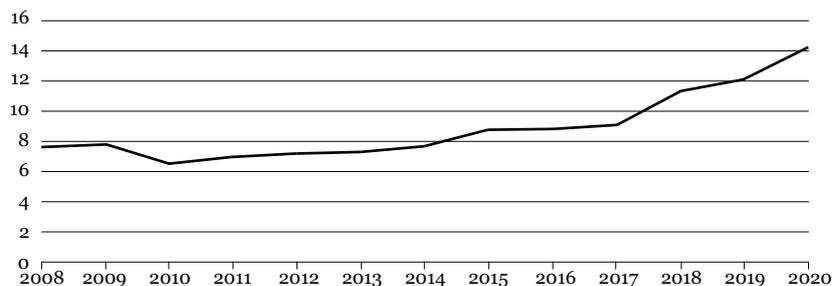


Рис. 2. Средняя доля государственных доходов, идущих на выплаты по внешнему государственному долгу в развивающихся странах, %

Источник: [12].

ность, а межгосударственное регулирование обращения криптоактивов практически отсутствует.

Зависимость сложности регулирования и степени децентрализации отражена на рис. 3.

По оценке Евразийской экономической комиссии, современный масштаб использования криптовалют не дает оснований полагать, что большинство субъектов мировой экономики отходят от использования фиатных денег в пользу криптовалют [4, с. 8], капитализация рынка криптовалют невелика. Так, общая рыночная капитализация криптовалют составляет 211,7 млрд дол. США, из них 114,4 млрд приходится на биткойн [4, с. 17].

Значительную роль в формировании структуры международных потоков капитала играют такие сегменты и агрегаты финансового рынка, как рынок деривативов, мировой долг, «широкая» и «узкая» денежная масса стран мира, мировой фондовый рынок. Близки по капитализации к рынку криптовалют рынок извлеченного золота, рынок коммерческой недвижимости институциональных инвесторов, мировой рынок монет и банкнот, активы на балансе Федеральной резервной системы США, рынок слияний и поглощений [4, с. 17].

В ответ на развитие рынка криптовалют правительства многих стран реализуют проекты цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ), а центральные банки Канады, Великобритании, Японии, Европейского союза и Швейцарии совместно с Банком международных расчетов (BIS) создали группу для исследования ЦВЦБ. Пилотный проект ЦВЦБ прорабатывается также и Национальным банком Республики Беларусь.

Движение капитала и риски макроэкономической и финансовой стабильности. Финансовый капитал является наиболее глобализованным и мобильным ресурсом. Как было отмечено выше, потоки капитала могут способствовать развитию стран и разделению рисков, однако страны со значительным внешним долгом более уязвимы в случае оттока капитала в условиях финансовых кризисов и рецессии. Внешние обязательства в иностранной валюте могут по-

влечь угрозы макроэкономической и финансовой стабильности, стать факторами уязвимости.

Международный валютный фонд (МВФ) все более либерально относится к идее регулирования международного движения капитала в странах, в которых приток иностранного спекулятивного капитала влечет макроэкономические дисбалансы [10].

В связи с этим политика наращивания внешнего долга в целях балансировки текущего счета платежного баланса неприемлема для стран с высокой долговой нагрузкой. Страны с развивающейся экономикой прибегают к управлению потоками капитала, ослабляя требования главным образом к притоку капитала для того, чтобы сохранить необходимый уровень ликвидности. Однако изменения потоков капитала способны снизить устойчивость мировой финансовой системы за счет роста рисков финансовых организаций, связанных с активами, низкой ликвидности рынка и ограничений финансирования, а также ускорения криптоизации в странах с формирующимся рынком.

В условиях неопределенности приоритетом для стран выступает обеспечение макроэкономической и финансовой стабильности. Такая тактика нашла отражение в обновленном подходе МВФ к управлению потоками капитала (институциональной позиции) [12, р. 12]. При данном подходе страны должны обладать большей гибкостью в принятии мер по регулированию потоков капитала (*capital flow management measures* (CFMs, МРПК)) и макропруденциальных мер (*macroprudential measures* (MPMs, МПМ)), в том числе с превентивной целью. МРПК различаются по типам: на основе резидентства — меры, устанавливающие лимиты и ограничения на транзакции; административные или прямые ограничения; косвенные или рыночные ограничения (например, резервные требования и налоги) — сдерживают потоки капитала, делая их более дорогостоящими; агрегированные — направлены на ограничение объема притока капитала; отраслевые — сглаживают чрезмерный приток капитала в отдельные отрасли; антикризисные — временные меры, направленные

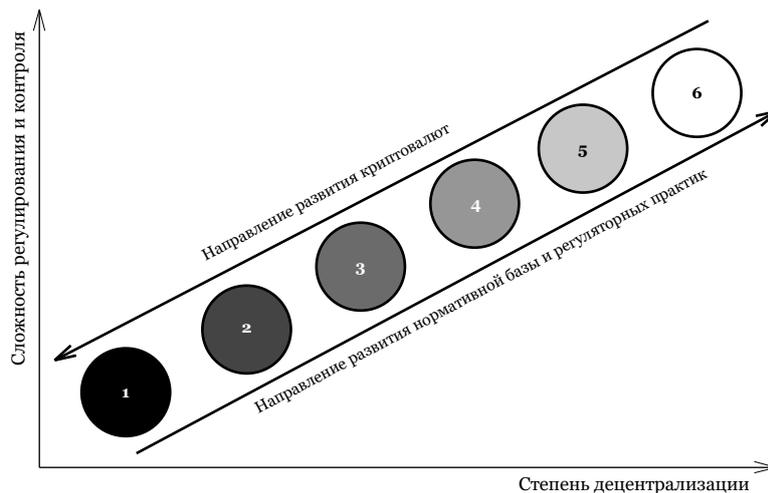


Рис. 3. Взаимосвязь децентрализации и возможностей регулирования: 1 — стэйблкоины центральных банков; 2, 3 — то же, централизованного элемента; 4 — доступ к криптоактивам через частные кошельки, 5 — то же, через централизованные биржи; 6 — криптовалюты для ухода от контроля в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма

Источники: разработано автором на основе [12, р. 7].

на сохранение резервов и уменьшение давления на обменный курс национальной валюты. МПМ направлены на снижение чувствительности финансовой системы к потрясениям путем ограничения нарастания финансовой уязвимости. Наиболее распространенной МПМ является повышение требований к капитализации глобальных системно важных финансовых учреждений [12, р. 18].

Институциональная позиция МВФ по управлению потоками капитала сформировалась в ответ на мировой финансовый кризис 2008—2009 гг. и была основана на сбалансированности и последовательности в вопросах либерализации операций с капиталом и регулирования потоков капитала. В рамках этой позиции были четко определены условия и ограничения применения МРПК/МПМ. В 2022 г. Институциональная позиция МВФ была дополнена инструментами МРПК/МПМ, которые возможны к применению на основе предвидения (анализа результатов стресстестов и форсайта) даже при отсутствии дисбаланса потоков капитала в целях создания основы для анализа мер политики в ответ на шоки с учетом особенностей конкретных стран [23].

Превентивные МРПК/МПМ способны смягчить риски, связанные с внешним долгом. При этом в Институциональной позиции МВФ прописана недопустимость их использования в качестве замены мер макроэкономической и структурной политики или для поддержания курсов национальной валюты [20].

Во время пандемии COVID-19 правительства накапливали задолженность в целях покрытия текущих расходов (высокий уровень задолженности и отсутствие свободы действий в расходовании средств также ограничивают

способность правительств справиться с будущими потрясениями).

Динамика суверенного финансирования в странах СНГ (анализ проводился на основе показателей Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии (несмотря на выход из состава СНГ, ее учитывали в статистике), Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, включенных в базу данных суверенного финансирования Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР)) свидетельствует о том, что пиковые значения объемов одобренного суверенного финансирования приходятся на периоды кризисов (2009, 2015, 2020 гг.) (рис. 4), основными донорами в регионе СНГ были Узбекистан, Казахстан, Грузия и Беларусь (рис. 5), а приток инвестиционного финансирования был обеспечен преимущественно Всемирным банком и Азиатским банком развития (рис. 6).

По финансовому счету платежного баланса (без учета операций с резервными активами и связанных с ними статей) объем чистого кредитования резидентами Республики Беларусь составил 3,1 млрд дол. США (5,2 % к ВВП), за январь—октябрь 2021 г. чистое внешнее заимствование составило 266,8 млн дол. США (0,5 % к ВВП) [см.: 8].

Внешнеэкономические операции с прямыми инвестициями в 2022 г. формировали чистое заимствование финансовых средств (1,5 млрд дол. США в январе—октябре 2022 г., в том числе за счет реинвестирования доходов — 1,4 млрд дол. США). Чистое кредитование финансовыми ресурсами осуществлялось главным образом в виде операций с прочими инвестициями в размере 4,3 млрд дол. США, а также портфельными инвестициями в размере 410,4 млн дол. США [6, с. 11].

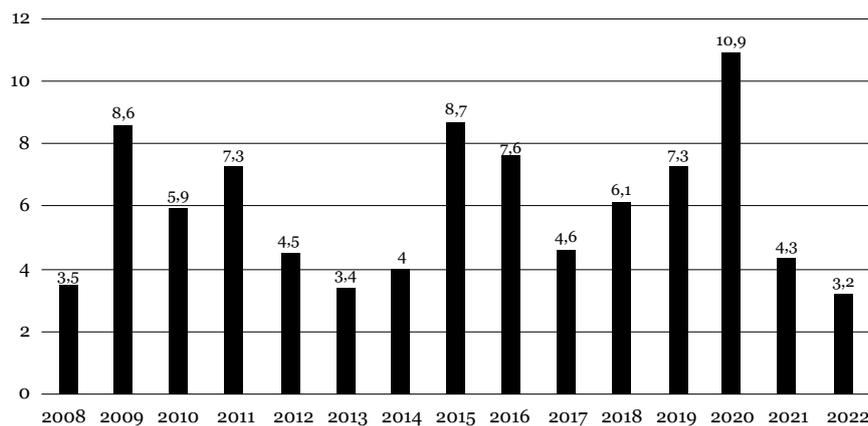


Рис. 4. Динамика объемов одобренного суверенного финансирования, млрд дол. США

Источники: составлено на основе Базы данных суверенного финансирования ЕФСР [1].

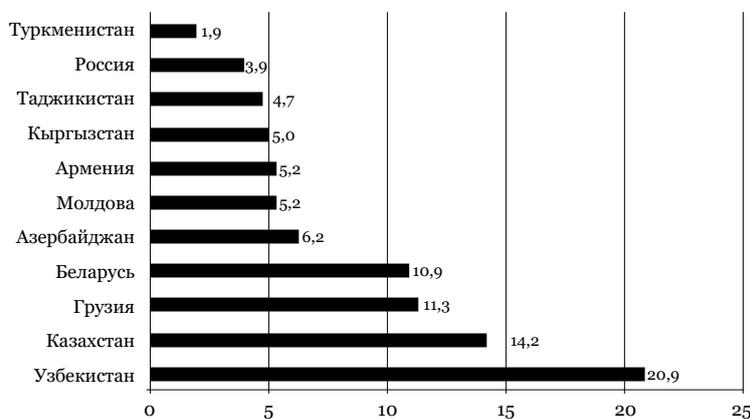


Рис.5. Объемы суверенного финансирования по странам в 2008–2021 гг., млрд дол. США

Источники: составлено на основе Базы данных суверенного финансирования ЕФСР [1].

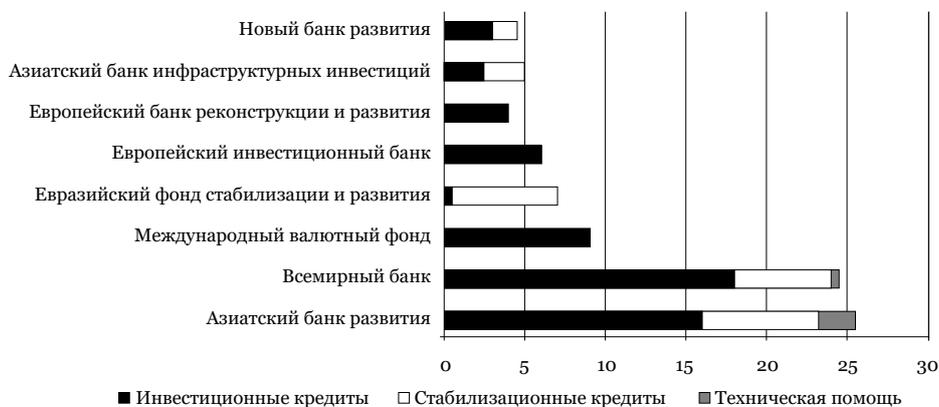


Рис. 6. Структура общего объема одобренного финансирования стран Евразийского региона международными финансовыми организациями в 2008–2021 гг., млрд дол. США

Источники: составлено на основе Базы данных суверенного финансирования ЕФСР [1].

Итак, современное состояние системы международных потоков капитала переходное и характеризуется:

- 1) асимметрией оказания финансовой помощи международными финансовыми организациями;
- 2) усилением приоритета макроэкономической и финансовой стабильности национальных экономик перед либерализацией движения капитала;
- 3) рещорингом (возвратом развитыми странами ранее выведенных производств и инвестиций из развивающихся стран);
- 4) чрезмерной долговой нагрузкой развивающихся стран в условиях ограничений спроса на их долговые инструменты;
- 5) регуляторными пробелами в обращении криптоактивов.

Переход системы международных потоков капитала в качественно новое состояние происходит в контексте динамичного взаимодействия государств, рынков и институтов в сфере мировых финансов, которое порождает противоречия и конфликты. Взаимодействие носит динамичный характер и основано на постоянном изменении интересов и ценностей.

Задача государств, международных организаций и компаний — обеспечить устойчивое функционирование системы мировых финансов в целом, в том числе посредством участия в реформировании системы международных потоков капитала.

Усилия международных организаций сосредоточены в области укрепления торговых связей с помощью уменьшения торговых барьеров, снижения цен и ослабления дефицита на продовольственные и иные товары благодаря диверсификации импорта и экспорта,

урегулированию проблемы задолженности через инструменты реструктуризации долга для стран с низкими доходами, модернизации трансграничных платежей.

Исходя из изложенного для обеспечения эффективности управления потоками капитала государствам в современных условиях необходимо:

- 1) ориентироваться на участие в международных финансовых организациях, разделяющих социально-политические приоритеты страны и потенциал экономического сотрудничества, в том числе в области проектного финансирования и инвестирования с нуля;
- 2) выстраивать систему регулирования потоков капитала с точки зрения приоритетности макроэкономической и финансовой стабильности, а также национальной финансовой безопасности;
- 3) принимать меры по снижению нагрузки по обслуживанию внешней задолженности, прежде всего, за счет создания условий для развития национального рынка частного капитала;
- 4) разработать и внедрить регуляторную основу управления криптоактивами. В качестве примера можно привести рекомендации МВФ по разработке стратегии [23], предусматривающей законодательное закрепление правового статуса криптоактивов, включение комплексных мер по регулированию криптоактивов в правовую базу по управлению потоками капитала, заключение международных соглашений по надзору за криптоактивами, создание моделей управления рисками для отслеживания предупреждающих сигналов по своевременному внедрению мер управления потоками капитала.

Список использованных источников

1. База данных суверенного финансирования (SFD) [Электронный ресурс] // Евразийский фонд стабилизации и развития. — Режим доступа: <<https://efsd.org/research/sfd/>>. — Дата доступа: 09.03.2023.
2. Годес, Н. Политэкономика мировых финансов / Н. Годес // Банкаўскі весн. — 2022. — № 8/709. — С. 33—41.
3. Дробышевский, С. Взаимодействие потоков капитала и основных макроэкономических показателей в Российской Федерации: науч. тр. № 94 / С. Дробышевский, П. Трунин; Ин-т экономики переходного периода. — М., 2006. — 108 с.
4. Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики. Разработка регуляторных подходов: международный опыт, практика государств — членов ЕАЭС, перспективы для применения в Евразийском экономическом союзе. — 90 с. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <<https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/704/Doklad>>. — Дата доступа: 25.02.2022.
5. Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций / Банк России. — М., 2022. — 37 с. [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf>. — Дата доступа: 25.02.2022.
6. Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь: аналит. обзорение, январь—ноябрь 2022 г. / Нац. банк Респ. Беларусь. — 33 с. [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by/publications/ectendencies/rep_2022_11_ot.pdf>. — Дата доступа: 25.02.2022.
7. Петрушкевич, Е. Н. Международные потоки прямых инвестиций в Республике Беларусь: оценка характера и влияния на национальную экономику / Е. Н. Петрушкевич // Белорус. экон. журн. — 2007. — № 7. — С. 58—79.
8. Платежный баланс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.nbrb.by/statistics/balpay>>. — Дата доступа: 25.02.2022.
9. Рудый, К. В. Финансовые механизмы внешнеэкономической стабилизации стран с переходной экономикой / К. В. Рудый; под ред. В. Н. Шимова. — Минск: БГЭУ, 2010. — 232 с.
10. Adrian, T. Financial Stability Risks Grow as War Complicates Push to Contain Inflation / T. Adrian [Electronic resource] // International Monetary Fund. — 19.04.2022. — Mode of access: <<https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/04/19/blog-gfsr-financial-stability-risks-grow-as-war-complicates-push-to-contain-inflation>>. — Date of access: 13.10.2022.
11. Barro, R. J. Convergence across States and regions / R. J. Barro, X. Sala-i-Martin // Brookings Papers on Economic Activity. — 1991. — Vol. 1991, N 1. — P. 107—182. (<https://doi.org/10.2307/2534639>)

12. Capital flow management measures in the Digital Age: Challenges of Crypto Assets: Fintech Notes: Note 2022/005, May 2022 / Dong He [et al.]; International Monetary Fund. — Washington, 2022. — 33 p. [Electronic resource] // International Monetary Fund. — Mode of access: <<https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2022/05/09/Capital-Flow-Management-Measures-in-the-Digital-Age-516671>>. — Date of access: 12.11.2022.
13. Countering the Cost-of-Living Crisis: World Economic Outlook, October 2022 / International Monetary Fund. — Washington, 2022 [Electronic resource] // International Monetary Fund. — Mode of access: <<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>>. — Date of access: 13.10.2022.
14. Horn, S. Coping with Disasters: Two Centuries of International Official Lending: NBER Working Paper 27343, June 2020 / S. Horn, C. M. Reinhart, C. Trebesch. — 68 p. [Electronic resource] // National Bureau of Economic Research. — Mode of access: <<https://www.nber.org/papers/w27343>>. — Date of access: 13.10.2022. (doi.org/10.3386/w27343)
15. Igan, D. Capital flows and institutions: BIS Working Paper N 994, January 2022 / D. Igan, A. R. Lauwers, D. Puy. — 60 p. [Electronic resource] // Bank for International Settlements. — Mode of access: <<https://www.bis.org/publ/work994.pdf>>. — Date of access: 13.10.2022.
16. International Tax Reforms and Sustainable Investment: World Investment Report 2022 / United Nations Conference on Trade and Development. — Geneva: United Nations, 2022. — 244 p. [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <<https://worldinvestmentreport.unctad.org/world-investment-report-2022>>. — Date of access: 13.10.2022.
17. Montiel, P. Do Capital Controls and Macroeconomic Policies Influence the Volume and Composition of Capital Flows? Evidence from the 1990s / P. Montiel, C. M. Reinhart // Journal of International Money and Finance. — 1999. — Vol. 18, N 4. — P. 619–635. ([https://doi.org/10.1016/S0261-5606\(99\)00021-2](https://doi.org/10.1016/S0261-5606(99)00021-2))
18. Obstfeld, M. Risk and Exchange Rates: NBER Working Paper 6694, August 1998 / M. Obstfeld, K. Rogoff. — 49 p. [Electronic resource] // National Bureau of Economic Research. — Mode of access: <<https://www.nber.org/papers/w6694>>. — Date of access: 13.11.2022. (doi.org/10.3386/w6694)
19. Review of The Institutional View on The Liberalization and Management of Capital Flows: Policy Paper N 2022/008, 30 March 2022. — 98 p. [Electronic resource] // International Monetary Fund. — Mode of access: <<https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2022/03/29/Review-of-The-Institutional-View-on-The-Liberalization-and-Management-of-Capital-Flows-515883>>. — Date of access: 13.10.2022.
20. Roubini, N. A Stagflationary Debt Crisis Looms / N. Roubini [Electronic resource] // Nouriel Roubini. — 29.06.2022. — Mode of access: <<https://nourielroubini.com/a-stagflationary-debt-crisis-looms/>>. — Date of access: 13.10.2022.
21. Topsy-turvy world: net transfer of resources from poor to rich countries: policy brief N 78, May 2020. — 4 p. [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <https://unctad.org/system/files/official-document/presspb2020d2_en.pdf>. — Date of access: 13.10.2022.
22. Trade-Related Illicit Financial Flows: Data by Country [Electronic resource] // Global Financial Integrity. — Mode of access: <<https://gointegrity.org/iif-data-by-country/>>. — Date of access: 25.02.2022.
23. Why the IMF is Updating its View on Capital Flows / T. Adrian [et al.] [Electronic resource] // International Monetary Fund. — 30.03.2022. — Mode of access: <<https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/03/30/blog033122-why-the-imf-is-updating-its-view-on-capital-flows>>. — Date of access: 12.11.2022.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2022 г., доработана в марте 2023 г.

ГОСТИНИЧНЫЙ СЕКТОР РЕСПУБЛИКИ КУБА: СТРАНОВАЯ СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ

Виктория Дедок

В статье представлены обзор гостиничного сектора Республики Куба, страновая специфика его развития. Определено, что основным стимулом в формировании имеющего многолетнюю историю гостиничного бизнеса Кубы является международный туризм. Ключевая роль в стремительном росте национального гостиничного сектора за последние три десятилетия принадлежит поддержке со стороны государства и иностранным инвестициям.

Ключевые слова: гостиничные сети; гостиничный сектор; иностранные инвестиции; международный туризм; Республика Куба.

«The Hotel Sector of the Republic of Cuba: Country-specific Development» (Victoria Dedok)

The article presents an overview of the hotel sector in the Republic of Cuba, its country-specific development. It is determined that the main driver for the formation of Cuba's long-standing hotel business is international tourism. The key role of the rapid development of the national hotel sector over the past three decades belongs to government support and foreign investment.

Keywords: foreign investment; hotel chains; hotel sector; international tourism; Republic of Cuba.

На протяжении последних трех десятилетий индустрия туризма и гостеприимства на Кубе приобрела вжаную роль, о чем свидетельствует анализ статистических данных. Ежегодное количество международных прибытий на Кубу за последние три десятилетия имело преимущественно положительную динамику, что привело к многократному приросту данного показателя: в 1988 г. количество прибытий туристов в год составило 309,2 тыс. чел. [10], в то время как в 2018 г. этот показатель возрос до 4,712 млн чел. (более чем в 10 раз) [7]. Динамика доходов от международного туризма в период с 1995 по 2018 г. также характеризуется как положительная: в 1995 г. доходы от туризма составили 1,1 млрд дол. США, в 2018 г. — 2,8 млрд дол. США (+250 %) [8].

Геоэкономическое положение Кубы в структуре поляризованного туристического пространства мира характеризуется как центральное [11, р. 23]. Это свидетельствует о том, что Куба имеет относительно высокий уровень развития индустрии гостеприимства и тесно вовлечена в международное туристическое движение, несмотря на определенную экономическую и политическую изоляцию.

В контексте развития международного туризма в стране отмечается положительная динамика развития гостиничной инфраструк-

туры: номерной фонд увеличился с 10,0 тыс. комнат в 1988 г. [4, р. 458] до 47,5 тыс. комнат в 2003 г. (ежегодный темп роста более 10 %); в 2020 г. этот показатель составил уже более 70,0 тыс. комнат [1]. Такой многократный рост номерного фонда свидетельствует об успешном развитии гостиничного сектора в стране, обусловленном стратегически корректным планированием деятельности по его развитию на национальном и международном уровне как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Исследование данного факта формирует актуальность выбранной темы.

Цель статьи — рассмотреть страновые особенности развития гостиничного сектора Республики Куба.

Исследования развития гостиничного сектора Республики Куба на национальном и международном уровнях в научных публикациях отечественных авторов практически не представлены. Информация об актуальном состоянии развития индустрии туризма и гостеприимства доступна преимущественно в материалах интервью представителей Министерства туризма Кубы в России. В зарубежной же научной литературе представлено достаточное количество публикаций, посвященных исследованию разных аспектов развития индустрии туризма и гостеприимства Респуб-

Автор:

Дедок Виктория Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: viktoria_dedok@yahoo.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Dedok Victoria — Candidate of Economy, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: viktoria_dedok@yahoo.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

лики Кубы: законодательство (Х. Сервино, Х. Боначе Перес [4]), история (Т. Хенторн [6]), вклад в экономику, общий обзор и аналитика (Ф. Питерс [9], К. Саддаби [10]), перспективы развития (Дж. Х. Томас, М. Киттерлин-Линч, Д. Лоренсо дель Валье [12]). Развитие гостиничного сектора представлено в контексте рассмотрения общих вопросов.

В истории развития гостиничного сектора Кубы автор выделяет следующие этапы: 1915—1930-е гг., конец 1940-х — 1950-е гг., 1960—1970 гг., 1980—2000 гг., 2000 г. — настоящее время.

Изначально развитие туризма лежало в основе формирования гостиничного сектора и до настоящего момента играет ключевую роль. По этой причине следует подробнее рассмотреть период зарождения массового туризма на Кубе, туристический спрос к которой был сформирован более века назад. Начиная с 1915 г. туристы посещали Гавану как крупнейшую туристическую точку того времени в Карибском бассейне. Соседство с США также сыграло определенную роль в развитии туризма: значительное количество туристов из Новой Англии предпочитали проводить зимний период времени на теплой и солнечной Кубе. Кроме благоприятных климатических условий, в то время в Гаване был хороший уровень гигиены по сравнению с другими городами Карибских островов. В декабре 1917 г. была принята Восемнадцатая поправка к Конституции США, налагавшая запрет на производство, продажу и транспортировку алкоголя. Она вступила в силу в январе 1920 г. Данное обстоятельство послужило одним из ключевых факторов, сформировавших туристический бум на Кубе в 1920—1930 гг. Ежегодное количество туристов из США выросло с 44 до 90 тыс. чел. в период с 1919 по 1926 г. Кроме этого, в 1926 г. ураган в Майами уничтожил многие из недавно построенных отелей и опустошил большие участки земли, что обусловило приток дополнительного числа туристов на Кубу. Остров был открыт для бизнеса и туризма, обеспечивая всем необходимым требовательных туристов с высоким уровнем платежеспособности. Развитие туризма сопровождалось притоком иностранных инвестиций в гостиничный и ресторанный сектор. Открывались новые отели, бары, рестораны; значительные инвестиции были вложены в модернизацию уже существующих объектов недвижимости в целях обеспечения должного уровня сервиса и качества оказываемых услуг туристам из США [6, p. 12].

Развитие индустрии туризма и гостеприимства на Кубе стремительно развивалось благодаря наличию транспортных маршрутов, осуществляемых рядом транспортных компаний. *Peninsular and Occidental Steamship Company (P&O)* — британская логистическая компания, предлагала как грузовые, так и пассажирские перевозки на Кубу. Пароход *SS Florida* совер-

шал несколько еженедельных рейсов из Майами и Ки-Уэста. Круизный лайнер на 725 пассажиров предлагал билеты туда и обратно всего за 46 дол. США (около 500 дол. США в пересчете на цены 2018 г.). Во время ночного путешествия к услугам гостей были отдельная каюта с вентиляторами и водопроводом, вкусная еда и танцы под корабельный оркестр [6, p. 12].

Ряд других компаний осуществляли перевозки между США и Кубой в тот же период. Компания *New York and Cuba Mail Steamship Company*, также называемая *Ward Line*, выполняла рейсы туда и обратно от терминала Нью-Йорка на Манхэттене до Гаваны. *Munson Steamship Line* предлагала очень выгодный пассажирский маршрут между Нью-Йорком и Гаваной. Базирующаяся в Новом Орлеане компания *Vaccaro Brothers & Company Line* управляла двумя кораблями: *Contessa* и *Cefalu*. Корабли отправлялись из Нового Орлеана и заходили в порты Кубы, а также останавливались в других странах. Их недельные туры по системе «все включено» на Кубу и в Панаму рекламировались менее чем за 100 дол. США [6, p. 13].

Отдельного внимания заслуживает наличие в то время железнодорожного маршрута *Havana Special*, который пролегал от Нью-Йорка до Гаваны (42 ч в пути). На участке от Ки-Уэста до Гаваны железнодорожные вагоны перегружались на огромные паромы. Таким образом, пассажирам не приходилось покидать комфортные каюты вагона поезда на протяжении всего пути; отрезок пути по морю занимал 10 ч. Наличие маршрута *Havana Special* обеспечило приток на Кубу тысяч состоятельных путешественников. Данный маршрут работал более 20 лет, пока ураган в 1935 г. не уничтожил участок железной дороги Майами — Ки-Уэст [6, p. 13].

30 декабря 1930 г. был открыт легендарный отель *Nacional de Cuba*, который стал культовым образом Гаваны так же, как Эйфелева башня в Париже [6, p. 15]. С самых первых дней сюда стали заселяться высокопоставленные гости, знаменитости: гостевая книга отеля хранит их пожелания. В 1930-е гг. период активного развития туризма на Кубе завершился, что было обусловлено преимущественно последствиями экономического кризиса, известного как Великая депрессия, а также отменой Восемнадцатой поправки к Конституции США в 1933 г.

Лишь в начале 1950-х гг. индустрия туризма вновь обрела свое развитие. В период 1948—1957 гг. наблюдался рост числа прибытий туристов (+94 %), что обусловило лидерскую позицию Кубы по развитию туризма среди стран Карибского бассейна. Структура въездного потока была сформирована преимущественно туристами из США. По данным на 1957 г., количество американских туристов составило

272,3 тыс. чел., или 89 % от общего количества туристов. В этот год на Кубу пришлось 32 % прибытий в страны региона Карибского бассейна. В 1956 г. номерной фонд Кубы составил 3716 комнат, или 37 % от общего номерного фонда стран Карибского бассейна (10 134 комнат) [3, р. 226]. Следует отметить, что совокупный номерной фонд основных стран-конкурентов в регионе Карибского бассейна в тот период (Пуэрто-Рико, Ямайка, Багамские острова и Нидерландские Антильские острова) уступал номерному фонду Кубы. Характерной особенностью того периода является развитие казино, ночных клубов, развлечений, что имело крайне негативные последствия для местного населения.

После событий 1959 г. стал наблюдаться резкий спад в развитии индустрии туризма (в 1960 г. количество прибытий туристов составило 61 тыс. чел., в 1961 г. — 4180 чел.) [3, р. 227]. Многочисленные отели перешли под управление государства, казино и ночные клубы были закрыты. Определенный период времени развитие индустрии туризма и гостеприимства не входило в приоритетные направления национального развития.

Начиная с 1970-х гг. на уровне правительства было принято решение по диверсификации экономики посредством развития туризма, в 1976 г. открылся Национальный институт туризма [9, р. 2]. В 1987 г. на законодательном уровне была закреплена возможность создания совместных предприятий в сфере туризма и гостеприимства посредством привлечения иностранных инвестиций в экономику Кубы. Важно отметить, что обязательным требованием в данном случае являлось наличие кубинского партнера в структуре совместного предприятия. Была создана новая государственная корпорация *Cubanacan* в целях развития индустрии туризма и гостеприимства и установления партнерских отношений с иностранным

инвесторами [4, р. 457]. Эти правительственные решения кардинально изменили положение дел в индустрии туризма и гостеприимства и открыли возможность для развития туристической инфраструктуры на острове, создания новых рабочих мест, валютных поступлений, налоговых отчислений.

Первое совместное предприятие было организовано в 1988 г. кубинской корпорацией *Cubanacan* и испанской гостиничной сетью *Sol Melia* в целях строительства и введения в эксплуатацию отеля в туристическом регионе Варадеро. Отель под названием *Sol Palmeras* был открыт в 1990 г. В этом же году в партнерстве с немецкой гостиничной компанией *LTI International Hotels* был построен и начал принимать посетителей еще один отель *Tuxpan Hotel* [4, р. 457].

В 1989 г. была создана вторая кубинская гостиничная компания — *Gaviota*. В 1994 г. появились несколько государственных туристических корпораций и гостиничных сетей для поощрения иностранных инвестиций и активностей, связанных с гостиничным бизнесом и туризмом в целом: *Gran Caribe Hotel Group*, *Horizontes Hotels* и *Islazul* [10].

Динамика развития гостиничного сектора Кубы в период с 1990 по 1996 г., представленная в табл. 1, демонстрирует постепенный ежегодный рост номерного фонда по всей стране. Безусловно, номерной фонд распределен неравномерно: лидерские позиции сохраняются за Гаваной и Варадеро.

На Кубе принята система классификации гостиниц, в соответствии с которой их подразделяют на категории от 1 до 5 звезд. Так, согласно данным табл. 2, в 1995 г. в гостиничном секторе преобладали гостиницы 3 и 4 звезды (37 и 32 % соответственно), доля отелей категории 5 звезд составила лишь 4,6 %. Распределение номерного фонда по категориям было следующим: 13 % — 2 звезды, 28 — 3 звезды,

Таблица 1

Структура номерного фонда Кубы по географическим регионам, ед.

Регион	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	2000 ^а
Гавана	4197	4936	6624	6690	7318	7664	8346	10 664
Варадеро	4145	5614	5622	6641	7151	7273	8675	14 773
Южное побережье	432	669	632	1192	1192	1374	1049	1874
Север провинции Камагуэй	449	739	739	952	952	1343	1296	2343
Север провинции Ольгин	816	1079	1043	1000	1235	1594	1632	2594
Юг провинции Ориенте	868	1455	1505	1643	1567	1737	1725	2489
Лос-Канарреос	264	308	308	554	554	560	682	1310
Север провинции Сьего-де-Авила	—	—	—	458	678	821	1521	5621
Иные	1695	1838	2189	3009	2607	1867	1952	7888
Итого	12 866	16 638	18 662	22 139	23 254	24 233	26 878	49 556

^а — прогнозные данные Министерства туризма Республики Куба. Источники: [10].

47 — 4 звезды, 12 % — 5 звезд (табл. 3). Таким образом, около половины гостиничного номерного фонда страны соответствовало уровню 4 звезды, в то время как уровню 5 звезд — чуть более 10 %. Ситуация кардинально изменилась с приходом иностранных инвесторов и активным развитием гостиничного сектора.

Согласно прогнозным ожиданиям Министерства туризма Кубы, к 2000 г. предполагалось, что номерной фонд страны увеличится почти вдвое. Ожидания не были достигнуты в полной мере. В 2003 г. на Кубе насчитывалось 263 отеля с номерным фондом 47 596 комнат (табл. 4) — 2-е место среди стран Карибского бассейна по емкости гостиничного сектора.

При этом 70 % из имеющегося номерного фонда относится к отелям уровня 4 и 5 звезд. Более того, к концу 2003 г. 28 % отелей (73 из 263) и 56 % номерного фонда (26 535 из 47 596 комнат) находились под управлением 17 международных гостиничных сетей (контракт на управление или совместное предприятие). Стоит отметить, что все эти отели относились к 4- и 5-звездочным, за исключением отелей под управлением *Hotetur* и *CRET* (3-звездочные). Иная ситуация с отелями, на-

ходящимися в государственной собственности и государственном управлении: более 50 % отелей (более 100 из 190) относились к уровню 2 и 3 звезды. Данный факт свидетельствует о заинтересованности иностранных инвесторов в отелях высокого уровня сервиса, что может объясняться рядом причин: иностранные партнеры обладают необходимыми знаниями, навыками, технологиями для организации работы отелей высокого уровня; отели такого уровня более интересны для туристов, которые обладают достаточной платежеспособностью для получения продукта высокого качества; высокая экономическая результативность функционирования отеля обеспечивает возврат инвестиций в короткий срок. Тенденция открытия отелей высокого уровня сохраняется и в настоящее время, о чем свидетельствуют статистические данные Министерства туризма Кубы. Так, на конец 2022 г. распределение гостиничного номерного фонда (77,8 тыс. комнат) по категориям было следующим: 44,5 % — 5 звезд, 29,6 % — 4 звезды [5].

Анализируя данные по распределению гостиниц и номерного фонда среди кубинских гостиничных операторов (табл. 5), можно отметить, что в 2003 г. *Cubanacan* и *Gran*

Таблица 2

Распределение отелей на Кубе по категориям в 1995 г., ед.

Регион	Количество отелей				
	2 звезды	3 звезды	4 звезды	5 звезд	ВСЕГО
Гавана	10	16	17	4	47
Варадеро	6	9	18	2	35
Южное побережье	4	6	3	—	13
Север провинции Камагуэй	2	4	2	—	8
Север провинции Ольгин	4	4	4	—	12
Юг провинции Ориенте	3	9	3	1	16
Лос-Канарреос	—	4	4	—	8
Север провинции Сьего-де-Авила	1	1	2	1	5
Иные	16	13	3	—	32
Итого	46	66	56	8	176

Источник: [10].

Таблица 3

Распределение номерного фонда на Кубе по категориям в 1995 г., ед.

Регион	Количество комнат				
	2 звезды	3 звезды	4 звезды	5 звезд	ВСЕГО
Гавана	825	2689	3011	1821	8346
Варадеро	1084	1017	5834	740	8675
Южное побережье	149	266	634	—	1049
Север провинции Камагуэй	58	668	570	—	1296
Север провинции Ольгин	174	762	696	—	1632
Юг провинции Ориенте	190	943	290	302	1725
Лос-Канарреос	1	131	551	—	683
Север провинции Сьего-де-Авила	7	144	912	458	1521
Иные	937	962	53	—	1952
Итого	3425	7582	12 551	3321	26 879

Источник: [10].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Таблица 4

Структура гостиничного сектора Кубы в 2003 г.

Форма собственности и управления	Кубинский оператор	Иностранный партнер	Страна происхождения иностранного партнера	Категория отеля, звезд	Количество, ед.		
					отелей	комнат	
Государственная собственность и иностранное управление	Cubanacan	Iberostar	Испания	4, 5	3	1060	
		Brau		5	1	458	
		Sol Melia		5	3	1216	
		Sandals	Ямайка	5	2	754	
		Superclubs		4	2	520	
		LTI	Германия	4	2	680	
		Barcelo Hotels	Испания	4	1	510	
	Valtur	Италия	4	1	400		
	Gran Caribe Hotel Group	Iberostar	Испания	4	2	690	
		Rui Hotels		4	3	666	
		Hotels C		4	3	855	
		Barcelo Hotels		4	4	850	
		Sol Melia	4, 5	8	3242		
		Superclubs	Ямайка	4	1	532	
		Accor	Франция	4, 5	3	875	
	Gaviota	Sol Melia	Испания	4, 5	9	3647	
		Occidental Hotels		4, 5	3	1458	
		Brau		4	1	325	
		Grupo Piñeiro	5	1	225		
		Maritim	Германия	4	3	930	
		Superclubs	Ямайка	5	1	480	
		Grand Med	Франция	5	1	550	
	Horizontes Hotels	Hotetur	Испания	3	2	800	
		Brau		4	1	169	
		CRET		3	1	85	
	Итого					62	21 977
	Совместное предприятие и иностранное управление	Cubanacan	Brau	Испания	5	1	395
			4		1	356	
Sol Melia			4, 5		3	1345	
NH Hotels			4	1	277		
LTI			Германия	4	1	350	
Superclubs		Ямайка	4	1	400		
Gran Caribe Hotel Group		Leisure Canada	Канада	5	1	850	
	Accor	Франция	5	2	585		
Итого					11	4558	
Государственная собственность и государственное управление	Cubanacan			2, 3, 4	65	4900	
	Horizontes Hotels			3	44	7000	
	Gaviota			3, 4, 5	12	2010	
	Gran Caribe Hotel Group			4, 5	25	4551	
	Habaguanex			4	16	1300	
	Islazul			2, 3	28	1300	
Итого					190	21 061	
Всего					263	47 596	

Источник: [4, р. 459].

Caribe Hotel Group являлись лидерами по общему количеству отелей и комнат (88 отелей, 13 621 комната и 52 отеля, 13 696 комнат соответственно). Далее следуют *Gaviota* и *Horizontes Hotels* (31 отель, 9625 комнат и 48 отелей и 8054 комнаты соответственно). Компании *Habaguanex* и *Islazul* имеют одинаковый номерной фонд (по 1300 комнат), но разное количество отелей: 16 и 28 соответственно. В процентном соотношении общий номерной фонд гостиничного сектора Кубы распределен следующим образом: *Cubanacan* — 28,6, *Gran Caribe Hotel Group* — 28,8, *Gaviota* — 20,2, *Horizontes Hotels* — 17,0, *Habaguanex* и *Islazul* — по 2,7 %.

По числу отелей государственной формы собственности, равно как и по количеству отелей, созданных как совместное предприятие, лидирующие позиции занимают *Cubanacan* (80 отелей в государственной собственности, 15 из которых имеют иностранное управление; 8 отелей функционируют как совместные предприятия) и *Gran Caribe Hotel Group* (49 отелей в государственной собственности, 24 из которых имеют иностранное управление; 3 отеля функционируют как совместные предприятия). Примечательно, что в 2003 г. отели компаний *Habaguanex* и *Islazul* имели только государственную форму собственности и государственное управление.

Исследователи отмечают ряд преимуществ трудоустройства местного населения в гостиничном секторе, что характеризует данную сферу крайне низким уровнем текучести кадров. Это, в свою очередь, стимулирует работодателей развивать персонал, не опасаясь его увольнения в скором времени и перехода к конкурентам.

Приход иностранных инвесторов в гостиничный сектор Кубы позволил решить ряд задач по его развитию: строительство новых отелей обеспечило рост номерного фонда; строительство отелей преимущественно категории 4 и 5 звезд повысило международную конкурентоспособность гостиничного сектора по качеству оказываемых услуг; успешные зарубежные практики по управлению отелем, а также современные компьютерные технологии, программное обеспечение, с одной стороны, формировали гостиничный продукт высокого качества, а с другой — служили основой трансфера знаний, которые использовались как сотрудниками и партнерами из числа местных жителей, так и государственными отелями. Другими словами, приход иностранных гостиничных компаний в значительной мере обеспечил ускорение развития национального гостиничного сектора Кубы, а также рост международной конкурентоспособности, развитие национальных гостиничных операторов на фоне трансфера ноу-хау в сфере го-

Таблица 5

Структура гостиничного сектора Кубы в контексте национальных гостиничных компаний в 2003 г.

Количество, ед.	Государственная собственность и иностранное управление	Совместное предприятие и иностранное управление	Государственная собственность и государственное управление	ВСЕГО	
				ед.	%
<i>Cubanacan</i>					
Номера	5598	3123	4900	13 621	28,6
Отели	15	8	65	88	33,5
<i>Gran Caribe Hotel Group</i>					
Номера	7710	1435	4551	13 696	28,8
Отели	24	3	25	52	19,7
<i>Gaviota</i>					
Номера	7615	—	2010	9625	20,2
Отели	19	—	12	31	11,8
<i>Horizontes Hotels</i>					
Номера	1054	—	7000	8054	17,0
Отели	4	—	44	48	18,3
<i>Habaguanex</i>					
Номера	—	—	1300	1300	2,7
Отели	—	—	16	16	6,1
<i>Islazul</i>					
Номера	—	—	1300	1300	2,7
Отели	—	—	28	28	10,6
Итого: номеров	21 977	4558	21 061	47 596	100
отелей	62	11	190	263	100

Источники: составлено автором по данным [4, p. 459].

стиничного менеджмента, маркетинга, качества сервиса, навыков продвижения и продаж. Если в начале 1990-х гг. в структуре совместных предприятий иностранные инвестиции преобладали, так как национальные партнеры не обладали значительными финансовыми ресурсами, то уже в начале 2000-х гг. были примеры, когда на долю национальной гостиничной компании приходилось 100 % инвестиций при строительстве нового гостиничного объекта высокого уровня, а при его открытии управление осуществлялось только кубинским оператором. Так, отель *Playa Pesquero Resort* (944 комнаты), инвестиции в который составили около 100 млн дол. США [4, р. 458], построен и управляется компанией *Gaviota*; отель *Gran Caribe Hotel Varadero International*, конструирующийся как по качеству, так и по уровню сервиса с другими хорошо известными международными гостиничными брендами, также принадлежит кубинскому гостиничному оператору *Gran Caribe Hotel Group*.

Важно отметить развитие на Кубе частных средств размещения (*casas particulares*), сходных с объектами концепции «размещение и завтрак» (от англ. *bed and breakfast*), которые составляют конкуренцию гостиничным объектам. Программа «*Casa particular*» была принята на Кубе в 1997 г. в целях поддержки местного населения, тем самым содействуя развитию индустрии гостеприимства в стране. В силу либерального законодательства сегмент арендного частного жилья получил повсеместное развитие. В 2002 г. в стране насчитывалось около 6000 комнат, стоимость аренды в сутки варьировала от 25 до 50 дол. США [9, р. 11]. Можно отметить, что модель совместного потребления в индустрии гостеприимства, которую принято в настоящее время ассоциировать с платформой *Airbnb*, имела свое развитие на Кубе намного ранее. Спрос со стороны путешественников на частное арендное жилье во многом был обусловлен, в первую очередь, желанием поближе познакомиться с местной жизнью, а также более доступными ценами на проживание по сравнению с отелями. Проживание в *casas particulares* предполагает аренду комнаты или места в комнате в доме, в котором проживают его владельцы (90 % из предлагаемых вариантов), или же аренду апартаментов либо дома целиком (без проживания в нем владельцев).

Следует отметить, что официально арендное жилье можно предлагать туристам после получения соответствующей лицензии и уплаты налога, о чем свидетельствует наличие специальной таблички на доме синего (для всех туристов) или красного (только для кубинских туристов) цвета.

Необходимость наличия комплекса услуг для проживающих в частном арендном жилье обусловила рост занятости местного населения посредством развития предпринимательской

деятельности для обеспечения услуг прачечной, инженерного обслуживания, транспортных услуг и др.

По данным на 2012 г., на Кубе функционировали 334 отеля, из которых 71 % относился к пляжным объектам размещения, 23 — к городским отелям и 2 % — к отелям, размещенным на заповедных природных территориях. Число комнат в сегменте арендного частного жилья составило 8530 (+42 % по сравнению с 2002 г.) [12, р. 9]; гостиничный номерной фонд страны — 58 434 комнаты, $\frac{2}{3}$ из которых относились к отелям уровня 4 и 5 звезд [11, р. 9]. К началу 2020 г. в эксплуатацию было введено 4200 гостиничных номеров и общий гостиничный номерной фонд составил более 70 тыс. комнат [1].

Варадеро — один из наиболее популярных морских курортов Кубы (узкая полоса песчаных пляжей, протянувшаяся на 20 км в море), находится на севере провинции Матансас примерно в 140 км к востоку от Гаваны. По данным на 2020 г., на его территории расположено 60 отелей (22 217 комнат), из которых отели категории 5 звезд составляют 48 %, 4 звезды — 38, 3 звезды — 14 %. Практически все отели (97 %) работают по системе «все включено», 83 % гостиничного номерного фонда находится под управлением 11 иностранных гостиничных сетей высокого уровня. Частный сектор арендного жилья составил 1428 мест. В 2018 г. провинцию Матансас посетили около 2,5 млн иностранных туристов. В основном пляжи и отели Варадеро посещают туристы из Канады, Германии, России, Франции, Великобритании, Аргентины, Италии, Испании и Чили [1].

В период пандемии *COVID-19* на Кубе не прекращались инвестиции в строительство новых отелей и содержание уже существующих гостиничных комплексов [2]. Данный факт лишь подтверждает, что правительство Кубы предпринимает действия по дальнейшему укреплению индустрии туризма как одного из основных секторов экономики страны, а отрасль гостеприимства остается одним из важнейших источников дохода для национальной экономики [1]. Вероятнее всего, положительные темпы роста гостиничного номерного фонда сохранятся.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать следующие выводы: гостиничный сектор Кубы имеет многолетнюю историю развития со спадами и подъемами; имеется неравномерное территориальное развитие номерного фонда; основным стимулом в развитии гостиничного бизнеса является международный туризм; на морских курортах преобладают отели высокого уровня сервиса (4 и 5 звезд); частное арендное жилье имеет высокую степень развития на национальном уровне; ключевая роль в стремительном развитии национального гостиничного сектора за последние три десятилетия принадлежит под-

держке со стороны государства и иностранным инвестициям. Уникальная модель взаимодействия государственных корпораций и иностранных компаний, а также взаимовыгодные условия совместного ведения бизнеса составляют основу развития кубинского гостинич-

ного сектора. Очевидно, что в настоящее время «туризм на Кубе больше, чем туризм» [1], что гарантирует национальному гостиничному сектору в ближайшей перспективе многостороннюю поддержку со стороны государства в развитии и процветании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Моисеев А. Туризм на Кубе больше, чем туризм / А. Моисеев [Электронный ресурс] // Международная жизнь. — 20.01.2020. — Режим доступа: <<https://interaffairs.ru/news/show/25112>>. — Дата доступа: 02.02.2023.
2. Моисеев, А. Хроника мирового туризма. Куба ожидает возвращения туристов из России / А. Моисеев // Международная жизнь. — 11.05.2022. — Режим доступа: <<https://interaffairs.ru/news/show/35126>>. — Дата доступа: 02.02.2023.
3. Cerviño, J. Hotel and Tourism Development in Cuba / J. Cerviño, J. M. Cobillo // Cornell Hospitality Quarterly. — 2005. — Vol. 46, N 2. — P. 223–246. (<https://doi.org/10.1177/0010880405275316>)
4. Cerviño, J. Hotel management in Cuba and the transfer of the best practices / J. Cerviño, J. Bonache Perez // International Journal of Contemporary Hospitality Management. — 2005. — Vol. 17, N 6. — P. 455–468. (<https://doi.org/10.1108/09596110510612103>)
5. Cuba [Electronic resource] // Tourism Analytics. — Mode of access: <<https://tourismanalytics.com/cuba.html>>. — Date of access: 01.02.2023.
6. Henthorne, T. L. Tourism in Cuba: casinos, castros, and challenges / T. L. Henthorne. — Emerald Publishing Limited, 2018. — 142 p. (<http://doi.org/10.1108/9781787439023>)
7. International tourism, number of arrivals — Cuba [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <<https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL?end=2020&locations=CU&start=1995&view=chart>>. — Date of access: 02.02.2023.
8. International tourism, receipts (current US\$) — Cuba [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <<https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.RCPT.CD?end=2020&locations=CU&start=1995&view=chart>>. — Date of access: 02.02.2023.
9. Peters, Ph. International tourism. The new Engine of the Cuban Economy / Ph. Peters. — Arlington: Lexington Institute, 2002. — 16 p. [Electronic resource] // Lexington Institute. — Mode of access: <<https://www.lexingtoninstitute.org/wp-content/uploads/Cuba/international-tourism.pdf>>. — Date of access: 02.02.2023.
10. Suddaby, Ch. Cuba's Tourism Industry / Ch. Suddaby [Electronic resource] // Association for the Study of the Cuban Economy. — 30.11.1997. — Mode of access: <https://www.ascecuba.org/asce_proceedings/cubas-tourism-industry/>. — Date of access: 02.02.2023.
11. Tarasionak, A. Geo-economic position of Belarus as a tourist destination / A. Tarasionak // Journal of Geography, Politics and Society. — 2016. — Vol. 6, N 4. — P. 15–26. (<https://doi.org/10.4467/24512249JG.16.023.5810>)
12. Thomas, J. H. Cuba's Future Hospitality and Tourism Business: Opportunities and Obstacles: Cornell Hospitality Report: Vol. 15, N. 11. August 2015 / J. H. Thomas, M. Kitterlin-Lynch, D. Lorenzo Del Valle. — 16 p. [Electronic resource] // Cornell University Library. — Mode of access: <<https://ecommons.cornell.edu/handle/1813/71200>>. — Date of access: 02.02.2023.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2023 г.

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ПО РЕКОНСТРУКЦИИ УЧАСТКА АВТОМОБИЛЬНОЙ ДОРОГИ М-10)

Людмила Филиппова

На основе изученной методологии оценки социально-экономических эффектов, возникающих в результате развития транспортной инфраструктуры, произведены расчеты суммарной социально-экономической эффективности инвестиционного проекта реконструкции участка автомобильной дороги М-10 «Речица — Калинковичи», реализуемого на принципах государственно-частного партнерства. Данный проект будет способствовать рациональному развитию и улучшению технического состояния сети автомобильных дорог общего пользования для удовлетворения потребностей экономики и населения Республики Беларусь в автотранспортных связях, а также интеграции магистральных дорог в Европейскую транспортную систему.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; магистраль М-10; социально-экономический эффект; транспорт.

«Assessment of the Socio-economic Efficiency of Investments in Transport (Based on the Example of a Public-Private Partnership Project for the Reconstruction of the M-10 Highway Section)» (Liudmila Filipava)

Based on the methodology for the socio-economic effects assessment arising from the development of transport infrastructure, calculations were made of the total socio-economic efficiency of the public-private partnership investment project for the reconstruction section of the M-10 «Rechitsa — Kalinkovich» highway section. This project will contribute to the improvement of the technical condition of the public highway network to meet the needs of the population in transport links, as well as the integration of main routes into the European transport system.

Keywords: M-10 highway; public-private partnership; socio-economic effect; transport.

В современных условиях одним из ключевых факторов поддержания долгосрочного устойчивого и сбалансированного экономического роста любой страны является развитие инфраструктурного сектора [32], в связи с чем возникает острая необходимость поиска и диверсификации источников его финансирования. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы отмечается государственно-частное партнерство (ГЧП), которое позволит реализовать долгосрочные инфраструктурные проекты на основе распределения рисков и ответственности между бизнесом и государством [9].

Целесообразность развития ГЧП обусловлена не только его более высокой социально-экономической эффективностью в сравнении с бюджетным финансированием, достигаемой

в результате синергетического эффекта от концентрации ресурсов двух основных хозяйствующих субъектов, но и решением ряда вопросов национальной экономики Республики Беларусь. Согласно данным Национального инфраструктурного плана, среднегодовая потребность в инвестициях в стране составляет 3,58 млрд дол. США [7, с. 20]. При этом суммарные расходы республиканского бюджета по статьям «Промышленность, строительство и архитектура», «Транспорт», «Дорожное хозяйство», «Связь», «Топливо и энергетика» республиканского бюджета на инфраструктуру в 2021 г. составили только 30 % (1,074 млрд дол. США) от необходимого объема финансирования [14]. Принимая во внимание, что земли, на которых располагаются объекты транспорта, не подлежат передаче в частную собственность [6], особую актуальность приобретает разви-

Автор:

Филиппова Людмила Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: filippova_le@list.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Filipava Liudmila — Candidate of Economy, Associate Professor of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: filippova_le@list.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

тие ГЧП в форме концессии, предполагающей передачу таких объектов во временное пользование частному инвестору.

Первый национальный ГЧП-проект в сфере транспортной инфраструктуры, предусматривающий реконструкцию и последующее обслуживание участка магистрали М-10, включен в Государственную программу «Дороги Беларуси» на 2021—2025 годы [11]. Кроме того, его реализация закреплена в Указе Президента Республики Беларусь от 26 ноября 2018 г. № 461 (далее — Указ № 461) [13]. В январе 2019 г. состоялась презентация («роуд-шоу») проекта, организаторами которой выступили Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, в целях ознакомления заинтересованных организаций с проектом, а также поиска потенциальных инвесторов для его реализации [32].

В рамках данной статьи автором была принята попытка произвести оценку социально-экономической эффективности проекта реконструкции участка автомобильной дороги М-10 «Речица — Калинковичи».

До недавнего времени изучению социальной составляющей инвестиционных проектов не уделялось должного внимания и социальные эффекты воспринимались как второстепенные по отношению к экономическим. Первые попытки измерения социального воздействия были предприняты в 1970-х гг. в рамках концепции «затрат — выгод» (*cost-benefit analysis, CBA*) [29], основанной на экономике благосостояния. Несмотря на преимущества данного подхода (относительная простота, универсальность, агрегированность), он не всегда может быть применим при анализе отдельных неэкономических эффектов. Альтернативным способом социальной оценки является метод возврата на инвестиции (*social return on investment, SROI*). Впервые данный метод был предложен Фондом развития предпринимательства Дж. Р. Робертса при оценке инвестиций в социальную программу, а в 2001 г. Дж. Эмерсон опубликовал методологическое исследование социально-экономических выгод [24]. Ряд научных работ [20; 21], посвященных изучению социальной ставки дисконта при оценке эффективности расходования бюджетных средств в общественном секторе экономики, послужили основой при подготовке данной статьи.

Таким образом, развитие национальной экономики в направлении эффективного использования ресурсов и обновления основных фондов, возрастающая потребность капитальных вложений в инфраструктурный сектор и одновременно ограниченность бюджетных ресурсов для его финансирования обуславливают актуальность рассматриваемого вопроса.

Особенности ГЧП при реализации транспортных проектов. В зарубежной практике ГЧП является одним из распростра-

ненных механизмов финансирования транспортной инфраструктуры. Евротоннель, Лондонский метрополитен, высокоскоростные железные дороги в Китае и многие другие грандиозные проекты были реализованы благодаря ГЧП, что подтверждает его эффективность.

В настоящее время объем частных капиталовложений в сфере дорожного строительства в индустриальных странах составляет до 60 % [30, р. 4], тогда как до Первой мировой войны железные дороги, автострады, мосты, электростанции и другие крупномасштабные проекты строили преимущественно за счет средств частных предпринимателей, готовых принять на себя значительные риски, сопровождаемые высокой доходностью вложений. Такие крупнейшие международные транспортные коридоры, как Суэцкий и Панамский каналы, были построены на условиях концессии, а первая в США дорога с твердым покрытием (Филадельфия — Ланкастер, штат Пенсильвания) была профинансирована посредством инфраструктурных облигаций, выпущенных частной акционерной компанией в 1792 г. [28, р. 34].

Следует отметить, что реализация транспортных ГЧП-проектов характеризуется рядом отраслевых рисков и факторов влияния. Так, предусмотрена государственная поддержка частного партнера, обусловленная необходимостью обеспечения приемлемого уровня тарифов на услуги для населения. Как правило, участие государства в проектах предполагает предоставление гарантий минимального дохода и/или интенсивности движения (*Performance base mechanisms/Shadow tolls*). Применяются также другие финансовые и нефинансовые инструменты поддержки частного партнера, предусматривающие право инвестора увеличить размер тарифа в случае снижения транспортных потоков ниже запланированных значений или продления сроков Соглашения о ГЧП. Примером является проект строительства автострады в Дель-Майпо (*Autopista del Maipo Sociedad*), в рамках которого Министерство общественных работ Чили гарантировало концессионеру ежегодное увеличение дорожных сборов на 5 % в соответствии с Программой распределения доходов. В случае возникновения форс-мажорных ситуаций, при которых данных средств будет недостаточно для обеспечения финансовой выгоды инвестора, предусматривается продление сроков концессии до 2033 г. (с установленного 2024 г.) [31, р. 11].

Транспортные проекты предполагают необходимость получения соответствующих разрешений и прохождения экологических экспертиз. Так, строительство газопровода Ангарск — Находка в 2006 г. было отложено в связи с необходимостью изменения его маршрута, который первоначально должен был проходить через природный парк на Алтае (высокогорное плато Укок) [23]. Примером

влияния административных рисков является проект строительства аэропорта *Navi Mumbai Greenfield Airport* (Индия), сроки реализации которого были значительно продлены в результате необходимости получения дополнительных экологических разрешений на строительство объекта в зоне мангровых лесов, находящихся под охраной местного правительства [27].

Характерным риском транспортных проектов является также риск трафика (интенсивность грузо- и пассажиропотоков), поскольку прогнозирование спроса на транспортные услуги в долгосрочной перспективе представляется затруднительным. Согласно исследованиям фактический объем перевозок составляет в среднем 70 % от прогнозируемых значений, причем подавляющему большинству проектов не удается выйти на 90 % объема перевозок прогнозируемого уровня [4, с. 113].

Риск нормативно-правового регулирования отражает изменения при формировании тарифов на конечные услуги. Уровень тарифов в транспортном секторе играет не столь важное значение, как в сферах энергетики и водоснабжения. Вместе с тем государственное регулирование тарифов является необходимым для обеспечения баланса между их доступностью для конечных потребителей и капиталоотдачей для частного партнера. Данный вид риска может повлиять на график реализации проекта и должен быть предусмотрен на начальной стадии его реализации.

Многочисленные инвестиционные риски обуславливают значительный перерасход финансовых средств. Так, итоговая стоимость транспортных проектов в среднем на 30 % превышает первоначальную их стоимость. Перерасход средств по видам транспортных сообщений в среднем составляет: железнодорожный транспорт — 45 %, стационарные сообщения (тоннели, мосты) — 34 %, автодороги — 20 % [25, р. 71]. Одним из самых существенных перерасходов средств в истории реализации транспортных ГЧП-проектов является строительство автострады *Big Dig* в Бостоне (США), удорожание которого к моменту завершения составило 461,5 % [33].

Влияние общественного мнения предполагает необходимость проведения опросов населения. Так, в Индии препятствием для предоставления земельного участка под проект расширения международного аэропорта Калькутты (*Netaji Subhash Bose International Airport*) явилось нахождение на нем мест религиозного поклонения. В результате действий политической оппозиции реализация данного проекта была отложена [5, с. 213—215].

На объем реализуемых услуг в рамках ГЧП-проектов также оказывают влияние отраслевые и прочие факторы: конкурирующие виды транспорта, демографические изменения, индивидуальные предпочтения пользователей, скорость перевозок и пр.

Технико-экономическая характеристика проекта реконструкции участка автомобильной дороги М-10 «Речица — Калинковичи» км 109,9 — км 195,15. Автомобильная дорога М-10 граница Российской Федерации (Селище) — Гомель — Кобрин является международным транспортным маршрутом и обеспечивает кратчайшую связь стран Европейского союза, Республики Беларусь и Российской Федерации. Маршрут проходит по территории Гомельской и Брестской областей. Его протяженность составляет 608 км, в том числе по автомобильной дороге:

— М-1/Е30 «Брест (Козловичи) — Минск — граница Российской Федерации (Редьки)» — 65 км. Участок дороги М-1/Е30 соответствует параметрам I категории и имеет четыре полосы движения;

— М-10 «граница Российской Федерации (Селище) — Гомель — Кобрин» — 543 км.

Автомобильная дорога М-10 на всем протяжении соответствует параметрам I—III категории и имеет 2—4 полосы движения (табл. 1).

Реконструируемый участок «граница Российской Федерации (Селище) — Гомель — Кобрин» км 109,9 — км 195,15 протяженностью 85,25 км находится в Гомельской области и обеспечивает связь населенных пунктов Речица и Калинковичи.

Планируемый объем капитальных затрат на создание объекта инфраструктуры (без учета стоимости эксплуатации) составит 185,8 млн евро. Источниками их возврата выступят выплаты из республиканского бюджета, а также платежи за проезд пользователей транспортных средств.

В соответствии с Указом № 461 реализация проекта предусматривает проектирование, реконструкцию, финансирование, содержание и техническое обслуживание участка протяженностью 85 км на принципах ГЧП [13]. Данная контрактная форма ГЧП соответствует концессионному соглашению типа *DBFO* («*design-build-finance-operate*»), применяемому в мировой практике реализации аналогичных проектов. Предполагается, что инвестор в срок до двух лет осуществит реконструкцию дороги, а также будет нести ответственность за состояние и обслуживание реконструированного участка в течение последующих 18 лет. Таким образом, срок соглашения о ГЧП составит 20 лет.

Ожидается, что в результате реализации проекта государство:

- 1) привлечет частные инвестиции в условиях ограниченности бюджетных средств;
- 2) сможет достичь более высокой его экономической эффективности в условиях передачи проектных рисков (инвестиционных, строительных, эксплуатационных и др.) частному партнеру в течение всего срока соглашения о ГЧП;
- 3) обеспечит выполнение стратегических задач социально-экономического развития национальной экономики, а именно: повышение

Основные технико-экономические показатели проекта реконструкции участка автомобильной дороги М-10 «Речица — Калинковичи» км 109,9 — км 195,15

Показатель	До реконструкции	После реконструкции
Категория дороги	II	I
Число полос движения	2	4
Интенсивность движения, авт./сут	3800—5100	6900—9200
Нагрузка на одиночную наиболее нагруженную ось двухосного автомобиля, т	10	11,5
Скоростной режим движения для автомобилей, км/ч:		
— легковых	70	120
— грузовых	90	100

Источники: составлено автором на основе исходных данных по проекту [16].

безопасности участка дорожного движения; обеспечение более оперативной связи между странами — членами Европейского союза, Республикой Беларусь и Российской Федерацией; увеличение объема транзитных грузопотоков и перевозок легковым автотранспортом.

Методика расчета совокупного социально-экономического эффекта в результате реализации инвестиционного проекта в сфере автодорожного строительства. Совокупный социально-экономический эффект (СЭЭ) предлагается определять как сумму отдельных эффектов, возникающих при реализации инвестиционного проекта в сфере дорожного строительства [20]. Перевод качественных показателей социального эффекта в финансовые может быть осуществлен посредством оценки:

— прироста валового регионального продукта (ВРП) за счет увеличения грузооборота и интенсивности движения автотранспорта;

— притока денежных средств в форме социальных отчислений, направляемых на улучшение пенсионного и социального обслуживания населения;

— повышения уровня занятости;

— снижения затрат на движение автотранспорта;

— снижения затрат времени населения на необходимые поездки в рамках данного маршрутного коридора.

Таким образом, совокупный СЭЭ (руб.) может быть рассчитан по формуле:

$$\mathcal{E}_{\text{СЭЭ}} = \mathcal{E}_{\text{ВРП}} + \mathcal{E}_{\text{с.о.}} + \mathcal{E}_{\text{зан}} + \mathcal{E}_{\text{дв}} + \mathcal{E}_{\text{вр}}, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ВРП}}$ — СЭЭ, достигаемый в результате роста ВРП; $\mathcal{E}_{\text{с.о.}}$ — СЭЭ, обусловленный увеличением притока средств в форме социальных отчислений; $\mathcal{E}_{\text{зан}}$ — СЭЭ, получаемый при повышении уровня занятости населения; $\mathcal{E}_{\text{дв}}$ — СЭЭ, достигаемый в результате снижения затрат на движение автотранспорта; $\mathcal{E}_{\text{вр}}$ — СЭЭ, связанный со снижением затрат времени населения на поездки.

Целесообразно рассмотреть методику расчетов каждого из представленных эффектов.

СЭЭ, достигаемый при реализации объекта инженерной инфраструктуры в результате роста ВРП, рассчитывают по формуле

$$\mathcal{E}_{\text{ВРП}} = \Delta \text{ВРП}_{\text{чел}} \cdot \mathcal{C}_{\text{нас}} \cdot 0,07, \quad (2)$$

где $\Delta \text{ВРП}_{\text{чел}}$ — прирост ВРП на душу населения, руб.; $\mathcal{C}_{\text{нас}}$ — численность населения, качество жизни которого улучшится в результате реализации инвестиционного проекта (за счет предоставления большего объема услуг, повышения их доступности и качества обслуживания и пр.); 0,07 — прогнозный показатель прироста ВРП за счет реализации социальных мероприятий (устанавливается в пределах от 0,07 до 0,1 в зависимости от отрасли экономики) [17].

СЭЭ, достигаемый в результате увеличения притока средств в форме социальных отчислений, направляемых на улучшение социального и пенсионного обслуживания, рассчитывают по формуле

$$\mathcal{E}_{\text{с.о.}} = \sum \text{ЗП СО} \cdot \mathcal{C}_{\text{доп}}, \quad (3)$$

где $\sum \text{ЗП}$ — заработная плата работников, занятых на строительстве объекта, руб.; СО — размер социальных отчислений (по установленным законодательством нормам), %; $\mathcal{C}_{\text{доп}}$ — число безработных, привлеченных на дополнительно созданные рабочие места в процессе реализации проекта, чел.

Суммарное значение заработной платы за год рассчитывают следующим образом:

$$\sum \text{ЗП} = \text{ЗП}_{\text{раб}} \cdot \mathcal{C}_{\text{раб}} \cdot 12, \quad (4)$$

где $\text{ЗП}_{\text{раб}}$ — среднеотраслевое значение заработной платы на 1 работника, руб.; $\mathcal{C}_{\text{раб}}$ — численность работников, вовлеченных в процесс строительства, чел.

При повышении уровня занятости в результате реализации проекта СЭЭ определяют через снижение затрат на материальную поддержку безработных. Расчет производят по формуле

$$\mathcal{E}_{\text{зан}} = T_{\text{мах}} \cdot \mathcal{P}_{\text{безр}} \cdot \mathcal{C}_{\text{доп}}, \quad (5)$$

где T_{\max} — продолжительность начисления пособия по безработице со дня регистрации в службе занятости; $P_{\text{безр}}$ — среднемесячный размер пособия по безработице на 1 чел., руб.

СЭЭ от снижения затрат на движение автотранспорта (в связи с улучшением дорожного покрытия, сокращением преодолеваемого расстояния и пр.) рассчитывают по формуле:

$$\mathcal{E}_{\text{дв}} = \mathcal{Z}_{\text{до}} - \mathcal{Z}_{\text{после}}, \quad (6)$$

где $\mathcal{Z}_{\text{до}}$, $\mathcal{Z}_{\text{после}}$ — затраты на движение автотранспорта до и после реализации проекта соответственно, руб.

СЭЭ от снижения времени, затрачиваемого населением на поездки за год, рассчитывают по формуле

$$\mathcal{E}_{\text{вр}} = S_{\text{п-ч}} (N_{\text{лег}} M_{\text{лег}} + N_{\text{авт}} M_{\text{авт}}) \times \left[p \left(\frac{L}{V_{\text{до}}} - \frac{L}{V_{\text{после}}} \right) \right] \cdot 365, \quad (7)$$

где $S_{\text{п-ч}}$ — стоимость одного пассажиро-часа, руб.; $N_{\text{лег}}$, $N_{\text{авт}}$ — среднее количество легковых и автобусных транспортных средств соответственно, проходящих по участку дороги в день, шт.; $M_{\text{лег}}$, $M_{\text{авт}}$ — средняя численность пассажиров в одном легковом автомобиле и автобусе соответственно, чел.; p — коэффициент использования вместимости; L — длина дорожного участка, км; $V_{\text{до}}$, $V_{\text{после}}$ — скорость движения транспортного средства до и после ремонтных работ соответственно, км/ч.

Расчет стоимости пассажиро-часа можно представить формулой [19, с. 207]

$$S_{\text{п-ч}} = \frac{G}{(tR)} \quad (8)$$

где G — величина валового или чистого продукта, руб./год; t — среднегодовой фонд рабочего времени, ч; R — среднегодовое количество работников в отраслях материального производства, чел.

Расчет совокупного социально-экономического эффекта в результате реконструкции участка автомобильной дороги М-10 «Речица — Калинковичи» км 109,9 — км 195,15. Социально-экономический эффект, обусловленный ростом ВРП в результате реализации инвестиционного проекта ($\mathcal{E}_{\text{ВРП}}$), определяется исходя из численности населения, качество жизни которого улучшится, и прироста ВРП на душу населения.

Рассматриваемый участок трассы охватывает четыре основных населенных пункта Гомельской области — района тяготения реконструируемой дороги: Калинковичи, Мозырь, Василевичи, Речица. На 1 января 2021 г. в данных населенных пунктах проживали 37 633, 105 439, 3435 и 66 327 чел. соответственно [22,

с. 13—14]. Таким образом, численность населения, качество жизни которого улучшится в связи с реконструкцией участка автодороги М-10, составляет 212 834 чел.

На основании данных табл. 2 определен размер дополнительного грузооборота от выполнения перевозок после реконструкции дороги, который составит 487 500 тыс. т·км/год (1 096,875 — 609,375).

Прирост ВРП на душу населения ($\Delta \text{ВРП}_{\text{чел}}$) целесообразно определять для трудоспособного населения, доля которого для данного региона составляет 55,0—59,9 % от общего значения (соответственно 117 058 чел.). Тогда:

$$\Delta \text{ВРП}_{\text{чел}} = \frac{5,49 \cdot 487\,500}{117\,058} = 22,86 \text{ (тыс. руб./чел.)}$$

Таким образом, $\mathcal{E}_{\text{ВРП}}$, получаемый в связи с ростом ВРП согласно формуле (2), составит

$$\mathcal{E}_{\text{ВРП}} = 22,86 \cdot 212\,834 \cdot 0,07 = 340\,576,97 \text{ (тыс. руб.)}$$

СЭЭ от увеличения притока средств в форме социальных отчислений, направляемых на улучшение пенсионного и социального обслуживания населения, рассчитывают от общей суммы заработной платы работников организаций, задействованных на строительных работах.

Размер общей суммы заработной платы определяется на основе среднего значения заработной платы (на 1 января 2021 г. по Гомельской области в сфере строительства она составила 1078,8 бел. руб.) [8] и числа работников, непосредственно вовлеченных в строительство трассы. (Поскольку тендер по отбору частного партнера еще только предстоит провести, не представляется возможным точно определить численность работников строительной компании, которая будет реализовывать проект. В связи с этим для проведения расчетов использовано условное значение в 200 сотрудников. Так, для проведения расчетов взят проект-аналог реконструкции автомобильной дороги М-5/Е271 Минск — Гомель, подрядчиком которого выступило ОАО «Дорожно-строительный трест № 3». На период реализации проекта штат сотрудников треста насчитывал 1224 чел., непосредственно задействованных в строительных работах — около 200 человек [15].) Таким образом, размер общей суммы заработной платы ($\Sigma \text{ЗП}$), полученной за год, определяют по формуле (4)

$$\Sigma \text{ЗП} = 1078,8 \cdot 200 \cdot 12 = 2589,12 \text{ (тыс. руб.)}$$

Величина социальных отчислений (по установленным законодательством нормам) составляет 35 %, из них 29 % от дохода — взносы по пенсионному страхованию для всех категорий работающих граждан, 6 % — взнос на случай временной потери трудоспособности [10].

Таким образом, СЭЭ от увеличения притока средств в форме социальных отчислений определяют по формуле (3)

$$\mathcal{E}_{\text{с.о}} = 2589,12 \cdot 0,35 \cdot 2 = 1812,38 \text{ (тыс. руб.)}$$

В результате реализации проекта планируется создать более 200 рабочих мест [16], в том числе привлечь безработных — минимум 2 человека (число привлеченных безработных определено на основе зарегистрированной безработицы в Гомельской области, которая составляет 0,7 %, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [18]). На 1 января 2021 г. минимальный среднемесячный размер пособия по безработице составил 29 руб. Согласно Закону «О занятости населения Республики Беларусь» [12], продолжительность начисления пособия по безработице со дня регистрации в службе занятости составляет 6 мес. Таким образом, расчет СЭЭ в результате роста уровня занятости производят по формуле (5)

$$\mathcal{E}_{\text{зан}} = 6 \cdot 29 \cdot 2 = 348 \text{ (руб.)} = 0,348 \text{ (тыс. руб.)}$$

Значения затрат на движение автотранспорта до и после реконструкции представлены в табл. 3 (длина участка 85,25 км).

СЭЭ, получаемый от снижения затрат на движение автотранспорта, рассчитывают по формуле (6)

$$\mathcal{E}_{\text{дв}} = 16\,148 - 15\,362 = 786 \text{ (тыс. руб.)}$$

СЭЭ, получаемый от снижения затрат времени населения на поездки ($\mathcal{E}_{\text{вр}}$), рассчитывают, учитывая следующие параметры:

— стоимость пассажира-часа, которая составила 57,26 руб. Расчет произведен на основе данных: номинального ВВП Беларуси за 2021 г. (173,153 млрд руб. в текущих ценах) [1, с. 31]; численности работников, занятых в сфере производства материальных благ (42 % от экономически активного населения, или 1 500 000 чел.); расчетной нормы рабочего времени при 40-часовой рабочей неделе (2016 ч) по формуле (8);

— среднее число пассажиров в одном легковом автомобиле (2 чел.) и в одном автобусном транспортном средстве (25 чел.);

— интенсивность движения автомобилей и автобусов по реконструируемому участку дороги (табл. 4);

— скоростной режим движения по существующей и проектируемой дороге для легковых машин (см. табл. 1) и автобусов (согласно ПДД Республики Беларусь не более 90 км/ч независимо от типа дороги) [3];

— коэффициент использования вместимости, определяемый как соотношение среднего числа пассажиров, проезжающих в транспортном средстве, к общему количеству мест в транспортном средстве (для расчетов взяты усредненные значения для автомобиля и автобуса — 0,5).

Таким образом, снижение потерь, связанных с затратами времени населения, исходя из формулы (7), составит:

$$\mathcal{E}_{\text{вр}} = 72\,555 - 57\,138 = 15\,417 \text{ (тыс. руб.)}$$

Таблица 2

Показатели интенсивности движения и грузооборота на участке дороги М-10 «Речица — Калинковичи» км 109,9 — км 195,15

Показатель	До реконструкции	После реконструкции
Средняя интенсивность движения, авт./сут	4450	8050
Грузооборот на рассматриваемом участке, млн т·км/год	609,375	1096,875

Примечание. Справочные значения: прогнозный показатель прироста ВВП за счет реализации социальных мероприятий 0,07–0,10; средняя стоимость 1 т груза — 5,49 тыс. руб.
Источник: составлено на основе исходных данных по проекту и данных Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [16].

Таблица 3

Снижение затрат на движение автотранспорта на участке дороги М-10 «Речица — Калинковичи» км 109,9 — км 195,15

Тип транспортного средства	Интенсивность движения, авт./сут	Затраты на 1 км пробега, руб.		Затраты на расчетный год, тыс. руб.	
		до реконструкции	после реконструкции	до реконструкции	после реконструкции
Грузовое:					
— до 2 т	445	0,104	0,099	1440	1370
— 2–8 т	134	0,180	0,174	750	725
— более 8 т	311	0,204	0,198	1974	1916
Автопоезд	400	0,256	0,245	3186	3049
Легковой автомобиль	3115	0,088	0,083	8529	8044
Автобус	44	0,197	0,189	269	258
		Итого		16 148	15 362

Источники: составлено на основе исходных данных по проекту и данных Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [16].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

**Снижение потерь, связанных с затратами времени населения на участке дороги
М-10 «Речица — Калинковичи» км 109,9 — км 195,15**

Тип транспортного средства	Интенсивность движения, авт./сут	Стоимостная оценка затрат, тыс. руб./год	
		до реконструкции	после реконструкции
Легковой автомобиль	3115	61 667	46 250
Автобус	44	10 888	10 888
Итого		72 555	57 138

И с т о ч н и к: составлено на основе исходных данных по проекту и данных Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [16].

Ряд эффектов ($\Delta_{с.о.}$, $\Delta_{зан}$) будет иметь место на этапе реконструкции участка дороги М-10 «Речица — Калинковичи» в результате реализации ремонтных работ по проекту в течение первых двух лет. В период выхода проекта на стадию эксплуатации (с 3-го по 20-й год) будут наблюдаться эффекты $\Delta_{ВРП}$, $\Delta_{дв}$, $\Delta_{вр}$.

Суммарный СЭЭ на стадии реконструкции проекта составит:

$$\Delta_{соц(рек)} = 1812,38 + 0,348 = 1812,73 \text{ (тыс. руб.)}$$

Суммарный СЭЭ на стадии эксплуатации проекта составит:

$$\Delta_{соц(экс)} = 340\,576,97 + 786 + 15\,417 = 356\,779,97 \text{ (тыс. руб.)}$$

При условной ставке дисконтирования 10 % (в рамках кредита ЕБРР минимальная реальная ставка дисконтирования по проекту реконструкции автодороги М-1/Е30 составила 10 % [2]) суммарный СЭЭ определяется:

— инвестиционной и стадии строительства объекта (в период первых двух лет):

$$\Delta_{соц(рек)}^{1-2} = \sum_{i=1}^2 \frac{\Delta_{соц(рек)}}{(1+0,1)^i} = 3146,06 \text{ (тыс. руб.)}$$

— эксплуатационной стадии (в период с 3-го по 20-й год):

$$\Delta_{соц(экс)}^{3-20} = \sum_{i=3}^{20} \frac{\Delta_{соц(экс)}}{(1+0,1)^i} = 2\,420\,297,865 \text{ (тыс. руб.)}$$

Суммарный СЭЭ на принятый по проекту расчетный период 20 лет составит 2 423 443,925 тыс. руб.

Таким образом, одной из приоритетных сфер развития ГЧП в стране является транс-

порт, в частности автодорожное строительство [13]. В 2019 г. был инициирован первый пилотный ГЧП-проект реконструкции и технического обслуживания участка магистрали М-10 «Речица — Калинковичи». Ожидается, что реализация проекта будет способствовать рациональному развитию и улучшению технического состояния сети автомобильных дорог общего пользования для удовлетворения потребностей экономики и населения республики в автотранспортных связях; развитию региона, а также интеграции магистральных дорог в Европейскую транспортную систему.

Вместе с тем оценка отдельных финансовых и социальных эффектов не может быть произведена в силу отсутствия необходимых данных на текущем этапе реализации проекта. Ряд показателей требует сложных технико-экономических исследований (например, эффект от переключения части перевозок грузов и пассажиров, выполняемых ранее железнодорожным транспортом, на автомобильный транспорт). Ожидается, что прилегающие районы получат дополнительные возможности в результате изменения землепользования, включая сельскохозяйственное производство, размещение промышленности, развитие торговли и сферы услуг. Данные эффекты найдут отражение в дополнительных доходах населения, корректировке цен, условиях занятости и пр. Новая система землепользования также обеспечит более широкий доступ к рынку труда, медицинским и образовательным учреждениям, позволит привлечь инвестиции для развития подъездных дорог, сетей распределения электроэнергии и телекоммуникационных услуг. Все это придаст значительный импульс развитию региона и потребует разработки комплексной методологии для проведения оценки.

Список использованных источников

1. Беларусь в цифрах 2022: стат. справочник / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2022. — 67 с. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/4a6/17lwjjez5wgikz92fux8f2woqlhm97me.pdf>>. — Дата доступа: 02.02.2023.
2. Болтуть, Г. Европейский банк реконструкции и развития: инвестиционная деятельность в Республике Беларусь / Г. Болтуть // Банк. вестн. — 2018. — № 6. — С. 60—65.
3. Глава 11. Скорость движения транспортных средств [Электронный ресурс] // Правила дорожного движения Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pdd.by/pdd/ru/p11/>>. — Дата доступа: 22.04.2022.
4. Делмон, Дж. Государственно-частное партнерство в инфраструктуре. Практическое руководство для органов государственной власти / Дж. Делмон. — 2010. — 154 с. [Электронный ресурс] // Финансовая академия при правительстве Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.fa.ru/org/chaip/gchp/Documents/biblio/Do%94%Do%B5%Do%BB%Do%BC%Do%BE%Do%BD%2opublic_private_partner.pdf>. — Дата доступа: 22.04.2022.

5. Иванов, О. В. Теория и мировая практика государственно-частного партнерства: учеб. / О. В. Иванов. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 298 с.
6. Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.; одобрен Советом Респ. 28 июня 2008 г.: текст по сост. на 1 марта 2023 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
7. Национальный инфраструктурный план 2016—2030 гг. — Минск, 2015. — 50 с. [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://economy.gov.by/uploads/files/G4P/NIP-2016-2030.pdf>>. — Дата доступа: 24.06.2022.
8. Номинальная начисленная средняя заработная плата работников Гомельской области (по г. Гомелю и районам; по видам экономической деятельности) [Электронный ресурс] // Главное статистическое управление Гомельской области. — Режим доступа: <<https://gomel.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ekonomicheskaya-statistika/stoimost-rabochey-sily/operativnyye-dannye/o-nachislennoy-sredney-zarabotnoy-plate-rabotnikov-gomelskoy-oblasti/>>. — Дата доступа: 02.02.2023.
9. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021—2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
10. О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2021 г. № 118-З [Электронный ресурс] // Там же.
11. О государственной программе «Дороги Беларуси» на 2021—2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 9 апр. 2021 г. № 212 [Электронный ресурс] // Там же.
12. О занятости населения Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З [Электронный ресурс] // Там же.
13. О реконструкции автомобильной дороги: Указ Президента Респ. Беларусь от 26 нояб. 2018 г. № 461 [Электронный ресурс] // Там же.
14. О республиканском бюджете на 2021 год: Закон Респ. Беларусь от 29 дек. 2020 г. № 73-З [Электронный ресурс] // Там же.
15. Отрасль дорожного строительства: март 2015 г. [Электронный ресурс] // Юнифер. — Режим доступа: <https://www.unifer.by/upload/Road_construction_industry.pdf>. — Дата доступа: 02.02.2023.
16. Пилотный проект по реконструкции и техническому обслуживанию объекта «Автомобильная дорога М-10 граница Российской Федерации (Селище) — Гомель — Кобрин км 109,9 — км 195,15» на принципах государственно-частного партнерства: презентация проекта, 16 янв. 2019 г. [Электронный ресурс] // Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.belavtostrada.by/sites/default/files/03_m10_roadshow_presentation-min_rus.pdf>. — Дата доступа: 24.06.2022.
17. Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и прогнозируемые изменения цен (тарифов) на товары, услуги хозяйствующих субъектов, осуществляющих регулируемые виды деятельности в инфраструктурном секторе на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. — Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dob8992f5e0a0c455ee543304da85ebo/%D0%A1%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F_2020.pdf>. — Дата доступа: 24.06.2022.
18. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2020. — 314 с. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/97e/97e9d257e0d9bb1c5f9b1b1071c16ca.pdf>>. — Дата доступа: 24.06.2022.
19. Фактор скорости как экономической категории пассажирских транспортных систем в городских агломерациях / М. В. Четчуев [и др.] // Магнитолевитационные транспортные системы и технологии: сб. материалов II Междунар. конф., Петербург. гос. ун-т путей сообщения, 17—20 июня 2014 г. — СПб., 2014. — С. 205—211.
20. Хайруллин, В. А. Метод расчета социального эффекта в ходе реализации инвестиционно-строительного процесса / В. А. Хайруллин, И. Г. Терехов, А. С. Огнева [Электронный ресурс] // Наукоедение. — 2013. — № 4. — С. 1—6. — Режим доступа: <<http://naukovedenie.ru/PDF/59evn413.pdf>>. — Дата доступа: 22.04.2022.
21. Хайруллин, В. А. Расчет социального эффекта от реконструкции участка федеральной автомобильной дороги М-5 «Урал» / В. А. Хайруллин, И. Г. Терехов, А. С. Огнева [Электронный ресурс] // Наукоедение. — 2013. — № 4. — С. 1—11. — Режим доступа: <<http://naukovedenie.ru/PDF/60evn413.pdf>>. — Дата доступа: 22.04.2022.
22. Численность населения на 1 января 2021 г. и среднегодовая численность населения за 2020 г. по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа: стат. бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2021. — 25 с. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/158/1584531a2b89fa1a0945f6dc809ff268.pdf>>. — Дата доступа: 22.06.2022.
23. Экологи призывают отказаться от строительства газопровода через плато Укок [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. — 09.10.2019. — Режим доступа: <<https://www.asi.org.ru/news/2018/10/09/ekologiprizyvayut-otkazat-ot-stroitelstva-gazoprovoda-cherez-plato-ukok/>>. — Дата доступа: 24.06.2022.
24. Emerson, J. Social return on investment (SROI): exploring aspects of value creations in the non-profit sector / J. Emerson, J. Wachowicz, S. Chun // Social Purpose Enterprise and Venture Philanthropy in the New Millennium: Practitioner perspectives. — San Francisco: Roberts Foundation Development Fund, 1999. — P. 132—173 [Electronic resource] // REDF. — Mode of access: <<https://redf.org/wp-content/uploads/REDF-Box-Set-Vol.-2-SROI-Paper-2000.pdf>>. — Date of access: 24.06.2022.
25. Flyvbjerg, B. How common and how large are cost overruns in transport infrastructure projects? / B. Flyvbjerg, M. K. Skamris Holm, S. L. Buhl // Transport Reviews. — 2003. — Vol. 23, N 1. — P. 71—88. (<https://doi.org/10.1080/01441640309904>)
26. Infrastructure and growth: Sustainable Development. Brief N 3. February 2016 [Electronic resource] // United Nations Economic Commission for Europe. — Mode of access: <https://unece.org/DAM/Brief_No_3__Infrastructure_and_Growth.pdf>. — Date of access: 24.06.2022.
27. Kulkarni, N. Navi Mumbai International Airport: CIDCO plans plantation of mangroves on 615 hectares / N. Kulkarni [Electronic resource] // The Indian Express. — 26.07.2017. — Mode of access: <<https://indianexpress.com/article/cities/mumbai/navi-mumbai-international-airport-cidco-plans-plantation-of-mangroves-on-615-hectares-4767203/>>. — Date of access: 24.06.2022.
28. New Jersey Historic Roadway Study: Final: January 2011 / New Jersey Department of Transportation, Federal Highway Administration [Electronic resource] // Official Site of the State of New Jersey. — Mode of access: <<https://www.state.nj.us/transportation/about/publicat/historicroadwaystudy.pdf>>. — Date of access: 24.06.2022.
29. Pearce, D. W. The Philosophical Foundations of Cost-Benefit Published / D. W. Pearce // Cost-Benefit Analysis. — Macmillan Education UK, 1971. — P. 7—12. (https://doi.org/10.1007/978-1-349-01091-2_1)
30. Private Participation in Infrastructure (PPI): 2021 Annual Report [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <<https://ppi.worldbank.org/content/dam/PPI/documents/PPI-2021-Annual-Report.pdf>>. — Date of access: 24.06.2022.
31. Project Bonds in Latin America: Project Bond Focus, January 2022 [Electronic resource] // Crédit Agricole CIB. — Mode of access: <<https://www.ca-cib.com/sites/default/files/2022-03/Project-Bond-Focus-Latin-America-2022.pdf>>. — Date of access: 24.06.2022.
32. Road show: проект ГЧП «М-10» [Электронный ресурс] // Белавтострада. — Режим доступа: <<http://www.belavtostrada.by/ppp/road-show-proekt-gchp-m-10>>. — Дата доступа: 24.06.2022.
33. What Lessons Can Be Learned from the Boston Big Dig? [Electronic resource] // Project Cost Solutions. — 12.02.2019. — Mode of access: <<https://projectcostsolutions.com/lessons-learned-boston-big-dig/>>. — Date of access: 24.06.2022.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2021 г., доработана в марте 2023 г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗМЕРЕНИЮ ЕМКОСТИ МИРОВОГО РЫНКА ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН

Инесса Зубрицкая

В результате развития методологических основ измерения емкости мирового рынка цифровых ресурсов в статье выдвинута и доказана научная гипотеза о возможности ранжирования стран на основе проведения стоимостной оценки цифрового развития по показателю удельной емкости рынка их цифровых ресурсов. Предложенный показатель, рассчитанный путем соотношения годовой стоимости совокупного спроса на цифровые ресурсы в стране и численности ее населения, характеризует участие ее населения в цифровом развитии. Произведена апробация авторского методологического подхода на основе данных межотраслевых балансов стран ОЭСР с применением таблиц «Input-Output» международной базы OECD. Путем межстранового сопоставления полученных результатов произведено ранжирование стран, отражающее уровень их цифрового развития в условиях становления и развития мирового рынка цифровых ресурсов.

Ключевые слова: валовое накопление цифровых ресурсов; мировой рынок цифровых ресурсов; промежуточный и конечный спрос; удельная емкость рынка; цифровое развитие; цифровые ресурсы.

«Methodological Approach to Measuring the Capacity of the Global Digital Resources Market: Alternative Indicators of Digital Development of Countries» (Inessa Zubritskaya)

As a result of the development of methodological foundations for measuring the capacity of the global digital resources market, the study put forward and proved a scientific hypothesis about the possibility of ranking countries based on the cost assessment of digital development in terms of the specific capacity of the country's digital resources market. The indicator proposed by the author, calculated by the ratio of the annual value of the total demand for digital resources in the country and the number of its population, characterises the participation of the country's population in its digital development. The author's methodological approach has been tested on the basis of data from inter-sectoral balances of OECD countries using Input-Output tables of the OECD international database. By cross-country comparison of the results obtained, a ranking of countries was made, reflecting the level of their digital development in the conditions of the formation and development of the global digital resources market.

Keywords: digital development; digital resources; global digital resources market; gross accumulation of digital resources; intermediate and final demand; specific market capacity.

Глобальная цифровизация, открывающая социально-экономические перспективы и технико-технологические возможности для развития мирового рынка, сопровождается углублением международного разделения труда (МРТ), расширением информационно-коммуникационной его специализации вследствие цифровой трансформации мирового хозяйства под воздействием производительных сил, испытывающих влияние четвертой промышленной революции [6, с. 30—31].

Вместе с тем повышение уровня технологического развития стран напрямую связано

с масштабным внедрением современных технологий в процессы обработки сырья и материалов, использованием электронных программируемых компонентов при производстве товаров специального назначения и широкого потребления, что в целом приводит к увеличению высокотехнологичной доли валовой добавленной стоимости в составе внутреннего валового продукта и повышению экспорта высокотехнологичной и наукоемкой промышленной продукции [8, с. 131].

Смена производственной парадигмы в XXI в. в условиях четвертой промышлен-

Автор:

Зубрицкая Инецца Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Маркетинг» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета, e-mail: zubritskaya@bntu.by

Белорусский национальный технический университет. Адрес: 65, пр. Независимости, Минск, 220013, БЕЛАРУСЬ

Author:

Zubritskaya Inessa — Candidate of Economy, Associate Professor of the Department of Marketing of the Faculty of Marketing, Management, Entrepreneurship of Belarusian National Technical University, e-mail: zubritskaya@bntu.by
Belarusian National Technical University. Address: 65, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220013, BELARUS

ной революции характеризуется цифровой трансформацией мирового хозяйства, что сопровождается «формированием “цифровых производительных сил” и производственных отношений, обусловленных предпосылками становления цифрового капитализма», приростом цифрового капитала в международном обмене [9, с. 238, 243].

При этом цифровое развитие стран характеризуется приростом цифрового капитала в стране и международном обмене, что проявляется увеличением доли торговли товарами и услугами, основное назначение которых состоит в использовании информации в цифровом виде в управлении производственными, продуктовыми и бизнес-процессами. Совокупность вышеназванных товаров и услуг, потребляемых в качестве материальных и нематериальных активов субъектами хозяйствования, переносит свою стоимость частями или полностью на стоимость выпускаемой продукции и образует цифровые ресурсы. К последним относятся компьютеры и периферийное оборудование, электронные детали и платы, электронное измерительное, телекоммуникационное оборудование, электронная аппаратура, гарнитура для реализации виртуальной и дополненной реальности, аддитивное оборудование, робототехника и др., а также услуги по компьютерному программированию, телекоммуникационные, информационные и специальные консультационные услуги (в соответствии с классификатором *NACE Rev. 2* подразделы 26, 61–63) [23, р. 67, 78].

Вопросы формирования методологии измерения цифровой трансформации экономики рассматривали многие зарубежные и отечественные ученые-экономисты. Теоретико-методологические основы измерения цифровой экономики заложены Р. Бухтом и Р. Хиксом. Авторы предлагают два направления дифференциации компонентов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и дифференциации экономических процессов, в которых эти компоненты используются [1, с. 147, 152]. Результаты исследования получили дальнейшее развитие в научных работах белорусских ученых. Так, Б. Н. Паньшин рассматривает два подхода к определению сущности цифровой экономики. Первый, классический, по его мнению, заключается «...в рассмотрении цифровых технологий в сфере электронных товаров и услуг как основы экономики. Второй, расширенный — в использовании цифровых технологий в экономическом обороте...», включая «...цепочку товаров и услуг, оказываемых с их помощью...» [15, с. 52]. А. В. Данильченко предлагает измерять результаты цифровой трансформации обрабатывающей промышленности в рамках степени достижения Целей устойчивого развития [6, с. 209]. М. М. Ковалёв рассматривает экономический рост стран с точки зрения их

цифрового развития на основе рейтинговых индексов и гибридной производственной модели [13, с. 42, 44]. Л. Н. Нехорошева исследует основы цифровой трансформации экономики и применяет в качестве оценки цифровизации экономик количественные удельные показатели мобильного подключения, использования сети Интернет и социальных сетей в расчете на душу населения [14, с. 101].

В результате анализа методологии международных рейтингов цифрового развития, подробно описанной М. М. Ковалёвым и Г. Г. Головенчик в научных публикациях, установлена статистическая база их формирования, содержащая количественные показатели пользователей мобильных устройств и широкополосного Интернета, результаты экспертных оценок степени формирования цифровой инфраструктуры и институциональной среды, способствующей цифровой трансформации, основанных на субъективном восприятии признаков и особенностей цифровых преобразований бизнес-процессов [13, с. 32].

Например, методология расчета Индекса глобального подключения *GCI Huawei* основана на расчете двух микроиндексов: уровня развития технико-технологических средств (облачные технологии, большие данные, широкополосный доступ, интернет вещей) и уровня компетенций, определяемых с помощью экспертных оценок и статистики подключений [18].

Методология расчета Индекса мировой цифровой конкурентоспособности (*World Digital Competiveness Index, WDCI*), принадлежащая швейцарской научной школе бизнеса *IMD*, базируется на измерении следующих трех основных субиндексов: знания, технология, потенциальная готовность. В структуре *WDCI* 50 показателей ($\frac{2}{3}$ из них количественные, $\frac{1}{3}$ — качественные), расчет которых производится на основе экспертных оценок [19].

Использование экспертных оценок в измерении цифрового развития стран, на наш взгляд, носит субъективный характер и является недостатком существующей методологии, который в некоторой степени можно нивелировать благодаря осуществлению подхода к экономической оценке такого развития, основанного на применении стоимостных показателей, отражающих совокупный спрос на цифровые ресурсы, и сопоставлении удельной емкости рынка цифровых ресурсов стран.

В аналитических материалах зарубежных компаний под мировым рынком ИКТ понимается сфера международного обмена данными технологиями, тенденции которого рассматриваются российской компанией *Tadviser* в обзорном исследовании, размещенном на деловом портале в 2023 г. [10]. Подобный подход применяется в исследовании американской консалтинговой компании *Reseach and Market*,

где приводится анализ экспорта и прогнозируются тенденции роста международной торговли информационными технологиями [20].

Методологические основы рынка цифровых ресурсов начинают развиваться в научных исследованиях белорусских ученых-экономистов, посвященных вопросам международной торговли. Классификацию информационных услуг и их экспорт рассматривает Г. Г. Головенчик [3]. Е. Л. Давыденко проводит классификацию, исследует тенденции международной торговли ИКТ-товарами и ИКТ-услугами исходя из опыта Китая [4; 5]. Е. В. Столярова классифицирует ИТ-услуги и ранжирует европейские страны с малой открытой экономикой по внешнеторговому обороту ИТ-услуг [16].

Результат анализа приведенных выше публикаций показал, что увеличение межстрановых потоков ИКТ свидетельствует о цифровых преобразованиях производственных и бизнес-процессов в контексте открытого взаимодействия и взаимовлияния экономик мира, что способствует более высокому уровню их взаимозависимости, взаимообусловленности и взаимосвязанности, вследствие чего ускоряются процессы экономико-технологической интеграции стран, диверсификация и дифференциация МРТ.

В перечисленных исследованиях предприняты попытки классифицировать продуктовые компоненты цифровой экономики. При этом рассматривается только экспорт части цифровых ресурсов, что не позволяет использовать полученные результаты для целостного восприятия вклада стран в цифровую трансформацию мирового хозяйства, свидетельствующего о реальном уровне их цифрового развития.

Остаются спорными вопросы классификации, агрегации и сегментации такого рынка. Однозначно не определены группы товаров и услуг, масштабное внедрение которых в продукты и процессы способствует цифровому развитию стран в условиях цифровой трансформации мирового хозяйства.

Так, в соответствии с методологическими пояснениями Национального статистического комитета Республики Беларусь «...методологическую основу для измерения цифровой экономики составляют собирательные группировки по видам экономической деятельности “Сектор ИКТ”, “Отрасль информационных технологий”, “Сектор контента и средств массовой информации”» [11, с. 10]. При этом сектор ИКТ включает отрасли торговли ИКТ, под которыми подразумевается оптовая торговля компьютерами, периферийным компьютерным оборудованием и программным обеспечением, оптовая торговля электронным и коммуникационным оборудованием и их частями. Услуги ИКТ включают услуги по ремонту компьютеров и периферийного оборудования, ремонту коммуникационного оборудования.

Оптовая торговля компьютерной техникой и ремонт оптического и электронного оборудования являются сопутствующими услугами, сопровождающими международный обмен цифровыми ресурсами, опосредованно влияют на процессы цифровой трансформации и, следовательно, в настоящей статье в качестве предмета международной торговли не рассматриваются.

Вместе с тем современный этап цифрового развития стран обусловлен не только масштабом и темпами международного обмена ИКТ, но также их выпуском и распределением внутри страны, что является обоснованием существующей корреляции между емкостью рынка цифровых ресурсов страны и уровнем ее цифрового развития.

Таким образом, цель данной статьи состоит в разработке и предложении методологического подхода, позволяющего производить ситуационный мониторинг цифрового развития стран на основе простых экономических количественных показателей с использованием эмпирических данных из общедоступных источников, что имеет высокую актуальность для обоснования выбора управленческих решений, связанных с цифровым развитием стран. Растущий мировой спрос на цифровые ресурсы отражает развитие современной международной торговли, а также в динамике характеризует масштаб и темпы цифровых преобразований мирового хозяйства. В связи с этим повышается актуальность разработки методик, методологической базой которых становятся простые экономические показатели, сопоставимые и измеримые на основе общедоступных статистических массивов, позволяющие проводить экономический анализ и оценку совокупного спроса на цифровые ресурсы, динамика которого зависит от воздействия многочисленных факторов внешней и внутренней среды.

В рамках настоящего исследования под мировым рынком цифровых ресурсов понимается сфера накопления, распределения и обмена электронного, телекоммуникационного и оптического оборудования, телекоммуникационных и информационных услуг, программного обеспечения, участниками которой являются хозяйствующие субъекты стран мира.

Предлагаемый подход, ранее не применяемый в теории и методологии цифровой экономики, базируется на стоимостных экономических показателях совокупного спроса на мобильные и электронные устройства, программное обеспечение, телекоммуникационные и информационные услуги традиционными отраслями хозяйства, позволяющих оценить динамику становления и развития мирового рынка цифровых ресурсов на основе суммирования показателей промежуточного и конечного потребления, валового накопления и изменения запасов цифровых ресурсов, их

экспорта. В существующей методологии международных рейтингов цифрового развития стран, регионов и мирового хозяйства в целом подобного рода показатели отсутствуют.

Задача исследования сводится, во-первых, к определению сегментов рынка путем систематизации в рамках существующей классификации и группировки только тех товаров и услуг, которые обладают свойствами цифровых ресурсов в части получения, передачи, хранения информации в цифровом виде и управления процессами на ее основе, во-вторых, к разработке показателя удельной емкости рынка цифровых ресурсов, который бы позволил альтернативным способом ранжировать страны по их цифровому развитию, и, в третьих, к апробации предложенного методологического подхода на основе международных баз данных.

Цифровые ресурсы в статистической базе данных Организации экономического сотрудничества и развития в таблицах «Input-Output» представлены товарами и услугами в подразделах 26, 61—63 (компьютерное, электронное и оптическое оборудование, телекоммуникации, ИТ и другие информационные сервисы) [22]. Аналогичные подразделы приведены в Общегосударственном классификаторе Республики Беларусь «Классификатор продукции по видам экономической деятельности» ОКРБ 007-2012 (ОКП РБ) [12], Международном статистическом отраслевом классификаторе *ISIC Rev. 4* («Компьютерная техника» и «Средства коммуникации», «Услуги в области связи») [21], что в целом не отличается от укрупненных подразделов, предложенных компанией *Gartner* в отчете исследования 2020—2022 гг. [10] (см. таблицу).

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным товары и услуги, которые структурированы в рамках нескольких разделов, в целях настоящего исследования могут быть условно объединены в сегмент мирового рынка, называемый цифровыми ресурсами, динамика которого в условиях цифровой трансформации мирового хозяйства свидетельствует о цифровом развитии стран.

При этом производители цифровых ресурсов в рамках названий видов экономической деятельности практически совпадают в международных классификаторах *ISIC Rev. 4* [21], *NACE Rev. 2* [23] и в белорусском классификаторе ОКРБ 005-2011 (ОКЭД) [2]. Предприятия, занимающиеся видами экономической деятельности, относящейся к секциям *CI* «Производство электронного и оптического оборудования», *JB* «Деятельность в области телекоммуникаций», *JC* «Информационные технологии и деятельность в области информационного обслуживания» соответственно, выпускают продукцию и оказывают услуги, сущность которых основана на управлении информацией в цифровом виде.

Результат анализа данных статистической базы Кноэма [17] с 2003 по 2020 г. позволил построить тренды динамических рядов (рис. 1, 2), отражающие динамику доли экспорта ИТ-услуг, электронного и оптического оборудования, в совокупности образующих цифровые ресурсы, в мировом экспорте и установить следующие закономерности.

Относительно сегмента цифровых услуг наблюдается постоянная положительная динамика, составляющая 0,15 % в год. Тенденция вклада экспорта ИТ-услуг в мировом экспорте устойчивая, прогнозируется экспоненциальный рост исследуемого сегмента рынка цифровых ресурсов в соответствии с уравнением линии тренда (см. рис. 1).

Тенденция вклада экспорта цифровых товаров в мировом экспорте неустойчивая. В период с 2004 по 2013 г. наблюдался спад на 0,43 процентных пункта, что, вероятно, связано с популяризацией технико-технологических средств третьей промышленной революции (электронных и полупроводниковых устройств) по всему миру и освоением их выпуска многими странами (см. рис. 2).

В период с 2013 по 2020 г. наблюдался рост показателя на 0,44 процентных пункта в год, что связано с наступлением четвертой промышленной революции, обусловленной углублением специализации МРТ в контексте технико-технологических мегатрендов и сопровождающейся растущим международным обменом промышленными суперкомпьютерами, робототехническим, телекоммуникационным и аддитивным оборудованием, устройствами виртуальной и дополненной реальности, беспилотными аппаратами, интеллектуальными датчиками для промышленного интернета вещей, *RFID*-метками и др.

Современными исследователями прогнозируется рост этого сегмента рынка цифровых ресурсов, обусловленный освоением их производства и выпуском в отдельных регионах мира, например в Китае [5, с. 90].

Полученный результат согласуется с данными Отчета исследования мирового рынка информационных технологий, составленного в 2022 г. компанией *Research and Market*, прогнозирующей темп роста рынка цифровых ресурсов в размере 10,3 % до 2026 г. [20, р. 51]. К сегментам рынка исследователи относят ИТ-услуги, компьютерное железо, телеком, программные продукты, что совпадает с трактуемым нами определением понятия «цифровые ресурсы», а в совокупности эти сегменты образуют рынок цифровых ресурсов [9, с. 234].

Вопросы измерения емкости мирового рынка цифровых ресурсов затрагивают теоретико-методологические основы измерения цифрового капитала в части определения его потребления в производстве традиционной

Сегментация рынка цифровых ресурсов в разрезе различных классификаторов

Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 007-2012	Международный статистический отраслевой классификатор <i>ISIC Rev. 4</i>	Результаты исследования глобального рынка ИКТ (<i>Gartner, 2020–2022 гг.</i>)
Компьютеры, оборудование электронное и оптическое, в том числе машины вычислительные цифровые, их части и принадлежности; электронные периферийные устройства, компоненты, платы интегральные (схемы); оборудование электронное измерительное, телекоммуникационное и оптическое, устройства запоминающие (накопители данных) и др.	Вычислительная, электронная и оптическая техника, в том числе компьютеры и периферийное оборудование, электронные детали и платы, оборудование электронное измерительное, оборудование для связи, электронная аппаратура для конечного потребителя, оптические инструменты и приборы, магнитные и оптические носители информации и др.	Центры обработки данных (<i>Data Center System</i>), ИТ-оборудование (<i>Devices</i>)
Телекоммуникационные услуги, содержащие услуги проводной и беспроводной телекоммуникационной связи, услуги по передаче данных и сообщений, услуги спутниковой связи, услуги телекоммуникационные прочие	Услуги проводной и беспроводной, спутниковой связи, в том числе эксплуатация и обслуживание коммутационного оборудования и средств передачи информации, мобильных сетей связи, эксплуатация спутниковых терминалов и связанного с ними оборудования, предоставление услуг связи по действующим телекоммуникационным соединениям, доступа в Интернет и др.	Коммуникационные услуги (<i>Communications Services</i>)
Услуги в области компьютерного программирования, консультационные и аналогичные им, содержащие услуги в области компьютерного программирования, проектирования и разработки информационных технологий, услуги по управлению коммуникационными сетями и компьютерными системами, а также прочие подобные им услуги	Услуги в сфере информационных технологий: разработка, модификация, тестирование и техническая поддержка программного обеспечения, планирование и разработка компьютерных систем, объединяющих в себе аппаратное и программное обеспечение и технологии связи, обеспечение непосредственного управления и их эксплуатации компьютерными системами и/или центрами обработки данных, прочие услуги в сфере информационных технологий и обслуживания компьютерной техники	Программное обеспечение корпоративного класса (<i>Enterprise Software</i>), консультационные услуги и услуги управления системами (<i>IT Services</i>)
Услуги в области информационного обслуживания, включающие обработку данных в цифровом виде, деятельность интернет-порталов, информационных агентств, размещение и поддержку ресурсов в сети Интернет, прикладные и прочие услуги по предоставлению информационной инфраструктуры и др.	Услуги интернет-порталов по поиску веб-страниц, связанные с обработкой данных и хостингом и относящиеся в основном к предоставлению информации, содержащие предоставление инфраструктуры для хостинга, услуг по обработке данных, предоставление поисковых функций, услуг веб-порталов для создания и ведения баз данных интернет-адресов, информационных сайтов, предоставляющих периодически обновляемое содержание, и др.	Включено в раздел Консультационные услуги и услуги управления системами (<i>IT Services</i>)

И с т о ч н и к: подготовлено по [10; 12; 21].

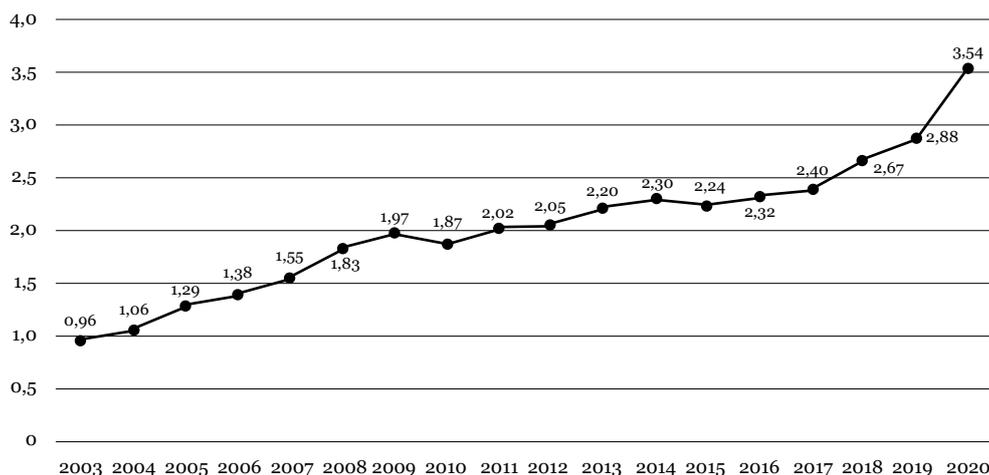


Рис. 1. Динамика экспорта телекоммуникационных услуг и услуг в области информационного обслуживания, %

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [17].

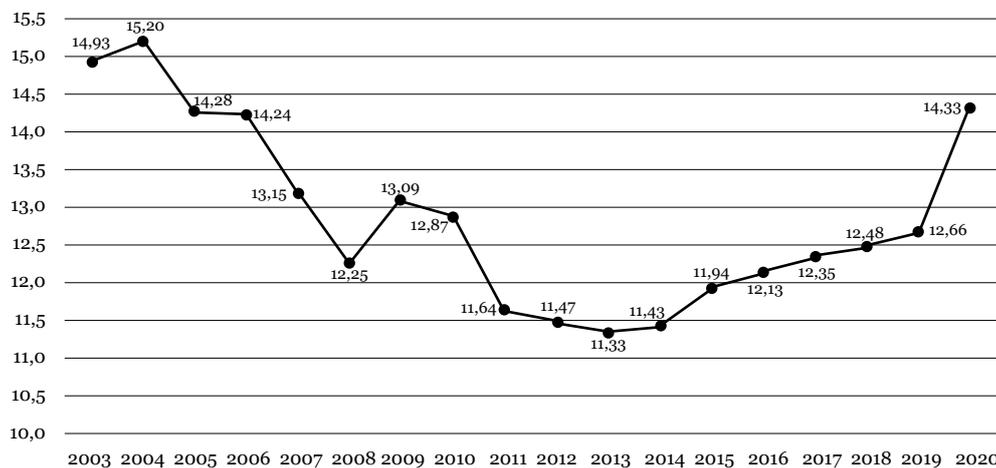


Рис. 2. Динамика экспорта компьютеров, электронного и оптического оборудования, % в мировом экспорте

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [17].

продукции конечными потребителями, объемов валового накопления, изменения запасов оборотных цифровых активов и экспорта.

Стоимость выпуска цифровых ресурсов по сути является показателем предложения, а стоимостные показатели промежуточного и конечного потребления цифровых ресурсов, экспорта, их валового накопления и изменения оборотных запасов характеризуют совокупный спрос на рынке цифровых ресурсов. Таким образом, емкость мирового рынка цифровых ресурсов предлагается измерять совокупным спросом *AD* (*Aggregate demand*), формируемым объемами промежуточного потребления *IC* (*Intermediate consumption*), конечного потребления *FC* (*Final consumption*), цифровых ресурсов и их экспорта *EDR* (*Exporting digital resources*), стоимостью их валового накопле-

ния *GFCF* (*Gross Fixed Capital Formation*) и изменением оборотных запасов *INVN* (*Changes in inventories*), и рассчитывать по формуле

$$AD = IC + FC + EDR + GFCF + INVN. \quad (1)$$

Для межстранового сопоставления полученных значений предлагаемого показателя и дальнейшего ранжирования стран в порядке его убывания предложена более удобная форма представления апробированного результата в виде удельного показателя емкости рынка, *SAD*, полученного путем соотношения совокупного спроса и численности населения страны (*PS*)

$$SAD = AD / PS. \quad (2)$$

Вместе с тем параметры, входящие в выражение (1), представляют собой экономические показатели, характеризующие стоимостные измерения масштаба и темпов цифровой трансформации различных секторов экономики, и интерпретируются следующим образом. Рост промежуточного потребления цифровых ресурсов характеризует степень использования электронных комплектующих, программного обеспечения, телекоммуникационных и информационных услуг в производстве традиционной продукции.

Конечное потребление цифровых ресурсов характеризует их использование конечными потребителями, как домашними хозяйствами, так и некоммерческими и государственными организациями. Стоимостью валового накопления цифровых ресурсов определяется стоимость обновления компьютерного, телекоммуникационного, аддитивного оборудования, специального программного обеспечения хозяйствующими субъектами экономики, а показатель изменения оборотных запасов цифровых ресурсов свидетельствует о движении электронных комплектующих, программных продуктов, предназначенных для управления электронными компонентами в составе традиционных товаров. Внутренние и внешние потоки, определяемые динамикой распределения цифровых ресурсов, характеризуются показателями промежуточного и конечного спроса, а также экспортом данных ресурсов и обуславливают цифровое развитие стран.

Апробация предлагаемого методологического подхода проведена на основе международной базы данных 2018 г. в разрезе стран ОЭСР [22]. Результат анализа удельной емкости рынка цифровых ресурсов (рис. 3) позволил построить альтернативный рейтинг цифрового развития стран ОЭСР. В десятке первых оказались Люксембург, Сингапур, Ирландия, Швейцария, Тайвань, Мальта, Гонконг, Южная Корея, Нидерланды, Дания.

Полученный результат отличается от международных рейтингов цифрового развития стран. Проведенная оценка удельной емкости мирового рынка цифровых ресурсов и на ее основе ранжирование стран позволяют сделать соответствующий вывод.

Выделенный нами сегмент цифровых ресурсов в рамках мирового рынка, измеренная удельная емкость этого сегмента по странам и сопоставление значений в разрезе исследу-

емых экономик представляют собой новый методологический подход, альтернативный существующей методологии оценки уровня международного цифрового развития.

Применение полученных результатов позволяет измерить емкость мирового рынка цифровых ресурсов с использованием эмпирических данных, содержащихся в межотраслевых балансах стран.

Предложенный методологический подход экономической оценки цифрового развития стран позволяет:

1) выделить сегмент мирового рынка «цифровые ресурсы» по основным характеристикам только для них свойствам и отличительным признакам от нецифровых ресурсов;

2) произвести анализ цифровой трансформации экономики стран на основе системы новых макроэкономических показателей, характеризующих стоимостные составляющие емкости мирового рынка цифровых ресурсов на основе дифференциации спроса;

3) произвести сопоставление и ранжирование стран по уровню цифрового развития путем апробации предложенного методологического подхода на основе эмпирических данных базы ОЭСР и анализа полученного результата.

На основе предложенного подхода можно произвести прогнозирование цифрового развития стран и научно обосновать выбор направления повышения конкурентоспособности Республики Беларусь на мировом рынке цифровых ресурсов. Практическое значение авторского подхода заключается в простоте проведения ситуационного мониторинга цифрового развития стран на основе общедоступных данных.

Авторский методологический подход может быть использован в качестве альтернативы существующей методологии международных рейтингов цифрового развития, основанной на статистических измерениях количественных показателей числа пользователей мобильной связи и сети Интернет и экспертных оценках развития институциональной среды и цифровой инфраструктуры. Предлагаемый расчет показателя удельной емкости рынка цифровых ресурсов в динамике и его анализ могут быть использованы как простой количественный инструмент экономической оценки цифровой трансформации мирового хозяйства.

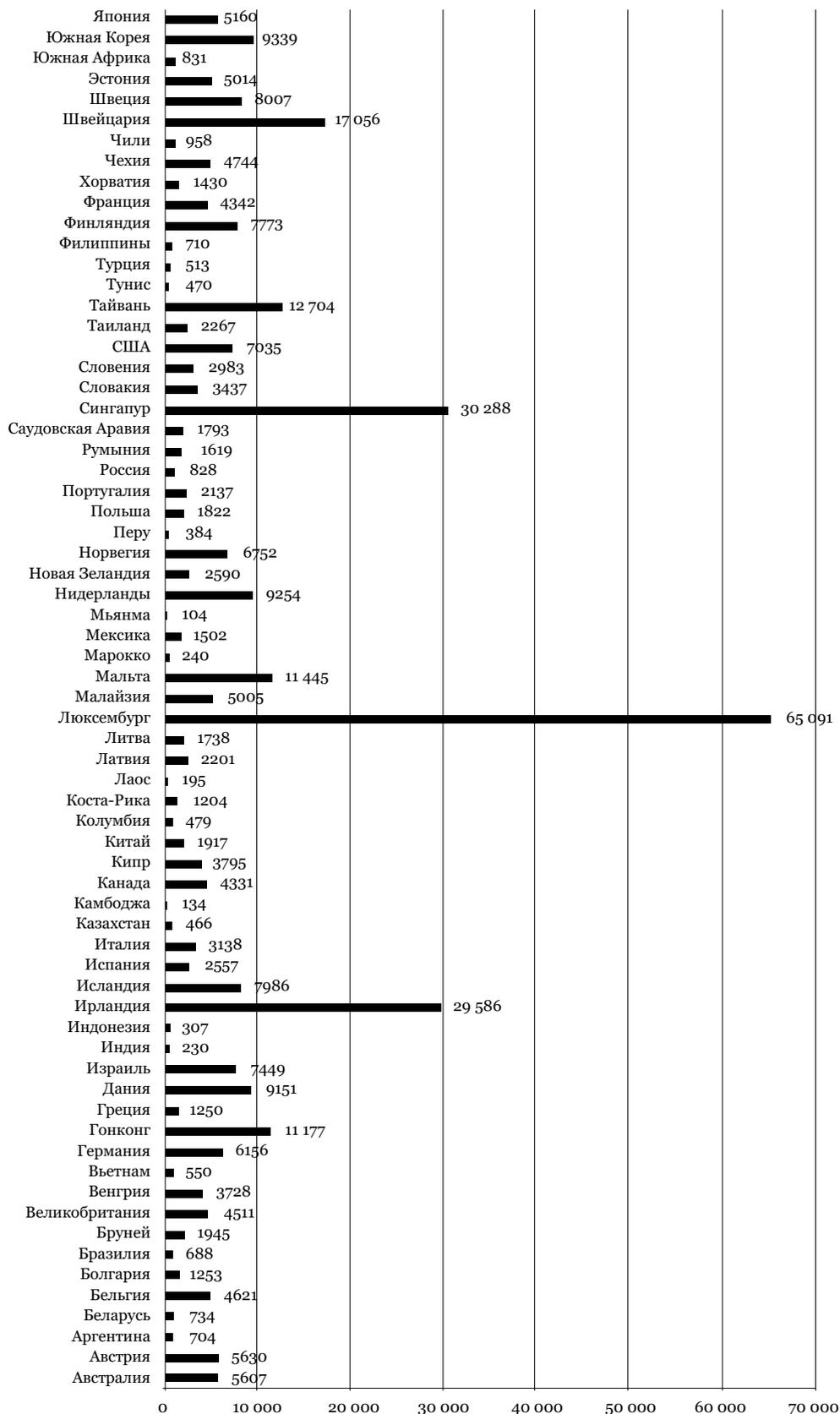


Рис. 3. Удельная емкость рынка цифровых ресурсов, дол. США/чел.

Источники: собственная разработка на основе [22; 24].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бухт, Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестн. междунар. организаций. — 2018. — Т. 13, № 2. — С. 143–172. (<https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07>)
2. Виды экономической деятельности (ОКЭД): общегосударств. классификатор Респ. Беларусь ОКРБ 005-2011. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/OKRB_005-2011_s_izm_1-5.pdf>. — Дата доступа: 14.02.2023.
3. Головенчик, Г. Г. Международный рынок информационных услуг: состояние и тенденции развития / Г. Г. Головенчик, П. Р. Карпович // Весн. сувязі. — 2020. — № 4. — С. 46–54.
4. Давыденко, Е. Л. Международный рынок ИКТ-услуг: современные тенденции и особенности развития китайского сегмента / Е. Л. Давыденко, Су Цян // Весці БДПУ. Сер. 2. — 2021. — № 1. — С. 64–73.
5. Давыденко, Е. Л. Международный рынок товаров ИКТ: современные тенденции и особенности развития китайского сегмента / Е. Л. Давыденко, Су Цян // Вестн. Ин-та экономики НАН Беларуси. — 2021. — Вып. 3. — С. 83–98. (<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2021-3-83-98>)
6. Данильченко, А. В. Цифровая трансформация обрабатывающей промышленности Республики Беларусь: тенденции и перспективы развития / А. В. Данильченко, И. А. Зубрицкая, К. В. Якушенко. — Минск: Право и экономика, 2019. — 246 с.
7. Зубрицкая, И. А. Мировой опыт внедрения технико-технологических средств четвертой промышленной революции: результаты экономического анализа / И. А. Зубрицкая // Новая экономика. — 2019. — № 1 (73). — С. 80–90.
8. Зубрицкая, И. А. Цифровая трансформация обрабатывающей промышленности: точки роста экспорта и добавленной стоимости / И. А. Зубрицкая // Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей вузов, ученых, специалистов, аспирантов, студентов, Н. Новгород, 27 нояб. 2019 г. / редкол.: А. А. Федоров [и др.]; Нижегород. гос. пед. ун-т имени Козьмы Минина. — Н. Новгород, 2019. — Т. 1. — С. 128–132.
9. Зубрицкая, И. А. Цифровой капитал: новые показатели цифровой экономики / И. А. Зубрицкая // Новая экономика. — 2022. — № 2 (80). — С. 234–246.
10. ИКТ (мировой рынок) [Электронный ресурс] // Tadviser. — 14.02.2023. — Режим доступа: <[https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%9A%D0%A2_\(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%9A%D0%A2_(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA))>. — Дата доступа: 22.02.2023.
11. Информационное общество Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2021. — 95 с. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/719/7199f71a6c5b80265d51141c9bbeaf39.pdf>>. — Дата доступа: 18.02.2023.
12. Классификатор продукции по видам экономической деятельности (ОКП РБ): общегосударств. классификатор Респ. Беларусь ОКРБ 007-2012 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.belstat.gov.by/klassifikatory/obschegosudarstvennye-klassifikatory-respubliki-belarus-ispolzuemye-dlya-zapolneniya-gosudarstvennoi-statisticheskoi-otchetnosti/obschegosudarstvennyi-klassifikator-respubliki-belarus-okrb-007-2012-klassifikator-produktsii-po-vidam-ekonomicheskoi-deyatelnosti-okp-rb/>>. — Дата доступа: 27.02.2023.
13. Ковалёв, М. М. Цифровая экономика — шанс для Беларуси / М. М. Ковалёв, Г. Г. Головенчик. — Минск: Изд. центр БГУ, 2018. — 327 с.
14. Нехорошева, Л. Н. Цифровая трансформация экономики: новая технологическая парадигма и перспективные направления развития экономических систем различного уровня / Л. Н. Нехорошева // Белорус. экон. журн. — 2022. — № 1. — С. 97–115. (<https://doi.org/10.46782/1818-4510-2022-1-97-115>)
15. Панышин, Б. Н. Цифровая экономика: понятия и направления развития / Б. Н. Панышин // Наука и инновации. — 2019. — № 3. — С. 48–55.
16. Столярова, Е. В. Европейские страны с малой открытой экономикой в международной торговле ИТ-услугами / Е. В. Столярова // Банкаўскі весн. — 2020. — № 10/678. — С. 61–72.
17. Экспорт товаров и услуг [Электронный ресурс] // knoema. — Режим доступа: <<https://knoema.com/atlas/topics/Foreign-Trade/Export/Exports-of-goods-and-services>>. — Дата доступа: 04.02.2023.
18. GCI Ranking Table [Electronic resource] // Huawei. — Mode of access: <<https://www.huawei.com/minisite/gci/en/country-rankings.html>>. — Date of access: 18.02.2023.
19. IMD World Digital Competitiveness Ranking 2021 [Electronic resource] // Tadviser. — Mode of access: <https://www.tadviser.ru/images/f/f6/Digital_2021.pdf>. — Date of access: 11.02.2023.
20. Information Technology Global Market Report 2022. — 500 p. [Electronic resource] // Research and Market USA. — 2022. — Mode of access: <<https://www.researchandmarkets.com/reports/5561700/information-technology-global-market-report>>. — Date of access: 17.02.2023.
21. International Standard Industrial Classification of All Economic Activities [Electronic resource] // ILOSTAT. — Mode of access: <<https://ilostat.ilo.org/resources/concepts-and-definitions/classification-economic-activities/>>. — Date of access: 22.01.2023.
22. OECD.Stat [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://stats.oecd.org/>>. — Date of access: 18.02.2023.
23. Statistical classification of economic activities in the European Community: NACE Rev. 2. — Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008. — 363 p. [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5902521/KS-RA-07-015-EN.PDF>>. — Date of access: 17.02.2023.
24. Total population [Electronic resource] // knoema. — Mode of access: <<https://knoema.com/atlas/topics/Demographics/Population/Population>>. — Date of access: 04.02.2023.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2023 г.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕНСИВНОСТИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КИТАЯ СО СТРАНАМИ «БОЛЬШОЙ СЕМЕРКИ» И АСЕАН

Ши Чжичао

В статье проведена оценка непосредственных и реальных последствий торгового конфликта между Китаем и США для экономики стран «Большой семерки» (G7) и АСЕАН. Проанализировано влияние данного конфликта на ключевые страны — партнеры США и КНР на основе дискурса современной политической и экономической литературы и фактических данных. Показано, что, хотя последствия являются негативными и значительными для США и Китая, они управляемы и в некоторой мере имеют положительный эффект для других стран.

Ключевые слова: АСЕАН; «Большая семерка»; внешняя торговля; Китай; мировая экономика.

«Comparative Analysis of the Intensity of China's Foreign Trade with Group of Seven Countries and ASEAN» (Shi Zhichao)

The article is devoted to assessing the immediate and real consequences of the trade conflict between China and the United States for the economies of the G7 and ASEAN countries. The study analyses the impact of this trade conflict on key partner countries of the US and China, emerging from the discourse of modern political and economic literature and evidence. It is shown that, although the consequences are negative and significant for the US and China, they are manageable and show positive effects to some extent for other countries.

Keywords: ASEAN; China; G7; international trade; world economy.

Стремительный подъем Китая с 1980-х гг. в сельском хозяйстве, промышленности, сфере услуг и цифровизации экономики является следствием дисциплинированности и политической сплоченности китайской нации. В современной мировой экономической истории нет параллели столь масштабной национальной трансформации. Китай достиг состояния экономического процветания, несмотря на то, что является одной из крупнейших стран мира по численности населения. Впечатляющая трансформация Китая находится в центре внимания глобальных акторов западного мира.

Следует отметить два важных исследования о непосредственных последствиях американо-китайского торгового противостояния: М. Амита, С. Дж. Реддинга, Д. Вайнштейна [5] и П. Д. Файгельбаума, К. Голдберга, П. Дж. Кеннеди, А. Ханделвала [9]. В них, в частности, отмечается, что в результате ввода торговых барьеров был осуществлен полный переход американских тарифов к американским импортерам. Другими словами, китайские экспортеры, которые продолжали продавать свои товары в США после введения тарифов, не снижали цены, чтобы смягчить нагрузку на своих клиентов, а, напротив, увеличили их.

Данные выводы обосновываются в работе по оптимальным тарифам и ценовой реакции фирм на колебания валютных курсов. Исследования оптимальных тарифов Ч. П. Боуна [6], М. А. Кроули [10] показали, что правительства устанавливают более высокие тарифы, когда их стоимость может быть (по крайней мере, частично) перенесена на экспортеров. Кроме того, в торговые конфликты может быть вовлечено большее количество стран, а протекционистская политика может выйти на глобальный уровень. Поскольку такая политика, как правило, наносит наибольший ущерб более слабым странам, хорошо функционирующая многосторонняя торговая система, способная ослабить протекционистские импульсы и сохранить доступ на рынки для более бедных стран, имеет фундаментальное значение.

Среди китайских ученых следует выделить работы Лю Юаньчуня [1], Чжан Вэя [3] и Чжан Юйхуаня [4]. Лю Юаньчунь утверждал, что влияние экспорта на экономику Китая отражается не только на самом экспорте, но и на потреблении, инвестициях и т. д., а также на взаимодействии разных государств. Торговые конфликты также влияют на разделение труда в самой производственной цепочке и процесс

Автор:

Ши Чжичао — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: shizhichao130@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Shi Zhichao — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: shizhichao130@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

распределения ресурсов, поскольку Китай заимствует передовые технологии и управленческий опыт из-за рубежа [1, с. 6]. Чжан Вэй указывал, что торговое противостояние КНР и США оказывает негативное влияние на экономику, финансы и банковскую отрасль Китая, а согласно модели общего равновесия его влияние на ВВП Китая варьируется в пределах 1 %. Торговый конфликт повышает процентную ставку на финансовых рынках и снижает обменный курс юаня. При этом, по мнению ученого, непродолжительная торговая война развивается по логике «трение — эскалация — переговоры — повторная эскалация — переговоры — компромисс для обеих сторон» [3, с. 73]. Чжан Юйхуань пришел к выводу о том, что в торговом конфликте между Китаем и США не будет победителя. В ходе спора обе стороны понесут убытки в разной степени, но сам торговый конфликт — это процесс демонстрации силы и конкуренции обеих сторон. Поэтому неизбежен процесс достижения нового соглашения между конфликтующими сторонами [4, с. 31].

Таким образом, представляется верным утверждение о том, что американо-китайский торговый конфликт связан с ощущаемой политиками Соединенных Штатов угрозой растущего глобального экономического влияния Китая [7, р. 8], а также с настоятельной необходимостью США бороться с растущим глобальным влиянием Китая во всех сферах мировой экономики и политики.

Цель данной статьи — изучить влияние торгового конфликта КНР и США на торговлю стран G7 и АСЕАН.

В рамках исследования проведен сравнительный анализ статистических данных Всемирной торговой организации по экспортно-импортным операциям КНР со странами G7 и АСЕАН в 2017–2021 гг.

Рассмотрим основные результаты американо-китайского торгового конфликта и их влияние на страны «Большой семерки», исходя из дискурса современной политической и экономической литературы и фактических данных (табл. 1, 2).

Согласно данным табл. 1 сумма экспорта Китая в страны G7 в 2021 г. составила 1086,6 млрд дол. США, что выше уровня 2017 г. (783,7 млрд дол. США) на 38,6 %. Среднегодовой темп прироста за 2017–2021 гг. составил 7,7 %.

При этом наибольший удельный вес по-прежнему занимает экспорт Китая в США (2021 г. — 17,16 %, 2017 г. — 18,99 %). Снижение по экспорту за период введения ограничительных торговых мер составило 1,83. В среднегодовом значении это снижение еще меньше — 0,37 %. Доля экспорта Китая в Японию также сократилась на 1,14 %. Остальные страны «Большой семерки» демонстрируют прирост: Великобритания — 0,08 %, Германия — 0,28 %, Италия — 0,01 %, Франция — 0,16 %, Канада — 0,14 %.

Согласно данным табл. 2 сумма импорта Китая из стран G7 в 2021 г. составила 624,7 млрд

Таблица 1

Динамика экспорта Китая в страны G7

Страны G7	2017		2018		2019		2020		2021	
	млрд дол. США	%								
Великобритания	56,7	2,51	56,99	2,29	62,3	2,49	72,6	2,80	87,0	2,59
Германия	71,1	3,14	77,91	3,13	79,0	3,16	86,8	3,35	115,2	3,42
Италия	29,2	1,29	33,2	1,34	33,4	1,34	32,9	1,27	43,6	1,30
США	429,7	18,99	479,7	19,29	418,0	16,73	452,6	17,47	577,1	17,16
Франция	27,7	1,22	30,7	1,23	33,1	1,32	37,3	1,44	46,4	1,38
Япония	137,3	6,07	147,24	5,92	143,0	5,72	142,6	5,50	165,8	4,93
Канада	31,4	1,39	35,2	1,42	36,8	1,47	42,1	1,62	51,5	1,53

Источники: разработка автора на основе [12].

Таблица 2

Динамика импорта Китая из стран G7

Страны G7	2017		2018		2019		2020		2021	
	млрд дол. США	%								
Великобритания	22,3	1,21	23,9	1,12	23,8	1,15	19,8	0,96	25,7	1,24
Германия	96,9	5,26	106,3	4,98	105,0	5,07	105,3	5,12	120,0	5,80
Италия	20,5	1,11	21,1	0,99	21,4	1,03	22,2	1,08	30,2	1,46
США	153,9	8,35	155,1	7,26	123,0	5,94	136,0	6,61	181,0	8,75
Франция	26,8	1,45	32,2	1,51	32,6	1,58	29,7	1,44	31,9	1,54
Япония	165,8	8,99	180,7	8,46	171,0	8,26	174,9	8,51	205,5	9,93
Канада	20,4	1,11	28,4	1,33	28,0	1,35	21,9	1,07	30,4	1,47

Источники: разработка автора на основе [12].

дол. США, что выше уровня 2017 г. (506,6 млрд дол. США) на 23,3 %. Среднегодовой темп прироста импорта за 2017–2021 гг. составил 4,7 %.

По показателю импорта наибольший удельный вес имеет Япония (2021 г. — 9,93 %, 2017 г. — 8,99 %). Второе место занимают США (2021 г. — 8,75, 2017 г. — 8,35 %), третье — Германия (2021 г. — 5,8, 2017 г. — 5,26 %). Стоит отметить, что страны G7 проводили политику снижения зависимости от экспорта Китая. В связи с этим в 2019 г. удалось значительно снизить торговый баланс (превалирование экспорта Китая в страны G7 над импортом) на 4 %. Однако уже в 2020 г. прирост данного показателя составил 18,7 %, а в 2021 г. — 29,3 % (рис. 1).

Таким образом, совокупный анализ данных внешней торговли Китая со странами G7 свидетельствует о том, что независимо от принятых торговых барьеров страны G7 не смогли снизить свою зависимость от торговли с Китаем. Небольшое снижение торговли отмечалось в первые годы торгового конфликта (2018–2019 гг.), но уже в 2020–2021 гг. торговля существенно увеличилась, а важность стран G7 (долевое участие) как торговых партнеров Китая практически не изменилась.

Согласно динамике индекса интенсивности торговли Китая со странами «Большой семер-

ки» в 2017–2021 гг. произошло его существенное снижение (0,08) (рис. 2).

На фоне введения значительного числа новых налогов и подавления двусторонних торговых потоков между Соединенными Штатами и Китаем страны, не участвующие в конфликте, увеличили свой экспорт в США и другие государства, а мировая торговля в целом расширилась.

В 2004 г. объем двусторонней торговли между Китаем и АСЕАН впервые превысил 100 млрд дол. США, а в 2019 г. достиг 600 млрд. В настоящее время Китай и АСЕАН стали крупнейшими торговыми партнерами.

В октябре 2019 г. Обновленный протокол о зоне свободной торговли Китай — АСЕАН вступил в силу для всех государств — участников соглашения [8]. Это снизило порог количественных ограничений при выходе на рынки стран-участниц, а также коснулось правил оформления торговых операций, торговли услугами и инвестиций, что эффективно способствовало развитию торговли между Китаем и странами АСЕАН. Таким образом, объем торговли и общий объем инвестиций между двумя сторонами быстро увеличились.

В целом с 2002 по 2010 г. двусторонняя торговля товарами между Китаем и АСЕАН составляла 9–10 % от общего объема внешней

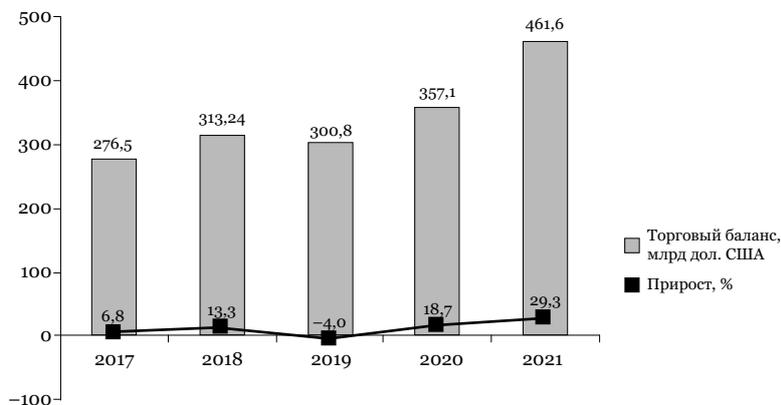


Рис. 1. Торговый баланс КНР и стран G7

Источники: разработка автора на основе [12].

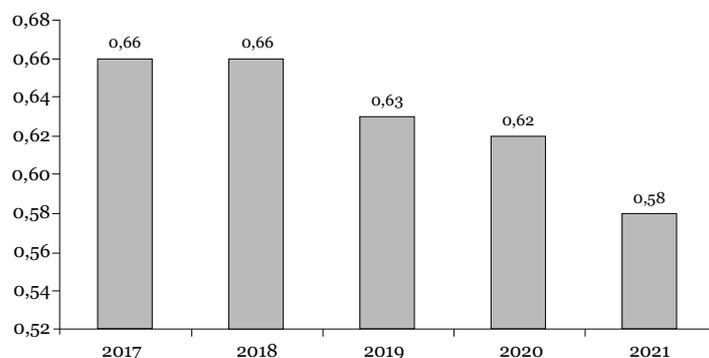


Рис. 2. Индекс интенсивности торговли Китая со странами G7

Источники: разработка автора на основе [12].

торговли товарами КНР; с 2010 по 2019 г. этот показатель вырос до 14 %. Кроме того, позиции Китая на экспортном рынке АСЕАН значительно укрепились. С 2010 по 2018 г. рыночная доля Китая в экспорте основных продуктов АСЕАН выросла с 23 до 29 %; в экспорте потребительских товаров — удвоилась с 5 до 10 % [11, р. 39].

Как следует из табл. 3, сумма экспорта Китая из стран АСЕАН в 2021 г. составила 483,6 млрд дол. США, увеличившись на 73,2 % по сравнению с 2017 г. Среднегодовой темп прироста составил 14,7 % (ранее он не превышал 5 %). По важности партнерских отношений страны АСЕАН в экспорте Китая расположились следующим образом: Вьетнам, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины, Сингапур, Камбоджа, Мьянма, Лаос и Бруней (см. табл. 3).

Зависимость Вьетнама от экспорта Китая резко возросла с 3,16 % в 2017 г. до 4,1 % в 2021 г. Малайзия, Лаос, Сингапур и Мьянма также сильно зависят от китайской экономики.

По общему импорту из стран АСЕАН в Китай страны расположились в следующем порядке: Малайзия, Вьетнам, Индонезия, Таиланд, Сингапур, Филиппины, Мьянма, Лаос, Бруней, Камбоджа (табл. 4).

Сумма импорта Китая из стран АСЕАН составила в 2021 г. 395,2 млрд дол. США, увеличившись на 165,4 % по сравнению с 2017 г. Среднегодовой темп прироста импорта за анализируемый период составил 13,1 %.

Под влиянием пандемии COVID-19 темпы роста объема торговли между Китаем и АСЕАН снизились в 2020 г. Однако в начале 2020 г. АСЕАН стала крупнейшим торговым партнером Китая, потеснив страны ЕС. Исполнительный председатель Делового совета Китай — АСЕАН Сюй Ниннин в своем отчете отметил, что «с января по август 2020 г. общий объем торговли между Китаем и АСЕАН достиг 416,55 млрд дол. США, увеличившись на 3,8 % в годовом исчислении, что составляет 14,6 % от общего объема внешней торговли Китая» [2].

Поскольку Китай и страны АСЕАН являются развивающимися, их уровни экономического

Таблица 3

Динамика экспорта Китая в страны АСЕАН в 2017—2021 гг.

Страны АСЕАН	2017		2018		2019		2020		2021	
	млрд дол. США	%								
Индонезия	34,7	1,53	43,1	1,73	45,7	1,83	41,0	1,58	60,7	1,80
Малайзия	41,7	1,84	45,4	1,83	52,5	2,10	56,4	2,18	78,7	2,34
Сингапур	45,0	1,99	49,0	1,97	55,0	2,20	57,5	2,22	55,2	1,64
Таиланд	38,5	1,70	42,8	1,72	45,6	1,82	50,5	1,95	69,4	2,06
Филиппины	32,0	1,41	35,0	1,41	40,8	1,63	41,8	1,61	57,3	1,70
Бруней-Даруссалам	0,6	0,03	1,6	0,06	0,6	0,02	0,5	0,02	0,6	0,02
Вьетнам	71,6	3,16	83,8	3,37	98,0	3,92	113,8	4,39	137,9	4,10
Лаос	1,4	0,06	1,4	0,06	1,8	0,07	1,5	0,06	1,7	0,05
Мьянма	8,9	0,39	10,5	0,42	12,3	0,49	12,6	0,49	10,5	0,31
Камбоджа	4,7	0,21	6,0	0,24	8,0	0,32	8,1	0,31	11,6	0,34

Источники: разработка автора на основе [12].

Таблица 4

Динамика импорта Китая из стран АСЕАН в 2017—2021 гг.

Страны АСЕАН	2017		2018		2019		2020		2021	
	млрд дол. США	%								
Индонезия	28,6	1,55	34,1	1,60	34	1,64	37,4	1,82	63,9	3,09
Малайзия	54,4	2,95	63,2	2,96	71,6	3,46	74,7	3,63	98,2	4,75
Сингапур	34,2	1,85	33,7	1,58	35,2	1,70	31,6	1,54	38,8	1,88
Таиланд	41,6	2,26	44,6	2,09	46,1	2,23	48,1	2,34	61,8	2,99
Филиппины	19,2	1,04	20,6	0,96	20,2	0,98	19,3	0,94	24,8	1,20
Бруней-Даруссалам	3,5	0,19	2,5	0,12	0,5	0,02	1,4	0,07	2,2	0,11
Вьетнам	50,4	2,73	64,0	3,00	64,0	3,09	78,5	3,82	92,3	4,46
Лаос	1,6	0,09	2,0	0,09	2,2	0,11	2,1	0,10	2,7	0,13
Мьянма	4,5	0,24	4,7	0,22	6,4	0,31	6,3	0,31	8,4	0,41
Камбоджа	1,0	0,05	1,4	0,07	1,4	0,07	1,5	0,07	2,1	0,10

Источники: разработка автора на основе [12].

развития и промышленные структуры схожи, они являются экспортно ориентированными экономиками и в торговле полагаются на рынки западных стран. Обе стороны способствуют внутреннему экономическому развитию за счет привлечения иностранных инвестиций и технологий, используют природные ресурсы и преимущество в стоимости рабочей силы для участия в международной конкуренции, их продукция также однородна.

С момента создания Зоны свободной торговли Китай – АСЕАН (САФТА) Китай и страны АСЕАН постепенно отменили тарифные и нетарифные меры для большинства товаров. Сфера услуг и рынок инвестиций были открыты, Китай и АСЕАН сократили или устранили торговые барьеры, добились либерализации торговли, что вызвало эффект отклонения торговли (осуществление коллективного протекционизма в отношении третьих стран, не входящих в зону Соглашения) между Китаем и странами АСЕАН. С 2012 г. сальдо торгового баланса Китая со странами АСЕАН изменилось с дефицита на профицит, что вызвало обеспокоенность АСЕАН. В долгосрочной перспективе торговый дисбаланс не будет способствовать устойчивому развитию двустороннего экономического сотрудничества.

Долгосрочное положительное сальдо торговли между Китаем и странами АСЕАН еще больше увеличило торговый дисбаланс (рис. 3). Так, за указанный период индекс интенсивности торговли Китая со странами АСЕАН увеличился на 2 % (рис. 4).

Страны Восточной Азии являются ключевыми поставщиками промежуточных продуктов и ресурсов в Китай. Ожидаемое падение китайского экспорта в США может иметь для них негативные последствия в зависимости от того, в какие звенья цепочки создания стоимости вносит свой вклад каждая страна. Это, в свою очередь, определяет, какие промежуточные продукты и сырье страны поставляют Китаю при производстве продукции.

Стратегия темпов роста Азиатского региона исходит из того, что свободная торговля дает возможность извлекать выгоду из все более длинных глобальных цепочек создания стоимости, где каждая производственная единица построена таким образом, чтобы минимизировать издержки, максимизировать эффективность и стимулировать инновации через международное партнерство [8]. Следовательно, страны Азии стремятся увеличивать объемы торговли на основе заявленных общих целей.

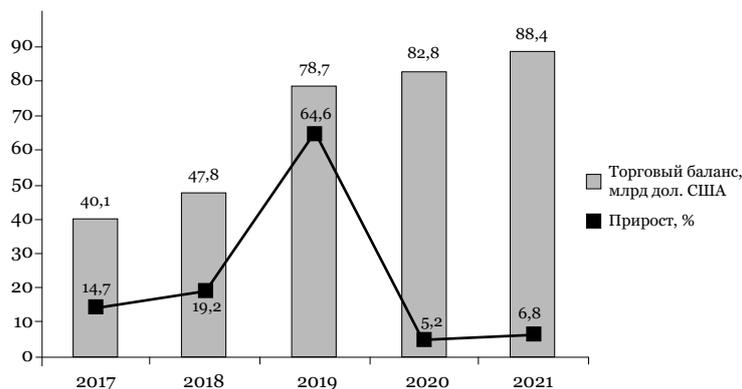


Рис. 3. Торговый баланс КНР и АСЕАН

Источники: разработка автора на основе [12].

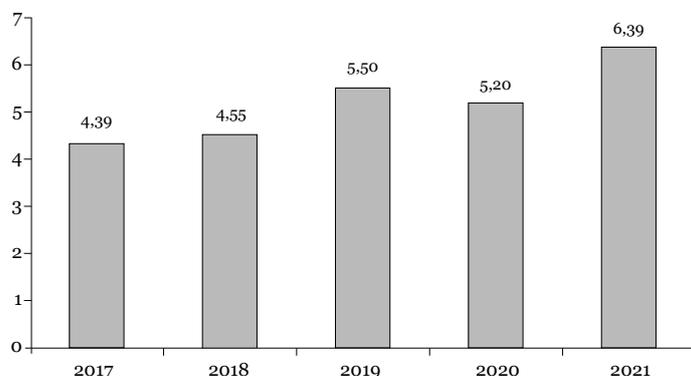


Рис. 4. Индекс интенсивности торговли Китая по региону АСЕАН в целом

Источники: разработка автора на основе [12].

Соединенные Штаты на современном этапе вынуждены конкурировать с Китаем, лишаящим их глобального господства из-за огромного размера его экономики и способности применять концепцию «мягкой силы» без необходимости строить и поддерживать множество военных баз по всему миру.

Исследование показало, что в условиях торгового конфликта США и Китай в основном повышали тарифы и вводили налоги, а страны G7 и АСЕАН увеличили торговлю между конфликтующими сторонами путем диверсификации торговых потоков. Согласно статистическим данным страны — торговые партнеры КНР и США увеличили свой экспорт в Америку в ответ на ее тарифную политику, но сократи-

ли свой экспорт в Китай в ответ на китайские пошлины. Кроме того, эти страны увеличили свой экспорт в развивающиеся государства. В АСЕАН обнаружилось существенные межстрановые различия в эластичности экспорта от вводимых тарифов. Это свидетельствует о значительной неоднородности торговых потоков между странами, выраженной в замещаемости спроса или взаимодополняемости торговли с США и Китаем.

Таким образом, введение таможенных тарифов незначительно повлияло на изменение результатов торговли Китая со странами G7 и АСЕАН, но определило необходимость диверсификации торговых потоков.

Список использованных источников

1. Лю Юаньчунь. Чжун Мэй маои моца дэ сяньши инсян юй цянъцзин таньцзю-цзюйюй кэцзисуань ипань цзюяьхэн фанфа дэ цзинянь фэньси = Исследование реальных последствий и перспектив китайско-американских торговых трений на основе метода вычислимого общего равновесия: эмпирический анализ / Лю Юаньчунь // Жэньминь луньтань — Сюешу цянъянь = Народный форум-Академические рубежи. — 2018. — № 8. — С. 6—18 (на кит. яз.).
2. Сюй Ниннин: Чжун Го Дун Мэн маои чисой цзэнчжан = Сюй Ниннин: товарооборот между Китаем и АСЕАН продолжает расти [Электронный ресурс] // Чжун Го — Дун Мэн шану лишихэуй = Деловой совет Китай — АСЕАН. — 17.09.2020. — Режим доступа: <<http://www.china-aseanbusiness.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=80&id=35140>>. — Дата доступа: 09.02.2023 (на кит. яз.).
3. Чжан Вэй. Чжун Мэй маоичжань дэ яньбян личэн цзинци инсян цзи чжэнцэ бои = Эволюция, экономическое воздействие и политическая игра китайско-американской торговой войны / Чжан Вэй // Шэньчжэнь дасюе сюебао (Жэньвэнь шэкэ бань) = Журн. Шэньчжэнь. ун-та (гуманитар. и соц. науки). — 2018. — № 35. — С. 73—82 (на кит. яз.).
4. Чжан Юйхуань. Тэланпу Чжэнфу дэ дуйвай цзинмао чжэнцэ юй Чжун Мэй цзинмао бои = Внешнеэкономическая и торговая политика администрации Трампа и китайско-американская торгово-экономическая игра / Чжан Юйхуань // Вайцзяо Шэньча = Дипломат. обзор. — 2018. — № 3. — С. 12—35 (на кит. яз.).
5. Amity, M. The Impact of the 2018 Trade War on US Imports and Prices: NBER Working Paper 25672, March 2019 / M. Amity, S. J. Redding, D. Weinstein. — 39 p. [Electronic resource] // National Bureau of Economic Research. — Mode of access: <<https://www.nber.org/papers/w25672>>. — Date of access: 13.08.2021. (doi.org/10.3386/w25672)
6. Bown, Ch. P. The US—China Trade Conflict after 40 Years of Special Protection: PIIE Working Paper 19-7, April 2019. — 34 p. / Ch. P. Bown [Electronic resource] // Peterson Institute for International Economics. — Mode of access: <<https://www.piie.com/publications/working-papers/2018-us-china-trade-conflict-after-40-years-special-protection>>. — Date of access: 13.08.2021.
7. National Security Strategy of the United States of America, October 2022 [Electronic resource] // The White House. — Mode of access: <<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>>. — Date of access: 08.02.2023.
8. Reinicke, C. These 8 Asian countries will get the biggest boost if the trade war forces US companies to leave China / C. Reinicke [Electronic resource] // Insider. — 28.08.2019. — Mode of access: <<https://markets.businessinsider.com/news/stocks/8-asian-countries-that-could-benefit-us-china-trade-war-2019-8-1028481289>>. — Date of access: 13.08.2021.
9. The Return to Protectionism: NBER Working Paper / P. D. Fajgelbaum [et al.]. — 81 p. [Electronic resource] // National Bureau of Economic Research. — Mode of access: <<https://www.nber.org/papers/w25638>>. — Date of access: 13.08.2021. (doi.org/10.3386/w25638)
10. Trade War: the Clash of Economic Systems Threatening Global Prosperity / ed. by M. A. Crowley. — CEPR Press, 2019. — 120 p.
11. World Trade Statistical Review 2020. — Geneva, 2020. — 154 p. [Electronic resource] // World Trade Organization. — Mode of access: <https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts2020_e.pdf>. — Date of access: 16.09.2022.
12. WTO Stats [Electronic resource] // World Trade Organization. — Mode of access: <<https://timeseries.wto.org>>. — Date of access: 17.09.2022.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2022 г., доработана в феврале 2023 г.

УЧАСТИЕ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ — ПРИОРИТЕТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вячеслав Румянцев

В статье обоснованы участие Республики Беларусь в региональных объединениях в качестве приоритета внешнеэкономической деятельности страны в целях ее социально-экономического развития, необходимость совершенствования интеграционной политики на современном этапе в условиях неопределенности и волатильности развития мирового хозяйства. Показана эффективность экономического развития Беларуси посредством участия в интеграционных объединениях в условиях санкционного давления недружественных стран. На основе анализа нормативно-правовой базы, определяющей интеграционную политику Беларуси и стран — участниц Евразийского экономического союза, сделан вывод о целесообразности разработки концепции внешней политики Республики Беларусь с учетом опыта других государств-участников.

Ключевые слова: внешняя политика; нормативные правовые документы; интеграционные процессы; региональные объединения; социально-экономическое развитие.

«Participation in Integration Processes is a Priority of Foreign Economic Activities of Belarus at the Present Stage» (Vyacheslav Rumyantsev)

The article substantiates the participation of the state in regional associations as a priority of the country's foreign economic activity for the purpose of its socio-economic development, the need to improve the integration policy at the present stage in an environment of uncertainty and volatility in the development of the world economy. The effectiveness of the economic development of Belarus through participation in integration associations under the sanctions pressure of unfriendly countries is shown. Based on the analysis of the legal framework that determines the integration policy of Belarus and the member countries of the Eurasian Economic Union, it is concluded that it is expedient to develop the concept of the foreign policy of the Republic of Belarus, taking into account the experience of other member states.

Keywords: foreign policy; integration processes; legal documents; regional associations; socio-economic development.

На современном этапе функционирования мирового хозяйства одним из факторов успешного социально-экономического развития любого государства является его участие в международных региональных интеграционных процессах. Подтверждением этому может служить формирование целей в интеграционных объединениях.

В региональных интеграционных объединениях с участием Республики Беларусь задекларированы следующие цели:

— Устав Содружества Независимых Государств (СНГ, Содружество) — «всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция» [10];

— Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС, Союз) — «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения» [1];

— Договор о создании Союзного государства Беларуси и России (Союзное государство) — «создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств-участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики» [2].

Похожие цели декларируются и в других международных региональных объединениях, участницей которых Республика Беларусь не является, — Европейский союз, Соглашение между США, Мексикой и Канадой и др.

Автор:

Румянцев Вячеслав Александрович — заведующий сектором международной экономической интеграции центра мировой экономики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, e-mail: rumyantsev61@mail.ru
Институт экономики Национальной академии наук Беларуси. Адрес: 1, корп. 2, ул. Сурганова, Минск, 220072, БЕЛАРУСЬ

Author:

Rumyantsev Vyacheslav — Head of Section of International Economic Integration of the Center of World Economy of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, e-mail: rumyantsev61@mail.ru
Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus. Address: 1, build. 2, Surganov str., Minsk, 220072, BELARUS

Государства — участники региональных объединений также создают нормативно-правовую базу для участия в интеграционных процессах. Правовую основу участия Беларуси в международных региональных организациях в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности составляют следующие нормативные правовые акты государства:

— Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. В статье 8 Основного Закона государства допускается возможность «на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них» [3]. Данное положение в Конституцию Республики Беларусь внесено и действует с 1996 г.;

— Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Документом установлено, что будущий облик страны будет устанавливаться посредством укрепления влияния государства в работе ЕАЭС и других интеграционных объединениях [4, с. 10]. При этом одной из целей внешнеэкономической деятельности государства определено эффективное участие в интеграционных процессах [4, с. 73];

— Программа социально-экономического развития Беларуси на 2021—2025 годы, в которой одним из направлений внешнеэкономической деятельности страны установлено «повышение вклада интеграционных процессов в экономический рост» [8, с. 45];

— Основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь, которые устанавливают, что одним из приоритетов в сфере международного экономического сотрудничества является «участие в многостороннем сотрудничестве в рамках международных организаций и межгосударственных образований, институтов и форумов в качестве фактора органичной интеграции в мировое сообщество в интересах развития национальной экономики» [7].

Необходимо отметить, что Основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь приняты в 2005 г. За более чем пятнадцатилетний период в мировом хозяйстве в целом, соответственно, и в развитии экономики Беларуси произошли серьезные изменения. Республика Беларусь стала участницей ЕАЭС, сформированного 29 мая 2014 г. и начавшего свою деятельность 1 января 2015 г. Появились многочисленные вызовы, оказывающие значительное влияние на устойчивое развитие Беларуси, среди которых применение международных санкций с 2020 г., усиление нестабильности, конкуренции, протекционизма и торговые конфликты на мировом рынке.

В 2020 г. в условиях применения внешних ограничений со стороны стран, занявших недружественную политику в отношении Республики Беларусь и Российской Федерации, в рамках Союзного государства произошла активизация интеграционных процессов между двумя странами. Главами государств 4 ноября 2021 г. подписан Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России «Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021—2023 годы» [5], включающий 28 союзных интеграционных программ. Документ предписывает государствам подготовить и подписать целый ряд двусторонних соглашений по различным направлениям взаимного сотрудничества, в том числе и по формированию единых подходов к системе государственного стратегического планирования (целеполагание, прогнозирование и программирование). По сообщениям в СМИ, более 40 % мероприятий, предусмотренных программами на первом этапе, уже реализовано.

Для белорусских производителей российский рынок становится основным. Россия является одним из главных торговых партнеров Беларуси, что подтверждается показателями 2021 г. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, товарооборот России с Беларусью составил более 40 млрд дол. США, что на 34,9 % превышает показатель 2020 г. Экспорт Беларуси в Россию достиг 16,4 млрд дол. США (+24,4 % к уровню 2020 г.) [6]. Происходит перенаправление логистических цепей через Российскую Федерацию. Оба государства приступили к активному взаимодействию в вопросах импортозамещения.

В условиях антироссийских санкций активизировалось сотрудничество Российской Федерации с Республикой Беларусь по многим направлениям. Стратегическое союзничество России с Беларусью закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации. Расширение стратегического взаимодействия с Беларусью на площадке Союзного государства и развитие интеграционных процессов во всех областях является одним из приоритетов внешней политики государства.

Остальные страны — участницы ЕАЭС (Армения, Казахстан и Кыргызстан) не подвергаются прямому применению санкций. Однако данные государства испытывают косвенное их влияние на внутреннюю экономику. В связи с этим в Союзе в 2022 г. принят ряд документов по минимизации последствий санкционного давления, основным из которых стало распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств — членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности» [9].

На площадке СНГ также планируется обсуждение совместных мер по минимизации воздействия санкционной политики стран, ведущих недружественную политику, на экономики государств — участников Содружества.

В июне 2022 г. Республика Беларусь подготовила заявку на членство в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которой с 2010 г. Беларусь имеет статус страны-наблюдателя. Саммит ШОС может уже в ближайшее время рассмотреть заявку и принять решение. Полноправное участие в организации расширит возможности экономического развития Беларуси.

Таким образом, происходит совершенствование интеграционной политики региональных объединений, что вызывает необходимость ее изменения на национальном уровне.

При этом долгий срок действия Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь снижает оперативность проведения внешнеэкономической деятельности в государстве, не позволяет учитывать происходящие изменения в мировом хозяйстве. К тому же, данный нормативный акт, указывая принципы, задачи и основные направления внутренней и внешней политики Беларуси, не предусматривает механизмы их реализации.

В связи с этим можно обратиться к опыту совершенствования внешнеэкономической деятельности других стран — участниц ЕАЭС, в которых также разрабатываются стратегии и программы социально-экономического развития, учитывающие происходящие изменения в развитии мирового хозяйства.

Так, в 2022 г. Министерство иностранных дел России подготовило новую Концепцию внешней политики Российской Федерации, которая с учетом изменений в мире заменила концепцию 2016 г. В Казахстане реализуется Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020—2030 годы, которая заменила Концепцию внешней политики на 2014—2020 годы. В Кыргызстане с 2019 г. действует Концепция внешней политики Кыргызской Республики. В данных документах рассмотрен современный этап развития мирового хозяйства, а также определены инструменты и механизмы реализации приоритетов внешнеэкономической деятельности, в том числе и в развитии интеграционных процессов.

Таким образом, в Республике Беларусь создана нормативно-правовая база, позволяющая активно участвовать в международных региональных объединениях и использовать их возможности для дальнейшего социально-экономического развития страны.

Вместе с тем на современном этапе развития мирового хозяйства происходят значительные изменения, которые оказывают большое влияние на экономику государства. В данных условиях региональные интеграционные объединения, в которых участвует Беларусь, оказывают существенную поддержку экономике страны. Наряду с этим назрела необходимость пересмотра и совершенствования интеграционной политики государства, которая становится одним из приоритетов внешнеэкономической деятельности Беларуси. С этой целью целесообразно разработать концепцию внешней политики Республики Беларусь, в которой будут изложены вопросы интеграционной политики с учетом современного этапа развития мировой экономики. При разработке концепции предлагается использовать опыт стран — участниц ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=3871&po=fo1400176>>. — Дата доступа: 27.07.2022.
2. Договор о создании Союзного государства Беларуси и России [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. — Режим доступа: <<https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva>>. — Дата доступа: 27.07.2022.
3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>>. — Дата доступа: 26.07.2022.
4. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>>. — Дата доступа: 26.07.2022.
5. Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021—2023 годы: Декрет Высш. Гос. Совета Союз. государства Беларуси и России от 4 нояб. 2021 г. № 6 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Республики Беларусь ЭТАЛОН-ONLINE. — Режим доступа: <<https://etalonline.by/document/?regnum=ad2100022>>. — Дата доступа: 27.07.2022.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<https://www.belstat.gov.by/>>. — Дата доступа: 01.10.2022.
7. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=3871&po=N10500060>>. — Дата доступа: 26.07.2022.
8. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021—2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июня 2021 г. № 292 [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/292uk.pdf>>. — Дата доступа: 26.07.2022.
9. О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств — членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности: распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17 марта 2022 г. № 17 [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. — Режим доступа: <https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01431501/ert_18032022_12>. — Дата доступа: 01.10.2022.
10. Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <<https://cis.minsk.by/page/show?id=180>>. — Дата доступа: 27.07.2022.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2022 г.

Материал был включен в сборник XXI Международной научной конференции «Беларусь в современном мире», состоявшейся 27 октября 2022 г. на факультете международных отношений Белорусского государственного университета, но не был опубликован из-за технической ошибки

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Журнал ориентирован на профессорско-преподавательский состав университетов, научных сотрудников, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов и студентов учреждений высшего образования, работающих в области международных отношений и международного права.

Все научные статьи проходят обязательное двойное «слепое» рецензирование. С 2019 г. фамилии рецензентов не публикуются в журнале.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается плата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2023 № 1 (104) январь—март

Подписано в печать 17.04.2023 г. Выход в свет в апреле—мае 2023 г.

Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,53. Тираж 40 экз. Заказ № 310Ц.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33

Распространяется бесплатно